

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения РАН
Самарский государственный университет

**ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И НАЛОГОВО-ПОВИННОСТНЫЕ ПРАКТИКИ
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ X–XXI вв.**

**XXXIV СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
Самара, 23–26 сентября 2014 г.

Москва 2014

ББК 63.3
Ф 63

**XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РГНФ
Проект № 14-01-14003г**

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (отв. ред.), В.А. Ильиных, А.И. Комиссаренко,
М.Д. Карпачев, В.Д. Назаров, В.Н. Никулин, Н.В. Соколова

**Ф 63 Фискальная политика и налогово-повинностные практики
в аграрной истории России X–XXI вв. : XXXIV сессия
Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : Тезисы
докладов и сообщений : Самара, 23-26 сентября 2014 г.– М.:
ИСл РАН, 2014. – 222 с.**

ISBN 978-5-7576-0314-8

ББК 63.3

ISBN 978-5-7576-0314-8

© Коллектив авторов, 2014
© Оргкомитет Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы, 2014

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ
Киевская Русь – середина XIX в.

УДК 94(47)

М.Б. Свердлов¹

**Хронология, типология исторических источников,
методы изучения налогов и повинностей сельского населения
на Руси X–XI вв.**

Комплексный анализ нарративных, юридических, лингвистических и археологических источников, древнерусских и иностранных, сравнительно-исторический метод позволяют установить, что экономическое и общественно-политическое развитие государственности Руси X–XI вв. включало регулярное взимание фиксированных податей с сельского населения и исполнение государственных повинностей.

Ключевые слова: подати, повинности, типология исторических источников, сравнительно-исторический анализ.

Древнерусские источники X–XI вв., как известно, нарративно-го происхождения и фрагментарного характера. Для изучения налогов и повинностей сельского населения это их качество может создать иллюзию недостоверности, возможности произвольного толкования. Основным теоретическим принципом изучения структуры древнерусских налогово-повинностных практик является исследование эволюции общества как системы в ее развитии, что задает критерии объективности для исторического анализа. Практический принцип их изучения состоит в комплексном использовании разных по происхождению источников – письмен-

¹ *Свердлов Михаил Борисович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, sverdlovmb@mail.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

ных, археологических, единовременных историческим событиям, а также анализ литературной и лингвистической традиции.

В докладе на Брянской сессии Симпозиума я отметил, что синхростадиальный анализ письменных и лингвистических источников, относящихся к последней стадии племенного строя у славян позволяет установить практику добровольного обеспечения продовольствием князя и его дружины в мирное время. Этот вид добровольных податей, вероятно, назывался **daġь*. Он становился, по-видимому, формой *почестья* – признанием рядовыми членами племени особого почетного положения избранного на народном собрании князя. В средневековый период истории России такие добровольные внутриплеменные натуральные подношения князю и его служилым людям развились в особые подати – *дар* и *почестье*. *Дар* по происхождению и *почестье* по своей презентативной функции отмечаются в Поконе вирном князя Ярослава во въездной гривне вирника.

При изучении налогов и повинностей сельского населения на Руси X–XI вв. важно установить уровень развития общественно-политического строя, который обеспечивал функционирование налогово-повинностных практик. Поскольку Повесть временных лет (далее – ПВЛ), историко-литературное произведение, является основным источником для изучения данной темы, существенно определение степени достоверности ее сведений в их сопоставлении с информацией других источников.

Переводы аутентичных списков русско-византийских договоров 911, 944 гг. (Я. Малингуди, С.М. Каштанов и др.; существование особого договора 907 г. дискуссионно) бытовали самостоятельно до их включения в ПВЛ в 1113–1116 гг. В договоре 911 г. князь Олег указан как обладатель высшей власти и единственный контрагент византийских императоров (в соответствии с формуляром с обеих сторон указаны также *бояре* и *все люди*). *Под рукою*, символом княжеской власти, находились все люди *Русской земли*. В договоре 944 г. князь Игорь указан также как высшее лицо в организации русско-византийских дипломатических и торговых связей, как гарант исполнения договорных обязательств русскими людьми в Константинополе. *Князь русский* – контрагент византий-

ских императоров в осуществлении союзных военных отношений двух государств (Г.Г. Литаврин). Эти сведения древнейших русских государственно-правовых документов в полной мере соответствуют всему комплексу греко-, латино- и арабоязычных источников, а также Начального свода 1093–1095 гг. и ПВЛ о формировании и развитии во второй половине IX – первой половине X в. многоэтничного Древнерусского государства с высшими государственными, правовыми и военными функциями. Восточнославянские нормы *Закона Русского* (Правда Русская) учитывались при составлении русско-византийских договоров.

Для источников, использованных византийским императором Константином Багрянородным при написании *Об управлении империей* (середина X в.), географическими ориентирами Руси были города. Как следует из главы 6 этого труда, сын князя Игоря Святослав правил в Новгороде, персонифицируя власть отца. Существовавшая политическая, экономическая (значительная часть Балтийско-Днепровско-Черноморского пути), идеологическая, историческая ось Киев-Новгород уже существовала. Она сохраняла свое значение по XII в. включительно (М.Б. Свердлов). Эта ось, а также сеть речных и сухопутных путей создавали основу для постоянных внутренних связей существовавших в середине X в. племенных княжений, входивших в состав Руси. Система ежегодного «полюдья», прямое киевское административно-судебное управление, *кормления* и сбор податей с ноября по апрель осуществлялись посредством государственной дорожной повинности местного населения – *повоза*. С XIII в. она называлась *подвода*. Аналогично называлась дорожная повинность в Польше середины XI – середины XIII в. – *провод*, *повоз*, *подвода*. Существовала она, вероятно, во всех раннесредневековых европейских странах. Эти материалы свидетельствуют о достоверности сообщений ПВЛ о существовании на Руси IX–XI вв. *повоза* и *повозников* – повинности и людей, которые эту повинность исполняли.

По археологическим материалам в IX–X вв. основным типом восточнославянского сельского жилища являлся дом пло-

щадью 10–20 кв. м. с окружавшими его хозяйственными постройками, что свидетельствует о населении дома малой семьей и о ее хозяйственной самостоятельности (И.И. Ляпушкин, П.А. Раппопорт). Сообщения Начального свода и ПВЛ о взимании подати от дыма-дома с конца IX в. меховыми товаро-деньгами, кунами – куницами и веверицами – белками, аналогичны сведениям участника арабского посольства Ахмеда Ибн Фадлана, который в 922 г. находился в земле волжских булгар, обитавших в сходных со славянами природных условиях. По его сведениям, они платили своему царю ежегодно по шкурке от каждого дома. Такой же была дань булгар хазарскому кагану. Эти сведения, а также известия о ежегодном полюдье, свидетельствуют о ежегодном взимании фиксированной подати с сельского населения от каждого дома.

Вероятно, позднее, в XI в., этот вид налогообложения был дополнен податью *щьягами* от плуга – земли, распаханной одним плугом. Такая подать существовала в англосаксонской Англии и была сохранена Вильгельмом Завоевателем. Возможно, на Руси она была заимствована. На это указывает использованная в ПВЛ форма уплаты *щьягами* (слово заимствовано из древнескандинавского языка или древнегерманских языков) (М. Фасмер). Возможно, этот вид подати проецирован автором ПВЛ на IX в., но он продолжал существовать в русских землях XIII в. как *попужное*.

Таким образом, на Руси второй половины IX–XI в. существовала развивающаяся государственная налогово-повинностная система, исполнявшаяся сельским населением. Типология источников для ее изучения в этот период традиционна. Основное в их использовании – принцип совпадения и дополнительности их информации, а также комплексное применение системно-структурного и генетического методов.

УДК 94(47)''14/15''(338)

*Л.Г. Степанова*¹

**Фискальная политика Московского государства
и бюджет крестьянского хозяйства Новгородской земли
в конце XV – начале XVI в.**

Рассматривается фискальная политика Московского государства в отношении крестьянских хозяйств Новгородской земли после присоединения к Москве. Оцениваются бюджеты крестьянских хозяйств, положенных в разные доли налогообложения.

Ключевые слова: фискальная политика; Новгородская земля; крестьянское хозяйство; обложение; крестьянский бюджет.

Присоединение Новгородской земли к Москве стало важным шагом в образовании Русского централизованного государства. Новое государство нуждалось в налоговых поступлениях и, следовательно, в уточнении потенциальных возможностей налогообложения крестьянских хозяйств, составлявших основную массу производителей Новгородской земли. Оценка производственной мощности крестьянских хозяйств и положение их в тягло стало главной фискальной задачей новгородских переписей.

Московские писцы при проведении описаний использовали новгородскую единицу налогообложения – обжу, которая являлась нетвердой окладной единицей. Большинство исследователей полагало, что для определения мощности крестьянского хозяйства писцы оценивали главным образом размер пашни, который увязывали с размером тягла [4, с. 175]. Вполне закономерным поэтому считалось отнесение к зажиточным крестьянским хозяйствам тех дворов, в которых сеялось больше зерна, и построение на основании размера запашки модели бюджета среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли [1, с. 369]. Однако подобные бюджеты вызвали сомнения, поскольку дава-

¹ *Степанова Лилия Геннадьевна*, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

ли основание говорить о широком распространении в конце XV – начале XVI в. в Новгородской земле зажиточных дворов [3, с. 331; 4, с. 66–85].

Исследование, основанное на выделении из массива данных новгородских писцовых книг сначала крестьянских дворов, несущих одинаковое налоговое бремя, а потом уже подробное изучение хозяйственных характеристик крестьянских дворов внутри каждой группы, различающейся по налогообложению, позволило выявить, что обежное обложение в конце XV – начале XVI в. учитывало принцип «одабривания» земель. Подобный подход позволял уравнивать по тяжести налогов крестьянские дворы, расположенные на землях, отличающихся друг от друга по своему плодородию, т.е. изначально поставленные в разные условия существования.

Равнообежные группы представляют собой хозяйства, находящиеся примерно в одинаковых условиях, но отличающиеся между собой, как по размерам запашки, так и по запасам сена, а главное по размерам тягла. Тяжесть обложения крестьянских хозяйств увеличивается вместе с ростом запашки крестьян, как в расчете на двор, так и на «мужскую душу», что выглядит вполне закономерным. Однако, если в расчете на обжу, как единицу обложения, запашка оказывается приблизительно одинаковой (она находится в небольшом интервале с тенденцией снижения), то запасы сена при переходе от малообежных дворов к многообежным уменьшаются. В менее платежеспособных группах крестьянских дворов в расчете на обжу посевы оказываются крупнее, чем в более платежеспособных группах дворов, скрывая тем самым большую по площади запашку малоплодородной земли.

При сравнении бюджетов крестьянских дворов, положенных в разные доли обложения, выясняется, что тягло распространяется достаточно равномерно, следовательно, большинство крестьянских хозяйств несут равное налоговое бремя. Хотя, имеются хозяйства, выделяющиеся по своим производственным показателям от остальных. Возможно, в данном случае речь может идти либо о

льготном обложении, либо о еще довольно грубой работе системы «одабривания» земель.

Наши подсчеты показывают, что зерновые бюджеты средних крестьянских дворов в равнообложных группах возрастают пропорционально с ростом обложения, причем высокооблагаемые дворы имеют не только большие валовые урожаи, но и больший по численности состав крестьянского двора. Поэтому и размер потребления хлеба в крестьянском хозяйстве оказывается соизмеримым с получаемым урожаем.

В целом, оценивая потенциальную мощность крестьянского хозяйства как будущую налоговую базу, московские писцы в комплексе учитывали способность крестьянских хозяйств к уплате налогов и дифференцировали их по налогообложению в зависимости от предполагаемых результатов хозяйственной деятельности.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начала XVI в. Т. 1. Л., 1971.

2. Горская Н.А. Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 51–66.

3. Горская Н.А., Милов Л.В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.

4. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.-Л., 1965.

УДК 94(09)(470.2)-02

А.А. Фролов¹

**Древнейшая русская писцовая книга:
результаты и перспективы исследования²**

В работе излагаются основные результаты и пути дальнейшего изучения древнейшей из ныне известных писцовых книг Русского государства.

Ключевые слова: писцовые книги как источник, Деревская пятина, приемы анализа налогообложения.

Писцовая книга Деревской пятины конца XV в. (далее – ПКДП) – древнейшая из известных. Описание датируется осенью 1495 – осенью 1496 г., а рукопись – первой половиной 1499 г. В источниковедческом аспекте ПКДП изучалась в начале XX в. (Сергий /Тихомиров/, Н.Н. Ардашев, А.М. Андрияшев и др.), но ряд базовых вопросов (раздельная датировка писцового описания и составления книги) не ставился до последнего времени. «Многослойность» данного типа источников, выявленная по книгам XVII в. (Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский), не была вполне осознана историографией. В советский и постсоветский периоды информация новгородских книг конца XV – середины XVI в. рассматривалась в приложении максимум к двум историческим моментам («старое письмо»=«старые книги» и «новое письмо»=«новые книги»).

Для аграрной истории конца XV в. важно выяснить происхождение анализируемых сведений ПКДП. Однако характеристике всего комплекса писцовых книг как источника посвящено несколько абзацев в коллективной монографии по аграрной истории Северо-Запада России (Т. 1. Л., 1971. Отв. ред. А.Л. Шапиро) и в книге Л.Г. Степановой о новгородском крестьянстве рубежа XV–XVI в. (М., 2004).

В 2000-е годы исследовано административное устройство Деревской пятины, локализовано на карте большинство селений конца XV в. (А.А. Фролов, Н.В. Пиотух). ГИС-технологии расширяют

¹ Фролов Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, nrkfrolov@rambler.ru, Россия, г. Москва.

² Работа написана при поддержке РГНФ, грант №13-01-00122а.

возможности использования «географической информации» ПКДП и позволяют говорить об организации материала в рукописи, приемах ее компоновки и методах работы писцов в поле (А.А. Фролов). Необходимым для понимания происхождения в рукописи отдельных сведений и ее истории в целом стало изучение палеографии и кодикологии рукописи (Л.В. Мошкова).

Собранные данные открывают новую перспективу исследований ПКДП – выделение в источнике «слоев» различного времени и различного происхождения и, соответственно, значительно более четкое определение информативных возможностей тех или иных сведений ПКДП. Удастся выделить: 1) данные, собранные непосредственно в ходе «нового письма» в поле; 2) дополнения, внесенные в ходе создания белой рукописи; 3) приписки более позднего времени. Сведения «старых книг», с которыми сравниваются данные «нового письма», подразделяются как минимум на два пласта: 4) «старое письмо» – некое описание, отражающее тяглоспособность крестьянских хозяйств до «нового письма», и 5) сведения о доходах, включенные в «старые книги», но полученные уже после «старого письма» – в момент конфискации земли у новгородских вотчинников.

Одной из задач составителя рукописи была увязка сведений разного происхождения. Так, описание селений по «новому письму» ему приходилось снабжать данными о доходе, которые больше соответствовали ситуации «старого письма» или промежуточной. Решение вопроса о том, каким образом он соотносил несинхронные сведения разных «слоев», является новым средством выяснения данных о состоянии новгородских хозяйств в «новгородское» и «раннемосковское» время.

Например, в Заборовском погосте за великим князем на землях, отобранных у Аркажского монастыря, была 21 деревня с окладом от 1 до 4 обож. В 19 селениях денежный доход (соответствующий моменту конфискации земли у монастыря) с обжи составлял 4,25 ден. Но в 2 селениях наблюдается отклонение от нормы: в одной деревне доход с обжи составлял 4 ден., а в другой одна обжа платила по обшей норме (4,25 ден.), а две – по 4 ден. Наличие «аномальных» обож

дает основания предполагать их более позднее возникновение, запустение, льготный характер их эксплуатации или иное объяснение.

Часто «аномалии» находятся в рациональном соотношении с нормой дохода и свидетельствуют о расчете, произведенном, исходя из большего или меньшего числа обож, нежели показано по «новому письму». Так, в Городенском погосте в поместье Микиты Федорова Неплюева «старый» доход (отражающий момент конфискации земли у новгородца, житего человека Ивана Яковлева Солонинова) платили деньгами 7 деревень, из которых 6 – по 3 ден. с обжи. Очевидно, что это общая норма, применявшаяся в данном владении. В седьмой, однообожной деревне доход составляет 6 ден., то есть фактически исчислялся из расчета двух, а не одной обож; к моменту «нового письма» одна из двух обож перестала существовать. Это соответствует отмеченной в итогах по поместью убыли одной обжи, произошедшей от «старого письма» к «новому».

Таким образом, сопоставление напрямую сведений из разных «слоев» ПКДП (скажем, дохода с деревни и ее обожного оклада) не вполне корректно. Выявление и анализ применявшихся норм и аномалий в статистических данных древнейших писцовых книг – перспектива, возможности которой пока до конца неясны. Очевидно, что разработка этого направления позволит не только уточнить представления о «старом письме» и реконструировать предысторию каждого селения писцовой книги в последней четверти XV в., но и продвинет изучение вопроса об основах новгородской системы налогообложения.

УДК 94(47). 04

М.С. Черкасова¹

Плуг и поплужное на Устюге в XV–XVII вв.

Рассмотрены окладные единицы – плуг, поплужное и налоговые взимания древнерусской и ордынской эпохи, их ретроспективное отражение в позднейших устюжских актах и писцовых книгах. Происхождение «плуга» объясняется фор-

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный педагогический университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

мированием и развитием домениальных владений московских великих князей, княгинь, царей и цариц.

Ключевые слова: окладные единицы, плуг, земельные сделки, городское землевладение.

Некоторые окладные единицы и налоговые взимания древнерусской и ордынской эпох продолжали существовать в том или ином виде в Московской Руси. Согласно Повести временных лет, в IX–X вв. дань бралась «от плуга/рала». В ярлыке хана Менгу-Темира митрополиту Кириллу 1267 г. фигурируют дань, ям, тамга, поплужное и берущие его поплужники. А.А. Зимин видит аналогию последнему в «поральском серебре» духовной новгородца Климента 1270 г., «поральном» и «посошном» некоторых актов XV в.¹ В грамотах Василия II Троице-Сергиеву монастырю по Радонежу и Соли Галицкой середины XV в. определены размеры наместничьего, волостелина и тиунского корма «з дву плуг»². В актах речь обычно шла о посошном корме, что также сближает плуг с сохой. В крестьянских порядных и окладных книгах вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI в. плуг соотносим с земледельческим хозяйством и идущими с него вотчинными повинностями.

Территориальное и хронологическое расширение сведений о бытовании плуга и поплужного возможно при обращении к устюжским актам³ и писцовым книгам XVI–XVII вв. Во вкладных, посильных, купчих, духовных постоянно фигурируют: плуг/плужище великого князя/царя и великой княгини/царицы, плужная земля, поплужная пошлина, поплужный хлеб. Грамотами оформлялись различные сделки посадских людей между собой и с городским Михайло-Архангельским монастырем на «плужные дворы со всеми хоромами, землей пашенной и непашенной, и с огородами, с ярью и рожью, с

¹ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 467–468, 477.

² АСЭИ. Т. 1. № 260, 261.

³ Шляпин В.П. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912–1913. Ч. 1–2.

пожни и притеребы». Выявлено редкое наименование: поплужная грамота (1514 г. – по сути отступная). Объекты сделок располагались на посаде или в ближайшей округе, вполне гомогенной с ним в налогово-экономическом отношении. Операции совершались на доли «плугов земли», индивидуально и численно разными группами. Доли плугов выкупались прежними владельцами, за них велись судебные тяжбы (в период писцового описания города в 1521 г.).

Понятия плужной и пашенной земли в актах хотя и различаются, но дополняют друг друга: первое наделено тягло-податными характеристиками, а второе – хозяйственными. Если плугам соответствовали жилые тяглые двory с землей, то плужищам – дворища (учитываемые пустые двory). О тяглом статусе продаваемой другому лицу доли плуга свидетельствует статья о переходе к новому владельцу всех налоговых обязательств – «старых потугов и поплужного хлеба, и оброков», «дани государевой и оброка, и проторов старых, и службы, и хлеба великого князя, и поплужной пошщины». Поплужное бралось натурой и деньгами. Позднее употребление термина плужная тяглая земля замечено в писцовой книге конца XVII в.

Поплужная пошщина встречается во фрагменте посадской окладной книги по Соли Вычегодской за 1567 г. наряду с другими налогами, восходящими к ордынской эпохе, поминочными и ямскими деньгами, ямским делом, черными соболями (явный отголосок «черного бора» с устюжско-вычегодских мест). Книга приведена в пересказе краеведа [1, с. 81]. Вместе с «поминочными черными соболями» поплужная пошщина фигурирует и в писцовой книге по посаду Устюга 1623–1625 гг.¹ «Бегоулева издержка и невыплата» – еще одна архаическая реплика татарских налогов в этом крае (бегоули – лица из низшего звена административно-налоговой организации).

Сделки на доли плугов наиболее заметны в древнейшей части Устюга – «на посаде в Леонтьевском конце», где с 1216–1218 гг. располагался и Михайло-Архангельский монастырь. Объяснение здешним «плугам» можно дать лишь косвенное. Во-первых (с точки зрения их возможного татарского происхождения), существованием в

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 506. Л. 76.

городе в 1260-е гг. резиденции баскака Бугая, а позднее – Баскачьего стана на пространстве между Устюгом и Солью Вычегодской. Во-вторых (в плане определения их как великокняжеских), формированием здесь домениальных владений московских правителей к началу XV в., что отражено духовными Василия I (варианты 1406/07 и 1417 гг.) и Василия II 1461 г., dokonчанием Ивана III с кн. А.В. Углицким 1473 г.¹ В актах упомянуты «плуг великого князя Захаровский и два плуга великой княгини и царицы» – Воронинский и Жилкино плужище. Исторически это были части Устюга, имевшего глубоко аграрные черты («что на посаде на плужной земле ржи сеяно...»), с зафиксированным (не исключено, что письменно) податным статусом. Единицами же учета дворов с участками, возможно, еще при татарах с XIII в. стали «плуги» и их более мелкие доли.

Литература

1. *Соскин А.* История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997.

УДК 94(47).04

*З.В. Дмитриева*²

Налоги и повинности населения Новгородской земли в «смутное время» (1611–1617)

В тезисах рассматривается налогообложение новгородских земель в период шведской оккупация (1611–1617 гг.).

Ключевые слова: экономическая и аграрная история России; прямые и косвенные налоги; кадастровые описания; Новгородская приказная изба; Новгородский оккупационный архив.

Источниковую базу для изучения налогообложения Новгородской земли во время шведской оккупации (1611–1617) составляет значительный комплекс делопроизводственных материалов Новгородской приказной избы. Большая часть этого фонда (Новгородский

¹ ДДГ. № 20–22, 61, 70.

² *Дмитриева Зоя Васильевна*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, zvdmitr.@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

оккупационный архив – Ockupationsarkivet fren Novgorod) хранится в Государственном архиве Швеции в Стокгольме и состоит из двух описей. В первую опись включены кодексы (книги и тетради), вторую – столбцы, общий объем – более 500 ед. хр. Часть актов Новгородской приказной избы в 1837–1844 гг. изъят и вернул в Россию профессор Гельсингфорского университета С.В. Соловьев. Позднее эти материалы он передал в Императорскую Археографическую комиссию. Сегодня коллекция С.В. Соловьева находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Налоги и повинности фиксировала следующая документация: сметные списки, приходные денежные книги, дозорные и обыскные книги, книги «сбора немецким ратным людям на корм», «приимочные книги» и «книги сбора хлеба и денег ратным людям на жалованье», таможенные, банные, кабацкие книги, книги записи выделения четвертого и пятого снопа ржи, ярового хлеба и хмеля. Все перечисленные выше материалы представляют собой официальную документацию, предназначенную для упорядочения системы обложения и учета взимания налогов и исполнения повинностей. Сохранились акты, исходящие из среды посадских людей и крестьян и имеющие прямое отношение к сбору налогов. К ним относятся челобитные, «выборы» и поручные записи. Челобитные можно рассматривать как обобщающие документы, где перечислены все платежи и повинности населения. «Выборы» и поручные записи оформлялись в случаях избрания общиной целовальников или пятиконецких старост к государеву кабаку, «к пивному варенью», «для винного приему», в таможенную избу, «в государеву торговую баню», в тюрьму и т.д.

В организации обложения шведско-русская администрация опиралась на крестьянскую общину и мирское самоуправление. Община выбирала целовальников или «посылочных подьячих». «Порутчики» гарантировали, что выбранное лицо все дела будет делать «вправду». Описания деревень и погостов с целью установления платежеспособности крестьян проводились с участием крестьянского мира (общины). Представители новгородской администрации вместе со священником, волостными людьми и вы-

борными целовальниками выделяли на «государя Густофа Адолфа Карлусовича» «изо всякого хлеба четвертной сноп».

Прямые налоги собирались с сохи, обжи и выти. Обжа и выть представляли собой малые единицы обложения или раскладки повинностей внутри погостов, положенных в сохи. Обежный счет традиционно присутствовал в новгородских пятинах, вытное письмо, как правило, на черносошных и монастырских землях. На крестьянский двор приходились доли обжи или выти.

Основанием для сбора налогов были результаты дозоров, зафиксированные в дозорных или обыскных книгах. В наиболее разоренных районах описывали деревни и погосты почти ежегодно. Новые книги отражали молниеносное запустение территории, убыль населения и сокращение налоговых поступлений. Важно отметить, что за крестьян, которые «розбежались», платили землевладельцы. Недоимки иногда взимались и со сборщиков налогов. На черносошных и дворцовых землях крестьяне были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность за своевременное и в полном объеме их поступление в Новгород или на места (погосты, станы), указанные шведско-русской администрацией. Коллективно отвечали за несение тягла и посадские люди городов.

Косвенные налоги собирались с ограниченного круга товаров широкого потребления (спиртные напитки – «питейные», «кабацкие сборы»; соль) и услуг («баннные деньги»).

Взимались также таможенные сборы, включавшие весчее, тамгу, поголовное, мытное, узельцовое, амбарное и др. В период оккупации значительную долю составляли экстраординарные платежи, повинности и сборы. Их величина и периодичность определялась потребностями шведской армии.

При изучении налогообложения «смутного времени» необходимо учитывать важное обстоятельство: взаимозаменяемость налогов, сборов и повинностей. Натуральные сборы могли переводиться в деньги. Повинности по челобитью населения зачислялись в счет сбора прямых налогов.

В организации обложения шведско-русская администрация сохранила традиционные отношения, сложившиеся в Московской Руси

к концу XVI в. Сохранены были и основные виды прямых налогов: денежный оброк, данные, кормовые, ямские, приметные и полонянничные деньги. Однако нормы этих платежей с обжи и с выти во время оккупации значительно возросли. В сумме крестьяне с единицы обложения платили около 18 руб., со двора примерно 3–4,5 руб. (если считать, что в среднем двор облагался 1/6 или 1/4 выти или обжи). По подсчетам Р.Б. Мюллер, в Заонежских погостах в 1588 г. все государственные платежи с обжи составили 379 денег, т.е. менее 2-х р.; на двор – не более 114 денег. Тем самым становится понятно, почему новгородские пятины в 1620-е гг. оказались более разоренными, чем другие земли.

УДК 94(47).046

А.Г. Иванов¹

**Ясачная практика налогов и повинностей
в марийской деревне Среднего Поволжья
во второй половине XVI – начале XVIII в.**

Рассматривается ясачная практика налогов и повинностей в марийской деревне Среднего Поволжья как составная часть государственной фискально-податной системы второй половины XVI – начала XVIII в.

Ключевые слова: ясачное обложение, налоги, повинности, марийские крестьяне.

С середины XVI в. ясачная практика налогов и повинностей, получившая распространение в Среднем Поволжье еще во времена Казанского ханства [1, с. 107], стала важной составной частью фискально-податной системы Российского государства. Существенно видоизмененная она продолжала функционировать вплоть до введения в 1724 г. подушной подати, заменившей собой «ясак» средневожских народов, в том числе марийских государственных крестьян, известных в источниках того времени как «ясашная черемиса».

В марийской деревне, как и во всей «Казанской земле», ясак являлся основным государственным налогом, фиксированной де-

¹ *Иванов Ананий Герасимович*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

нежной и хлебной податью, взимаемой в царскую казну с определенной площади крестьянских пашен и сенокосов. По данным дозорной книги Алатской дороги Казанского уезда 1614 г. «ясашная чюваша и черемиса на целой ясак пашни пашут по три и четыре и по пять и по шти четвертей; сена косят по семидесят и по осьмидесят копен» [2, с. 100–101]. Размер ясака как фискальной единицы зависел от величины земельной площади подобно тому, как это имело место в посошном (повытном) налогообложении в русской черносошной деревне.

Кроме ясака, основной поземельной подати, на марийских крестьян накладывались другие платежи. К ним относились денежные оброчные статьи с бобровых гонов, бортных ухажав, мельниц-мутовок, рыбных ловель и др. По показаниям ясачных марийцев Козьмодемьянского уезда 1682 г. «с пашни и с сенных покосов и с лесу со всяких угодей платят они посоп и ясаку, да сверх посопу и ясаку з бортного ухажья платят они в нашу великих государей казну по 9 рублей по 17 алтын и по 2 денги на год»¹.

Денежные и натуральные подати дополнялись обременительными казенными повинностями по перевозке ясачными крестьянами различных грузов, служилых и приказных людей; «городовому делу» – рубке и доставке бревен для постройки крепостных сооружений, государевых «житниц», «аманантных дворов»; сплаву леса в низовые волжские города; возведению Симбирской и Закамской укреплённых линий; привлечению к ратной службе «конной и пешей черемисы» и других издержек, отрывавших земледельца от основной хозяйственной деятельности.

Ясачное обложение базировалось на феодальной государственной земельной собственности, землевладении марийских крестьянских общин («сотня-волость», «волость», «волость с починки», «себе усадом» и «деревня») и долевым землепользовании отдельных крестьянских дворов. Конкретная величина ясака во многом определялась устоявшейся практикой ясачной фискальной полити-

¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 1293. Л. 4.

ки, возраставшими государственными потребностями, влиянием природно-географических условий, жизнеобеспеченностью крестьянских семей и общин, остротой социального протеста ясачных людей росту податей и повинностей, нередко усугублявшихся корыстными поборами приказных людей. При этом размер ясака-налога в марийской деревне заметно различался не только между уездами, но и сельскими общинами и отдельными крестьянскими дворами («ясак», «ясак бес чети», «пол-ясака», «четы ясака», «ясак бес получети» и т.д.). Согласно переписной книге 1678 г. из числа учтенных 2818 крестьянских дворов 22 марийских волостей Галицкой дороги Казанского уезда по 2 ясака платили 2 двора (0,07 %); 1,5 ясака – 18 (0,63 %); 1,0 ясак – 393 (13,9 %); 0,75 ясака – 65 (2,3 %); 0,5 ясака – 2193 (77,6 %); 0,25 ясака – 141 (5,0 %); «бобыльский оброк» – 6 дворов (0,5 %) [3, с. 105]. С конца XVII в. наряду с ясаком внедрялось и подворное обложение¹.

Рассматриваемое время характеризовалось неуклонным ростом государственных податей и повинностей ясачных людей, что в общем было типичным и для других прослоек российского крестьянства. В частности, марийские крестьяне в 1624–1664 гг. с каждого ясака ежегодно в среднем вносили в казну по 48 коп., по 1 четверти ржи и овса, полосьмины ячменя. К 1678 г. денежная часть ясака возросла до 58 коп., а хлебные сборы – в два раза, а в 1697 г. с 1 ясака платили более 1 руб. В 1723 г. в поволжских уездах с марийским населением размеры ясака колебались от 6 руб. 30 коп. до 14 руб., не считая возросшие хлебные сборы, различные отработочные повинности, трудовые мобилизации, рекрутчину и другие тяготы петровских преобразований, разорившие и ясачную марийскую деревню. Экстраординарные фискальные меры и чрезмерные трудовые повинности первой четверти XVIII в. явились основной причиной массовых побегов ясачных марийских крестьян в Закамье и Приуралье, на башкирские земли, где к середине XVIII в. сформировалась своеобразная этническая группа восточных марийцев.

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1121. Л. 68 об.

Литература

1. *Димитриев В.Д.* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12.
2. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1951. Т. 1. Ч. 2.
3. *Айплатов Г.Н.* Ясачное землевладение в Среднем Поволжье в XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. VIII.

УДК 94(47).046

*Д.А. Черненко, П.В. Чеченков*¹

**Сведения о четвертной пашне писцовых книг
Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 гг.
в свете изучения барщины и налогообложения в России
первой половины XVII в.**²

В статье рассматриваются возможности изучения феодальной ренты и налогообложения с помощью компьютерного анализа данных валового описания первой трети XVII в.

Ключевые слова: аграрная история России; история дворянства; социально-экономическая история России.

Писцовые книги 1620–1630-х гг., как известно, создавались в ситуации налоговой реформы, означавшей постепенный переход от поземельного обложения к подворному. Главной окладной единицей становилась «живущая четверть». Однако, хотя объект налогообложения изменился, валовое описание первой трети XVII в. сохранило поземельный характер, а пис-

¹ *Чеченков Павел Валерьевич*, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, chchenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород; *Черненко Дмитрий Анатольевич*, кандидат исторических наук, Вологодский государственный педагогический университет, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Вологда.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проект № 12-01-00206.

цы продолжали фиксировать площадь земельных угодий каждой дачи.

Как следует из текста писцовой книги, описание уезда происходило с 1621/22 по 1623/24 г., чистовик писцовой книги был утвержден в Поместном приказе в 1628 г. Размер же «живущей четверти» для Нижегородского уезда в количестве 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов был определен в 1623–1628 гг. Поэтому писцы описывали уезд, еще не зная размера «живущей четверти», руководствуясь старыми принципами «сошного письма», заполнили итоги позднее. Это главная особенность писцовой книги Дмитрия Лодыгина.

По классификации Л.В. Милова, писцовая книга Нижегородского уезда 1623–1624 гг. относится к оптимальному варианту, т.е. она содержит раздельные данные о крестьянской и о владельческой пашне. Насколько позволяют судить результаты корреляционного анализа, земельная статистика писцовой книги Нижегородского уезда отличается очень высокой степенью точности. Так, коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей площадью «пашни паханой» (крестьянской и владельческой) – с другой, составил 0,92 (данные брались на уровне итогов по каждой даче). Это едва ли не самый высокий среди аналогичных показателей, известных в соответствующей историографии, который сам по себе очень важен с источниковедческой точки зрения, поскольку позволяет более оптимистично смотреть на проблему достоверности данных валового письма в целом. Коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей площадью «четвертной пашни», с другой, также довольно высок и составил 0,71. Группировка этих данных представлена ниже.

Таблица 1

**Крестьянская запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)**

величина запашки	доля владений (%)
нет крестьянской пашни	6,6
от 1 до 2 четей в поле	30,4
от 2 до 2,5 четей в поле	42,5
от 2,6 до 3 четей в поле	16,9
более 3 четей в поле	3,6
всего	100
в среднем (четей в поле)	2,05

Таблица 2

**Владельческая запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг.
(в среднем на двор во владении)**

величина запашки	доля владений (%)
не более 1 чети	4,1
от 1 до 2 четей в поле	26,8
от 2 до 2,5 четей в поле	20,4
от 2,6 до 3 четей в поле	12,2
более 3 четей в поле	36,5
всего	100
в среднем (четей в поле)	3,4

Данные таблиц показывают достаточно реалистичные размеры крестьянской и владельческой запашки по сведениям нижегородской писцовой книги: они укладываются в интервал 4–6 дес. в трех полях, который признавался наиболее вероятной оптимальной величиной распашки на тягло ведущими специалистами на основе анализа дан-

ных второй половины XVIII в. (Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Милов, Ю.А. Тихонов). При этом хорошо видно, что господская запашка в целом была больше по размеру и гораздо чаще достигала максимальных для этого периода значений в 3 и более четв в поле на двор. Лишь в трети владений, как видно из следующей таблицы 3, крестьянская пашня превосходила владельческую.

Таблица 3

Соотношение владельческой и крестьянской запашки в поместьях и светских вотчинах Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)

четей владельческой пашни на 1 четв крестьянской	доля владений
менее 1	33,5
от 1 до 1,5	30,9
от 1,6 до 2	15,4
от 2,1 до 3	13,1
более 3	7,1
всего	100
в среднем (четей в поле)	1,5

Одной из наиболее ярких особенностей массива данных писцовой книги Нижегородского уезда являются исключительно высокие показатели «пашни, паханной наездом». Соотношение «пашни паханой» и «пашни, паханной наездом» было практически 1 к 1 (на примере 14,6 тыс. четей в поле пашни паханой приходится 13,8 тыс. четей в поле наезжей пашни). Для сравнения, в соседнем Суздальском уезде на 55,5 тыс. четей в поле пашни паханой приходилось всего 225 четей в поле наезжей пашни. В сильно разоренном Алексинском уезде, где примерно 30 % дворов стояли пустыми, а «пашня паханая» составляла около 10 % от всей «четвертной земли», доля наезжей пашни была всего 1 %. Аномально высокие показатели наезжей пашни в более благополучном Нижегородском уезде говорят о том, что здесь они могли нести некую фискальную функцию.

Схожие явления видны и по описаниям других уездов. Так, текст наказа писцам, описывавшим Суздальский уезд в 1628–1630 гг., содержит ясное указание тщательно проверять площадь и состав земельных угодий у владельца, а также прямое и настойчивое требование переводить перелог в «пашню паханую», особенно в случаях, когда запустение поместий произошло по вине помещиков «от них запустело». Следовательно, данные о «четвертной земле» даже и после введения «дворовой чети» продолжают нести некую вспомогательную фискальную нагрузку, выполняя по отношению к землевладельцу роль санкции или принудительного стимула.

Показательно, что величина наезжей пашни не коррелирует ни с количеством крестьянских дворов, ни с количеством собственно пашни паханой. Единственная выявленная закономерность заключается в том, что чем больше площадь владения в целом, тем больше в нем будет указана величина наезжей пашни ($r=0,77$). Можно предположить, что в наезжую пашню была включена какая-то часть пашни паханой, что в категориях поземельного налогообложения означало бы сокращение «живущего» и величины налога. Это предположение отчасти подтверждается тем, что в экономически более слабых поместьях показатели наезжей пашни значительно выше, чем в немногочисленных вотчинах.

Таблица 4

**Показатели пашни, паханной наездом,
в сравнении с другими показателями светских дач**

	доля наезжей пашни в общей площади четвертной земли (%)	наезжей пашни на двор (четей в поле)	соотношение пашня паханая/наезд	соотношение перелогом и лесом поросшая пашня/наезд
вотчины	10,7	2,0	3,8	2,8
поместья	26,7	7,2	1,2	2,2

УДК 93/94

*В.И. Иванов*¹

**Соотношение государственных, владельческих
и мирских податей и повинностей монастырских крестьян
Поморья в XVII в.**

Система обложения крестьянского хозяйства в России XVII в. была многоуровневой: государственная, владельческая и мирская. Соотношение сборов изменялось. К концу века возросли государственные подати и повинности, а мирские – достигали размеров владельческой ренты.

Ключевые слова: подати; повинности; монастырские крестьяне; Поморье.

Данный вопрос рассматривается на основе материалов двух крупнейших монастырей Поморья – Соловецкого и Крестного Онежского. Обложение монастырских крестьян имело три уровня – государственный, владельческий и общинный. Эти системы во многом накладывались и взаимно дополняли друг друга. На каждом уровне находились различные сочетания натуральных и денежных повинностей, а «объектом» обложения выступали разные по характеру и степени обобщенности параметры крестьянского хозяйства.

Государственная и монастырская владельческие системы обложения, какую бы форму они не имели, реализовывались в большинстве случаев через общину. Именно в ней конкретно учитывались особенности крестьянского хозяйства. Облагались тяглые и оброчные земельные и промысловые угодья, дворы и «дымы», работники («головы»), основной хозяйственный инвентарь, промысловое оборудование и снасти, рабочий и крупный рогатый скот, доход от занятий сельским хозяйством, разными промыслами, торговлей, работой по найму. Все это многообразие показателей объединялось в три основных – по «головам» (числу работников в хозяйстве), по «лукам» (в Шурецкой и Кемской волостях ими определялись размеры земель-

¹ *Иванов Владимир Иванович*, доктор исторических наук, Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры, ivanovst@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

ных и промысловых общинных угодий) и по окладным «рублям» (сумме имущества, добычи и доходов, начисленных хозяйству), что часто называлось «по животам и промыслам». Значительно реже применялся принцип «подымного» (количество жилых изб во дворе) или «подворного» оклада.

На рубеже XVI–XVII вв. в довольно хлебобродном для Поморья Каргопольском уезде половники дер. Никитинская, сидящие на тяглой земле, при хорошем урожае отчуждали монастырю 39 %, государству 16 %, а общине 6 % (на волостные сборы, значительная часть которых шла на государеву ямскую гоньбу и подвод) чистого земледельческого дохода (зерно и сено). На собственное потребление оставалось чуть более трети – 39 % (25 руб.). При среднем урожае (сам–3) эти половники отдавали 32 % чистого земледельческого дохода на прямые государственные налоги, 29 % монастырю и 11 % в волостные расходы. На личное потребление оставалось только 28 % (11 руб.)¹.

В Онежском Крестном монастыре соотношение государственных прямых налогов (без натуральных поставок семги) и владельческой ренты показывает тесную взаимосвязь и зависимость владельческих повинностей от изменений в государственном обложении. В 1657 г. натуральные, в основном, владельческие повинности (3,5 руб. с двора) превышали государственные в 8 раз. В 1660-е гг. все государственные подати в 2 раза превзошли владельческие. В 1680-е гг. разрыв сократился, и они стали соотноситься как 1:0,75, а в 1690-е гг. преобладание государственных налогов усилилось, они на треть превосходили монастырские повинности. Рост государственных денежных налогов в 1660–1670-е гг. привел к активным выступлениям крестьян, в результате которых монастырские власти вынуждены были снизить свои денежные сборы и сменить их на барщинные работы [2, с. 385–414].

По материалам Шуерецкой вол. Соловецкого монастыря удастся проследить не только соотношение государственных и монастыр-

¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 473. Л. 22 об. – 25 об. Обезная книга старца Капитона опубликована Ю.С. Васильевым в сборнике: Земледельское производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (Дюктябрьский период). Вологда, 1985. С. 148–150. Подсчет мой. – В.И.

ских повинностей, но и долю волостных общинных платежей в общей сумме отчуждаемых у крестьян средств. Государственная доля во второй половине XVII в. с 58 % в 1654/1655 г. увеличилась в период «Соловецкого сидения» 1668–1676 гг. до 64 %, но в конце века снизилась до 44 %. Владельческая рента сначала составляла треть крестьянских платежей, потом уменьшилась, но в конце века вновь поднялась до 29 % (в 1694/1695г.). Общинная часть сборов имела постоянную тенденцию к возрастанию и в 90-е гг. практически сравнялась с монастырской – 27 %¹. Эта тенденция являлась, очевидно, повсеместной, так как известно, что в монастырской вологодской деревне мирские платежи достигали иногда 45 % [1, с. 111].

Для объективной оценки фискальной практики позднего средневековья необходимо учитывать все формы и уровни обложения крестьянского хозяйства.

Литература

1. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере: конец XVII – начало XVIII в. М.: Наука, 1976.

2. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.

УДК 94(47).046

*И.В. Пугач*²

Сошный оклад и государственный бюджет в середине XVII в. (по материалам черносошных уездов Устюжской четверти)³

В статье рассматриваются сошный оклад и его влияние на структуру государственных доходов черносошных уездов Устюжской четверти Русского Севера в середине XVII в.

¹ Подсчет по: Архив Карельского филиала РАН. Разр. 1. Оп. 3. Д. 3, 27; РГБ ОР. Ф. 218. Карт. 1250. Д. 17.

² *Пугач Иван Васильевич*, кандидат исторических наук, Вологодский государственный педагогический университет, pugachivan@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

³ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект № 11-01-00200а.

Ключевые слова: государственный бюджет; система налогообложения; приказно-воеводское управление; тяглое население.

В ведении Устюжской четверти находились пять черносошных уездов: Великий Устюг, Соль Вычегодская, Тотьма, Чаронда с округой и Устьянские волости. Это были крупные административно-территориальные образования со значительным людским и экономическим потенциалом, которые обеспечивали более 80 % государственных доходов, собираемых Устюжской четвертью.

Номенклатура налогов, оброчных сборов и пошлин, составлявших сошные доходы, имела свои отличия в каждом из рассматриваемых уездов. Их объем и состав определялись итогами описаний 1620-х гг., а позже – 1646 г. Однако были и исключения. Так, сошный оклад Великого Устюга (посада и уезда) на протяжении 40–50-х гг. XVII в. исчислялся по описанию 1623–1626 гг., практически не менялся ни размер сошного оклада, ни номенклатура налогов, ни их денежное выражение. Уникальной была ситуация с посошным обложением Устьянских волостей, где сошный оклад определялся итогами описания 1564/65 г. Только весной 1645 г., когда рассматривался вопрос об устьянских стрелецких доимочных деньгах, последовало распоряжение – «послать писцов в Устьянские волости с мерой, потому что в тех волостях писец был в 73-м году, тому 80 лет».

Общий объем государственных доходов, собираемых на местах, их структура зависели в первую очередь от демографических и социально-экономических параметров жизни отдельных уездов. При этом важнейшими показателями, которые определяли размер сошного оклада, были плотность аграрного расселения и степень хозяйственного освоения территории. Огромную роль в формировании бюджета играл уездный центр, прежде всего его торгово-промышленный потенциал, который определял объем таможенных и кабацких сборов. В крупных городах он значительно превышал размер сошного оклада и составлял большую часть государственных доходов.

Сошное обложение черносошных уездов Русского Севера имело свои особенности. Во-первых, его доля была всегда весьма

значительна. В 1643/44 г. она составляла от 22 % в Устье Великом до 46 % в Чаронде. Учитывая стрелецкие деньги, которые имели посошную разверстку (по 168 руб. с сохи), эта доля увеличивается почти в 2 раза и составляет от 41 % в Устье Великом до 90 % в Чаронде и 100 % в Устьянских волостях.

Во-вторых, большая часть сошных доходов приходилась на волости и станы, а таможенных и кабацких сборов на уездные города. Так, в Устье Великом соотношение посадского сошного оклада и уездного составляло примерно 1:9 (601,8675 руб. к 5333,5925 руб.). В отношении таможенных и кабацких сборов картина обратная, соответственно 14:1 таможенной пошлины (5034,305 руб. к 345,88 руб.) и 3:1 кабацкой прибыли (7497,38 руб. к 2618,55 руб.).

В условиях традиционной и весьма консервативной системы поземельного налогообложения с одной стороны, роста государственных потребностей и необходимости их покрытия с другой, были разные формы расширения доходной части бюджета, в том числе и за счет сошных денег.

Во-первых, более тщательный учет и контроль земельной собственности и своевременное введение в тяглый оборот хозяйственных объектов и угодий (прибылые сенокосы, новоприсадные места и др.). Так, по сыску, проведенному тотемским воеводой И. Малыгиным в начале 40-х гг. XVII в., было выявлено на посаде и в уезде 328 жилых дворов и значительное число пашни и сенокосов, которые до этого числились пустыми. Общий объем за 11 лет (с 1634/35 по 1644/45 г.) доимочных сошных денег (данных, оброчных и стрелецких) составил более 4575 руб., которые предписывалось взыскать в течение пяти лет все сполна, потому что «тотмичи ... путыми землями и санными покосы владеют и ни какие пустоты у них на Тотье и в Тотемском уезде нет». Аналогичная ситуация была и в Устьянских волостях, где доимочные стрелецкие деньги за 1637/38–1645/46 гг. составили более 4788 руб. Этот долг образовался потому, что устьянские крестьяне платили стрелецкие деньги по сошному окладу сотной 1564/65 г., итоги которой были более чем на 3,5 сохи меньше реального.

Еще один способ повышения сошных доходов, которым государство активно пользовалось – увеличение оброчных платежей с

хозяйственных угодий и промыслов за счет переоброка, наддачи, вывода из льготы и др.

Одной из важнейшей сторон финансовой жизни государства была борьба с недоимками. «Доимочные деньги», в том числе и по сошному окладу, были повседневной реальностью административно-финансовой жизни. В 40–50-е гг. XVII в. они отмечены во всех черносошных уездах Устюжской четверти. Сошный оклад был основой разверстки задолженности, ее взымали с сох пропорционально доле общеуездного оклада. Так, доимочные деньги с Соли Вычегодской и уезда за 12 лет (с 1633/34 по 1644/45 г.) составлявшие сумму в 7914 руб. 87 коп., предписывалось взыскать в течение 20 лет, погодно, «на посадских и уездных людях на выплатных и невыплатных волостях свално по окладу».

В целом, сошный оклад как форма поземельного налогообложения, при всей устойчивости и консерватизме самой системы, в середине XVII в. выходил далеко за пределы своего прямого предназначения и являлся важнейшим инструментом государственной политики при формировании и исполнении бюджета.

УДК: 94(47)047; 94(47)048

З.А. Тимошенкова¹

Государственные повинности крестьян Иверской вотчины во второй половине XVII в.

На основе документов архива Иверского монастыря рассматривается номенклатура и раскладка государственных налогов на территории вотчины, характер взаимоотношений монастырских властей с государственными органами и зависимым населением.

Ключевые слова: налоговое обложение, единицы обложения, порядная запись, налоговая практика.

Вопрос о налоговом обложении крестьян в XVII в. достаточно активно изучается в связи с анализом их экономического положе-

¹ *Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет; istfakultet@rambler.ru, Россия, г. Псков.*

ния, определением уровня эксплуатации и попытками расчета бюджета крестьянского хозяйства. Важным является изучение влияния экономических форм противодействия крестьян государственной налоговой системе [1, 4]. Состав государственных налогов монастырских крестьян XVII в., эволюция их размеров и единиц обложения прослеживается в работах Н.А. Горской и И.А. Булыгина, но при определении реальных размеров платежей на двор их выводы серьезно расходятся. Н.А. Горская определяет их в 4,5–4,9 руб. с двора, а И.А. Булыгин – 1,5 руб. с двора [2, 3].

Уровень и характер платежей крестьян государству в отдельных монастырских вотчинах зависел от местонахождения и положения монастыря. Иверский монастырь относился к числу новых монастырей, а во время патриаршества Никона и привилегированных.

В 1654–1667 гг. вотчина Иверского монастыря была освобождена от уплаты ряда государственных налогов: крестьяне Старорусского уезда не платили: ямские деньги (до 1662 г.), стрелецкий хлеб, полуполтинные и полоняничные деньги. Основным налогом для них в 1650-е гг. была поставка ратных людей. В 1658 г. Никону удалось добиться, чтобы новых наборов с вотчины не было, а затем и получить полное освобождение от этой повинности¹.

С 1662 г. старорусские крестьяне начинают платить солдатский хлеб, в 1667 г. возобновляется платеж стрелецкого хлеба. Это время, когда решалась судьба монастырских владений, но и в этих условиях монастырские власти сумели извлечь не только моральную, но и материальную выгоду (уплата по переписным книгам)².

С 1668 г. население Старорусской вотчины регулярно выплачивает стрелецкий хлеб, полоняничные, полуполтинные и ямские деньги³, с 1670 г. запросный четвериковый хлеб, вновь начинают производиться наборы солдат с монастырских вотчин⁴. Постоянной стано-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 422.

² Там же. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 61.

³ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1440, 1448.

⁴ Там же. Д. 2571, 2815.

вится подводная повинность. В конце 1680-х гг. вводится новый налог – на покупку конских кормов, который собирался сеном.

В вотчине монастыря одни и те же налоги могли собираться с выти, двора, живущей четверти. После введения подворного обложения монастырские власти предписывали посельским старцам «собирать по переписным книгам разлога по тяглу, а не подворно, чтоб от того бедным и малоучасточным крестьянам налоги не было», но внутри населения вотчины не было единства по вопросу единицы обложения, что служило поводом для раздоров. В этом случае использовался компромиссный вариант: платить «все денежные подати пополам: половина по тяглу, а другую подымно»¹.

С начала 1670-х гг. учащаются жалобы крестьян на тяжесть государственных налогов, которая усугублялась тем, что, отдавая деньги в государственную казну с дворового числа по переписным книгам, сам монастырь собирал их с наличного числа дворов, а также манипулировал с мерами².

До 1680-х гг., как правило, у крестьян Старорусского уезда не было задолженностей по денежным налогам. Появление их связано было как с ростом объема платежей, с падением доходности старорусских соляных промыслов, так и с неопределенностью положения части жителей: карелы, не закрепленные еще окончательно за монастырем, отказывались выплачивать государственные налоги.

В конце XVII в., чтобы не допустить присылки в вотчину представителей приказной администрации и стрельцов из-за задолженности и малой скорости сбора, монастырские власти стремились найти подрядчиков, соглашавшихся на выплату денег «не в скорых числах». Сами монастырские власти вынуждены были давать крестьянам льготу по налогам или засчитывать выполнение работ в монастыре как уплату годовых налогов.

В 1660–1670-е гг. большая часть хлеба, собираемая со старорусских крестьян, предназначалась для содержания стрелецких полков, размещенных в Пскове и пригородах³, что было обремени-

¹ Там же. Д. 2709, 4220.

² Там же. Д. 2899.

³ Там же. Д. 2447.

тельно как для крестьян, так и для монастыря. За хлеб, так же как и за даточных людей, крестьяне старались платить деньгами. Монастырь при уплате налогов стремился сосредоточить расчет в местах, где они менее обременительны.

Таким образом, с 1668 г. количество налогов и их размер значительно выросли, хотя от отдельных платежей население вотчины по-прежнему освобождалось, и в Иверской вотчине и в этот период уровень эксплуатации крестьян монастырем был выше, чем со стороны государства.

Литература

1. *Воробьев В.М. Дегтярев А.Я.* Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII веках // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 145–164.

2. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1978. С. 134–135.

3. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. С. 345.

4. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М. 1997.

УДК 94 (47)

Е.В. Камараули¹

Фискальная политика государства на Юге России в XVII в.

Автор анализирует специфику государственного налогообложения южнорусского региона, рассматривает разнообразные виды налоговых поступлений в казну.

Ключевые слова: история Юга России; система налогообложения; донской отпуск; откупной ухажай.

Специфика заселения и хозяйственного освоения Юга России в XVII в. оказала определенное влияние на фискальную политику государства в указанном регионе. Пограничное расположение южных

¹ *Камараули Елена Владимировна*, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, kamarauli@bk.ru, Россия, г. Воронеж.

территорий, именовавшихся долгое время «диким полем», обусловило преимущественно служилый состав населения. Кроме детей боярских гарнизоны южных крепостей пополнялись за счет «приборных» категорий, таких как стрельцы, казаки, драгуны, пушкари и др., нередко записывавшихся в службу из крестьян, в том числе и беглых крепостных. Экономической основой существования служилых людей была земля. Наряду с сельским населением служилые люди облагались натуральными налогами и повинностями [3].

На территории Воронежского края со времени правления Бориса Годунова и до 20-х гг. XVII в. существовало такое явление как десятинная пашня на государственной земле, возделывать которую было обязано служилое и посадское населения. В 1619 г. воронежские служилые люди обрабатывали в общей сложности 300 десятин государственной земли, засевавшейся рожью или овсом [1, с. 54–56].

После ликвидации этой, по выражению историков, «государственной барщины», на плечи южнорусского населения легли последовательно такие виды натуральных сборов, как десятинный, посопный, четвериковый и стрелецкий хлеб. Эти налоги, представлявшие собой прямые окладные сборы, были частью общероссийской системы налогообложения. Особенностью региона можно считать то, что эти сборы на Юге платило преимущественно служилое, а не крестьянское или посадское население.

Особым видом повинностей населения Юга России был практика донских отпусков [2]. В стремлении привлечь донских казаков к пограничной службе правительство организовало для них «жалованье» из хлеба, денег, разных товаров, оружия и боеприпасов. Местом сбора и отправки донских отпусков был Воронеж, где происходило строительство и подготовка судов. Иногда служилые люди закупали готовые струги, практиковалось безвозмездное изъятие частных судов. Приемом и заготовкой хлеба занимался житничный голова. Вначале собранный хлеб помещали в казенные амбары, затем зерно выдавалось воронежцам для переработки на муку и крупу. Подготовленный к отправке хлеб в рогожных кулях грузили на суда. Гребцы, кормщики и провожатые назначались из служилых людей.

На раннем этапе колонизации южнорусского региона отбывание налогов и повинностей сочеталось с откупным способом пополнения государственных доходов за счет возникновения системы «ухожаев». Отдельные участки земли сдавались в аренду («на откуп») частным лицам для рыбной ловли, добычи пушного зверя, сбора меда диких пчел. Сдача угодий в аренду и торги происходили в Разрядном приказе, в то время как ежегодный сбор откупных денег возлагался на местные власти. Откупщик платил нужную сумму в приказной избе подьячему, получая взамен расписку – платежную отписку. Копии отписей, внесенные в платежные книги, и сами деньги хранились в приказной избе до отправки в столицу.

Откупщиками становились монастыри, служилые люди, крестьяне. Особо богатые угодья превращались в объект торга, как, например, территории по берегам рек Битюг и Осередь (Битюцкий и Серецкий уходы), за которые было уплачено в 1645 г. – 86 руб., в 1646 г. – 161 руб., в 1683 г. – 195 руб. в государеву казну. В целом, откупная плата колебалась от нескольких алтын за озерцо или затонец, до десятков и сотен рублей за использование территории крупного ухоя.

Откупная система в условиях господства на Юге натурального хозяйства обеспечивала государству постоянно растущие из года в год поступления в казну. По мере колонизации южного поля, появления новых городов менялась ситуация с землевладением и землепользованием. Расширялась зона поместного землевладения, росла площадь пахотных земель с увеличением доли крестьянского населения. К концу XVII в. практика прямого натурального и денежного налогообложения окончательно вышла на главенствующие позиции, вытеснив откупа как элемент южнорусской фискальной системы.

Литература

1. Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: документы и материалы по истории края / Сост. В.П. Загоровский. Воронеж, 1976.

2. *Загоровский В.П.* Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961.

3. Скобелкин О.В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987.

УДК 94(47).05

Н.В. Соколова¹

**Роль крестьянской общины в системе
налогово-повинностных практик
XVII – первой четверти XVIII в.
(на материалах монастырских вотчин Центральной России)**

В докладе анализируются некоторые аспекты финансово-фискальной функции общины, связанные с организацией сбора и уплаты налогов и выполнения натуральных государственных повинностей, роль общины в системах налогово-повинностных практик, господствовавших в монастырской деревне Центра России в XVII – первой четверти XVIII в., характер взаимоотношений общины и землевладельца и степень самостоятельности крестьянского самоуправления.

Ключевые слова: крестьянская община; вотчина; финансово-фискальная функция; крестьянское самоуправление; налоги.

Источниками для изучения финансово-фискальной функции общины в монастырских вотчинах Центральной России, ее деятельности по организации сбора и уплаты налогов и выполнения натуральных государственных повинностей являются приговоры мирских сходов, монастырские и мирские приходно-расходные книги, подрядные записи и отписки об уплате налогов, монастырская переписка.

Важнейшим является вопрос о том, как происходило распределение (и перераспределение, если таковое существовало) государственных налогов и повинностей внутри вотчины и крестьянских общин. Большинство имеющихся в распоряжении автора свидетельств говорит о господстве в рассматриваемый период по-

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, nsns@list.ru, Россия, г. Москва.

вытно-потягольного принципа раздела внутри крестьянского мира не только владельческих, но и государственных платежей, как денежных, так и натуральных. Отработочные повинности в пользу государства, к наиболее тяжелым из которых относились исполнение подводной повинности, поставка работников (например, на строительство укреплений в уездном городе, верфей в Воронеже, Санкт-Петербурга и пр.), а также даточных солдат и рекрутов, регулировались несколько иными принципами, хотя и с учетом тягловоспособности крестьянских дворов. Источники свидетельствуют, что «разруб» налогов и государственных повинностей происходил, как правило, на мирском сходе, однако степень самостоятельности общины в решении этих вопросов могла существенно различаться. Крестьянская община выступала в качестве действенного компенсаторного механизма, существенно смягчавшего давление государства на отдельное крестьянское хозяйство. Однако ее возможности были не безграничны, и в итоге государство вынуждено было отказаться от взимания повинностей и налогов с дворового числа и ввести подушную подать.

Источники свидетельствуют о многообразии форм, в которых реализовались сбор и уплата государственных налогов. Монастырские и мирские приходно-расходные книги показывают, что сбор непосредственно сельским старостой – явление нечастое, более характерное для 1) небольших крестьянских общин и 2) денежных налогов. Значительно чаще это было функцией мирского целовальника, избираемого сходом ежегодно для осуществления всех мирских денежных сборов, или же специально для этой цели назначались «сборщики» из рядовых крестьян. Нередко эти деньги, минуя находившуюся в ведении сельский староста или целовальника общинную казну, отвозились самим сборщиком и/или другими выборными же крестьянами в Москву для сдачи в соответствующий приказ или же в монастырь. В последнем случае плательщиком налога выступает уже сам землевладелец, организующий централизованную отправку денег, собранных со всей вотчины. Выявлены случаи, когда этим занимался «всеотчинный» мирской староста, постоянно находя-

щийся при монастыре. Отметим, что собранные деньги обычно сопровождали несколько человек, которых мир выделял не только для их охраны, но и в качестве «свидетелей» произведенных платежей и, что немаловажно, совершаемых при этом подносов и почестей монастырским и светским властям.

Натуральные налоги (хлеб, сухари, фураж и пр.), как правило, собирались специальными выборными. Поскольку уплата натуральных налогов неизбежно вела к увеличению и без того обременительной для крестьян подводной повинности, сход мог принять решение о сборе дополнительно денег на найм подвод или даже о полной замене сбора продуктов денежным для последующего найма подрядчика (из своих или посторонних крестьян, посадских) для поставки натурального налога. Подобный механизм уплаты налогов документирован подрядными записями, в которых община *in* согрее выступала как одна из сторон. Следует подчеркнуть, что сохранность таких документов в монастырских архивах часто обусловлена нарушением одной из сторон условий договора, что не позволяет судить о распространенности данного явления. Существовала также практика покупки продовольствия или лошадей монастырским стряпчим в Москве – на привезенные крестьянские деньги или на деньги монастырской казны (с последующим их взиманием с общины в качестве владельческих недоимок).

От того, каким образом была организована уплата налога или отбывание натуральной отработочной повинности, зависела форма отложившегося в архивах платежного документа. Указанные в сохранившихся «отписках» об уплате налогов денежные суммы или размер натурального платежа представляют собой количество уплаченного в данный момент. Источники нередко не позволяют отследить внесение неполной суммы (включая те недоимки, что возникали в результате обнаружения при платеже «плохих» денег), соответственно, такие «отписки» следует с осторожностью использовать при изучении совокупной тяжести ежегодных натуральных и денежных повинностей крестьян.

Вне зависимости от того, кто производил уплату налогов, обязательным компонентом «отписок» со второй половины XVII в.

является название монастыря, поскольку Соборным уложением зафиксировано уже «законодательное признание податной ответственности землевладельцев за своих крестьян»¹. Община же с этого времени превращается в инструмент осуществления этой функции земельным собственником. К основными факторами, которыми определялась роль общины в системе господствовавших налогово-повинностных практик рассматриваемого периода, следует отнести: 1) вид налога или повинности; 2) величина монастырских владений и могущество монастыря (не только хозяйственно-финансовое, но и политическое); 3) степень развитости мирского самоуправления, его фактическая дееспособность; 4) традиции; 5) состояние дел в конкретной вотчине в текущий момент; и пр.

УДК 94 (47).05

*И.Л. Манькова*²

Государственные повинности крестьян монастырей Урала в XVII в.

На основе систематизации всех выявленных актов о государственных повинностях крестьян в монастырях Урала в XVII в. проведено сравнение с государственным налогообложением монастырских крестьян Центральной России. Высказано предположение о существовании в этом вопросе региональной специфики. Она выразилась во включении монастырей Восточного Урала в государственную систему налогообложения только после ее реформирования в 1679 г., а также в меньшем разнообразии номенклатуры налогов.

Ключевые слова: монастырские крестьяне, государственные повинности, Урал, история налогообложения в России, XVII век.

Круг основных государственных повинностей монастырских крестьян XVII в. давно определен в отечественной историографии, поэтому дальнейший поиск по данной проблематике возможен по пути конкрет-

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. // Соч. в девяти томах. Т. 3. С. 175.

² Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ilman.08@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

но-исторических исследований, что успешно и сделала Н.А. Горская на материалах монастырей Центральной России, при этом отметив ограниченные возможности имевшейся источниковой базы.

Такая же проблема источниковедческого характера существует и в отношении уральских монастырей. Свою задачу мы видим в систематизации всех сведений о государственных повинностях монастырских крестьян Урала и выявлении региональной специфики в этом вопросе. Уральский регион в XVII в. не являлся гомогенной территорией во многих смыслах, что было обусловлено динамикой колонизационных процессов. К XVII в. территория Приуралья была полностью включена в государственную систему России, в том числе и в области взаимоотношений государства и монастырей. Так, Пыскорский Преображенский и Соликамский Вознесенский монастыри, возникшие в конце XVI в., имели тарханские грамоты, освобождавшие их крестьян от казенных повинностей кроме ямских денег, сбора стрелецких хлебных запасов, городского и острожного дела. Из-за дальности расстояния стрелецкий хлеб был заменен денежной податью. Такие же государственные повинности несли монастырские крестьяне Центральной России.

После введения нового принципа налогообложения в 1679 г. с крестьян Пыскорского монастыря ежегодно стали собирать стрелецкие деньги по 1 руб. с двора. Согласно данным счетных списков прихода и расхода денежной казны Соли Камской с 1679 до 1685 г., размер этого платежа для крестьян Соликамского монастыря варьировался от 37 до 90 коп. Возможно, это было связано с тем, что в 1678 г. население его вотчины одновременно было внесено в переписные книги Соликамского у. и Кунгурского у., поэтому государственные налоги с монастырских крестьян требовали и в Соли Камской, и в Кунгуре. Также с вотчин приуральских монастырей собирались даточные люди в конные полки и полоняничные деньги. Так, в 1660 г. со 160 дворов Пыскорского, Соликамского и Чердынского монастырей необходимо было взять 5 конных служилых и 10 руб.

Активная колонизация Зауралья началась с XVII в. Возникавшие здесь монастыри были вовлечены в процесс освоения этих обширных земель. Отсутствие сведений о сборах государственных

повинностей с населения их вотчин до 1680 г. наводит на мысль, что возможно относительно молодые урало-сибирские обитатели до введения подворного налогообложения не были включены в общегосударственную налоговую систему. Возможно, крестьяне, поселяясь на монастырских землях и получая освобождение от монастырских повинностей на определенный срок, получали льготы и от государственных повинностей. До переписи 1680 г. шел активный процесс заселения монастырских вотчин.

Как отметила Н.А. Горская, в 1640-х гг. с монастырских крестьян Центральной России начали взимать еще два ставших регулярными государственных денежных сбора – «поворотные деньги», которые собирались по государеву указу, и «ратным людям на жалованье». Как показывают сохранившиеся документы зауральских монастырей, в конце 1680-х гг. эти две государственных повинности были объединены, и отчеты об их сборе назывались «Книги поворотным деньгам, что сбирали для подъему ратных людей». В 1688/89 г. этот сбор составлял с монастырских крестьян 20 алт. с двора. Общая сумма сбора не указывалась заранее и не раскладывалась по числу дворов, зафиксированному в переписи 1680 г. Налог взимался с реального количества дворов.

Приходо-расходные книги конца XVII – начала XVIII в. фиксируют вариативность в наименовании этого налога. Так, в книгах Верхотурского Николаевского монастыря он назывался «подымные деньги», в книгах Невьянского Богоявленского монастыря – «поворотные годовые деньги». Также в этих документах зафиксированы единичные случаи, когда крестьяне платили «подымные» («поворотные») деньги в монастырскую казну. Скорее всего, эти платежи были крестьянскими долгами, которые могли возникнуть в тех случаях, если монастырь вносил необходимую сумму государственного налога к установленному сроку за всех крестьян, а затем уже собирал недоимки в свою казну, либо крестьяне брали деньги в долг у монастыря, чтобы погасить именно этот государственный налог.

Книги Верхотурских уездных окладных доходов за 1698/1699 и 1699/1700 гг. позволяют выявить общую сумму регулярных денежных налогов, приходившуюся на 1 двор монастырского или митропо-

личьего крестьянина. С них взимались: «для полковых служеб по указу Великого государя и по грамотам из Сибирского приказу поворотные деньги» – 20 алт., «на жалованье ямщикам» – 2 алт., «драгунам на жалованье» – 16 алт. 4 ден. Итого: 1 руб. 16 коп. Наряду с другими категориями податного населения на монастырских крестьян накладывались государевы изделия: доставка различных припасов «к городовому и ко всякому государеву каменному строению», в тех городах, где не было ямщиков, ямские обязанности.

Н.А. Горская приводит перечень основных окладных налогов 1679–1700 гг., в нем 5 наименований и лишь одно (ямские деньги) совпадает с отмеченными выше из документов зауральских монастырей. Выскажем предположение, что различия в номенклатуре государственных повинностей крестьян монастырей Центральной России и Зауралья объясняется тем, что из-за дальности расстояния в Сибири собирали объединенный налог, а именно «поворотные» деньги.

УДК 94 (47).063

*Э.Л. Дубман*¹

**Организация производства и повинности населения
в крупной промысловой вотчине XVII в.
(на примере Надеинского Усолья)**

Рассмотрены особенности организации производства в крупной промысловой вотчине Среднего Поволжья. Изучены повинностные практики зависимого населения в промысловых и аграрных отраслях хозяйства.

Ключевые слова: Надеинское Усолье; соляной и рыболовный промыслы; сельскохозяйственное производство; зависимое население; организация труда; повинностные практики.

Одним из классических для изучения организации промыслового и аграрного хозяйства, особенностей эксплуатации зависимого населения в Среднем Поволжье XVII в. является Надеинское Усолье – крупное промысловое владение на Самарской Луке, по-

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, dubmane@mail.ru, Россия, г. Самара.

лучившее свое название по имени первого владельца гостя Надеи Светешникова. Хозяйственное развитие Надеинского Усолья со времени его основания в 1631/1632 г. и до начала XVIII в., когда оно вошло в состав обширных владений А.Д. Меншикова, основывалось на трех отраслях – солеварении, промысловом рыболовстве и сельском хозяйстве. История промысла при первых владельцах гостях Надее и его сыне Семене Светешниковых и после его перехода в 1660 г. к звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю подробно изучена в литературе [1, с. 224–255; 3, с. 36–49].

Основной отраслью хозяйства при Светешниковых являлось солеварение: вспомогательными подсобными – промысловое рыболовство и сельское хозяйство. Практически во всех операциях производственного цикла использовался труд как зависимого населения, так и вольнонаемных людей. Вольнонаемные рабочие на соляном промысле, как правило, имели более высокую квалификацию. При этом проявлялась тенденция к увеличению доли труда зависимого населения. Но даже среди этой категории работников широкое распространение получила денежная оплата.

Экономический расцвет вотчинного хозяйства охватывает время с завершения «Разинщины» до конца 1680-х гг., когда начинается его упадок. От этого времени сохранился комплекс репрезентативных документов (выписки из переписных и писцовых книг, приходо-расходные книги самой вотчины и метрополии, копийные книги указов, разнообразный актовый материал и т.д.)¹.

После перехода Усолья к монастырю, его хозяйство становится многоотраслевым, промыслово-аграрным. Власти обители, сохранив товарный характер промысловых отраслей, попытались полностью обеспечить население вотчины продукцией сельского хозяйства. При стабильном развитии солеварения резко возрастает роль промыслового рыболовства и земледельческого производства. Размеры владельческой запашки увеличились с 30 четв. в начале 1660-х гг. до 417 четв. в 1686/87 г. [1, с. 234]. Выполнять все сельскохозяйственные работы ограниченному числу обозначенных в писцовой книге крестьян было не под силу, хотя, судя по ко-

¹ РГАДА. Ф. 281, 1199; 125 и др.; ОР РНБ. Пог. 1910.

личеству высеваемого зерна, площадь монастырской запашки в реальности была меньше. Очевидно, что все сельскохозяйственные работы на монастырь выполнялись на барщинной основе. В них участвовало основное население вотчины: крестьяне, бобыли, работные люди, исключая, видимо, чувашей, мастеровых и т.д. Например, жители Переволоцкой слободы, население которой, судя по всем источникам, состояло только из работных людей, должны были работать в монастырском поле, косить монастырское сено, строить церковь и платить различные платежи¹.

«Вкрапленность» Надеинского Усолья в крепостническую систему хозяйствования, господствовавшую в монастырских вотчинах во второй половине XVII в., сказалась на специфике складывания производственных отношений в производстве соли, бывшем достаточно передовым для того времени, предприятием. Особенно это становится очевидным к середине 1680-х гг., когда полностью завершился процесс вытеснения на солеваренном промысле вольнонаемного труда оплачиваемым принудительным трудом феодально-зависимого населения.

Возросла роль труда зависимого населения и в рыболовстве, ставшем значимой промысловой отраслью монастырского хозяйства. В 80–90 гг. XVII в. свободные люди практически не работали на промысле. Необходимо отметить, что труд всех зависимых людей оплачивался. Подобная система встречалась и на других промыслах страны [4, с. 214, 313] и может быть определена как «принудительный оплачиваемый труд зависимого населения».

Литература

1. *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2.

2. *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.

3. *Дубман Э.Л.* Надеинское Усолье // Самарский земский сборник. Самара, 1995.

¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144.

4. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

УДК 94(47). 06/07

А.И. Комиссаренко¹

**Фискальная политика и налоговая практика на Вятке
в первой половине XVIII в.**

В статье рассматривается фискальная политика и налоговая практика в Вятском крае в первой половине XVIII в., в том числе использование армейских команд для изъятия податей с населения.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, история Вятского края, фискальная политика и реальная налоговая практика.

Государственная власть абсолютистской России рассматривала население Вятского края – черносошных крестьян и посадских людей, прежде всего, как источник пополнения казны через налоги и армии посредством рекрутских наборов. В первой половине XVIII в. подушная подать и оброчные сборы, введение паспортной системы, жесткая регламентация миграции и отхода на заработки стали важнейшим стержнем внутренней правительственной политики [1]. На Вятке проведение указанного курса было вменено в обязанности провинциального воеводы, чиновников административных учреждений и сборщиков налогов. Им в помощь придавались воинские команды, применявшие к неплательщикам меры принуждения – батоги, плети и даже оружие. Касясь уровня фискальных повинностей вятского населения и степени их выполнения в первой половине XVIII в., отметим наиболее значимые явления и факты.

В первой четверти столетия с интенсификацией в условиях Северной войны правительственных мероприятий по обороне страны, связанных с мобилизацией работных людей на строит-

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

ельство уральских заводов, крепостей на юге и юго-западе, произошел массовый отток крестьян Вятки в северное Приуралье, на Урал и в Сибирь. В немалой степени он был вызван введением в 1706 г. сбора с жителей вятских уездов – Хлыновского, Слободского, Котельнического, Орловского, Шестаковского, Кайгородского – дополнительных денег, помимо несения ими традиционного тягла, на содержание ямских станций на новом тракте Москва – Петербург (по 1 руб. с выти), «устройству» Устюжского драгунского полка (1408 руб.), покупку провианта и фуража для гарнизонов крепостей, «строение фузей и пистолей»¹. Введение подушного обложения в 20-е гг. XVIII в. сопровождалось усилением административного и фискального прессы. Наблюдавшая за ходом подушной переписи на Вятке команда гвардейских солдат во главе с Петром Жулебиным грозила «цепями» за медлительность в подаче в Казанскую губернскую канцелярию и Сенат подушных «сказок» и недобор подушных денег не только волостным старостам, но и местным чиновникам и даже вятскому провинциальному воеводе И.В. Воронцову. Как видно из ведомости комиссара Гордея Тряпицина о поступивших к 1724 г. «окладных и запросных денег», население вятских уездов вынуждено было внести в государственную казну постоянно возрастающие налоги – с 1720 по 1724 г. они увеличились с 4468 руб. 40 коп. до 10210 руб. 40 коп.²

В 30-е гг. XVIII в. на население Вятской провинции была возложена новая повинность – сбор четырехгривенных денег на нужды формировавшегося в это время лейб-гвардии Конного полка. По именному указу императрицы Анны Иоанновны от 20 декабря 1730 г. надлежало собрать с жителей вятских уездов «на покупку лошадей и на строение мундира и аммуниции ... потребных денег 9683 рубля». Тогда же с местных крестьян и посадских людей взимали деньги на «устройство... в Измайловском полку... трех баталионов и одной гренадерской роты», а также на покупку в Киле и Любеке 1410 «строевых лошадей» и строительство «полковых квартир». В этот же

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 154.

² Там же. Ф. 425 (Вятская провинциальная канцелярия). Оп. 2. Д. 16.

период с 1731 по 1736 г. в Казанской губернии, в том числе и входившей в нее Вятской провинции, проводился массовый сбор денег на ремонт крепостей¹. Войны 1733–1735 гг. «за польское наследство» и 1735–1739 гг. против Крымского ханства и Турции привели к еще большему усилению фискального пресса, что вызвало открытое возмущение вятского населения. В 1737 г. офицеры Ингерманладского полка, посланные на Вятку для «понуждения» к сборам с крестьян, доносили Сенату о невозможности их «доимки». По словам «геодезии подпоручика» Акима Клешина, который «репортовал» сенаторам, «уездные люди крестьяня... в скудость вошли», а поэтому «при сборе с них подушных денег...збираеися...близ половины суммы». Расследование причин «недоимки» выявило произвол местных чиновников – «приходчиков..., подьячих, разсыльщиков», которые насильно «берут... с них взятки», самовольно «ездят на их лошадях» без уплаты «прогонных денег», к тому же крестьян «... згоняют в мирские избы и бьют... кнутъем... и плетью, и батожем». Оказалось, что и волостные старосты нередко «собираемые с народа деньги удерживают за собою», а «в казну не все собранные отдают», а сам провинциальный воевода Скрипицын незаконно завладел черношошной деревней Пунгинской в Березовском тяглом стане, «и во оной ево воеводский скот содержит, и хлеб на него крестьяне сеют и травы косят», а «... за жителей в той деревне крестьян...подушных денег ...не платитца, и от того на тот стан доимка умножается»².

По второй ревизии середины 1740-х гг. было учтено 145403 души м.п., положенных в подушный оклад. Из них 108 тыс. составляли государственные крестьяне. Общий годовой оклад с них исчислялся в 146539 руб. 40 коп., однако полностью взыскать эту сумму властям не удалось. Более того, недоимка росла, достигнув за четверть века с 1724 г. внушительной суммы в 369948 руб. 14 коп., тем самым, превзойдя годовой оклад в 2,5 раза. Действовавшая в Казанской губернии с 1744 г. комиссия «правящего прокурорскую

¹ Там же. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 386. Д. 26.

² Там же. Оп. 8. Кн. 456. Д. 33.

должность» капитана Родионова, имевшая повеление Сената выяснить, «для чего она доимка так долго упущена и не взыскана», не смогла его выполнить¹. Как видно из росписных списков вятских провинциальных воевод А. Писарева (1743–1745 гг.), Н. Чемодурова (1745–1746 гг.), И. Постельникова (1747–1750 гг.), нарастание недоимок обуславливалось в значительной степени начавшимися волнениями крестьян, а также частыми неурожаем [2]. И хотя «...неплательщиков бьют батоги и содержат в колодках», крестьяне, «покиня дома свои в пусте, бегают и укрываются»².

Вышеизложенное позволяет заключить, что население Вятского края, испытывая тяготы правительственной налоговой политики, оказывалось не в состоянии выпутаться из финансовой кабалы, сопряженной с корыстолюбием местных чиновников и насилием со стороны присланных из центра воинских команд. Систематическое нарастание недоимок явилось прямым следствием недостаточного экономического потенциала крестьянского хозяйства.

Литература

1. *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. Киров, 1956.

2. *Комиссаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х годах XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1965.

УДК 94(47).06

*С.В. Черников*³

Населенность крестьянского двора как фактор доходности имения и тяглоспособности крестьян (по материалам переписей 1730-х гг.)

В докладе рассматривается вопрос о влиянии населенности крестьянского двора на доходность помещичьих имений. Автор приходит к выводу, что круп-

¹ Там же. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 679. Д. 95. Л. 1462.

² Там же. Ф. 425. Оп. 1. Д. 178. Л. 85–86.

³ *Черников Сергей Васильевич*, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

ные землевладельцы имели больше возможностей для повышения рентабельности своей собственности

Ключевые слова: крестьянский двор; населенность; трудовой потенциал; налогообложение; повинности.

Изучение населенности крестьянского двора занимает важное место в историографии российской деревни периода средневековья и раннего нового времени. Это объяснимо, поскольку от обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой зависели как ее имущественный достаток, так и способность платить государственные подати и нести владельческие повинности.

Актуальным и, вместе с тем, малоисследованным аспектом этой проблемы продолжает оставаться вопрос о наличии взаимосвязи между средней населенностью крестьянского двора (а, следовательно, его производственными возможностями, тяглоспособностью) и размерами помещичьего имения. В литературе на этот счет существуют различные точки зрения. То, что в крупных поместьях и вотчинах наблюдалась более высокая населенность двора, в частности, отмечали В.Д. Назаров, Ю.А. Тихонов, М.Ф. Прохоров [1, с. 155; 2, с. 47]. Согласно же подсчетам других авторов, такой закономерности не прослеживалось [4, с. 43].

Целью настоящей работы является выявление указанной взаимосвязи на основе материалов подворных ревизий начала 1730-х гг. Для анализа были привлечены данные двух переписей: Ингерманландии (И.А. Шипова) и малороссиян, проживавших в Слободской Украине и на территории смежных русских уездов (М.С. Хрущева)¹. Итоги статистической обработки источников сведены в таблицу.

Представленные данные полностью подтверждают мнение, что населенность крестьянского двора в вотчинах крупных и средних размеров была выше, нежели в мелких имениях. Расчет медианы (вместо среднего арифметического) приводит нас к тем же выводам: ревизия И.А. Шипова (в крупных – 3,84 души мужского

¹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1106. Л. 147–238; Кн. 1110. Л. 1865–1952.

пола на двор, в средних – 3,83, в мелких – 3,08), ревизия М.С. Хрущева (4,62, 4,13 и 3,17, соответственно). Очевидно, выявленная зависимость не является случайной. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что крупные (и отчасти средние) землевладельцы имели больше возможностей для «оптимизации» состава и структуры населения двора с целью максимального увеличения производственного потенциала и доходности крестьянского хозяйства. Также можно предположить, что экономическая эффективность крупных имений (в расчете на один двор) была выше, нежели мелких.

	ревизия И.А. Шипова			ревизия М.С. Хрущева		
	\bar{a} (душ на двор)	V (душ на двор)	r (дворов, душ)	\bar{a} (душ на двор)	V (душ на двор)	r (дворов, душ)
крупные	3,96	15 %	0,97	5,09	47 %	0,96
средние	4,05	36 %	0,87	4,43	45 %	0,68
мелкие	3,41	44 %	0,84	4,01	67 %	0,68

К крупным отнесены имения с населенностью более 100 душ мужского пола, к средним – от 21 до 100, к мелким – до 20. Условные обозначения: \bar{a} – среднее арифметическое, r и V – коэффициенты корреляции (значимы на уровне $p < 0,05$) и вариации. В скобках даны аргументы функций.

Теперь обратим внимание на коэффициенты вариации (V). Показатели средней населенности двора в крупных вотчинах более однородны и менее вариативны, чем в мелких (по обоим регионам). Следовательно, повышение производственных возможностей и платежеспособности крестьянского двора за счет роста его населенности имело свой предел (разный, в зависимости от региона). Дальнейшее увеличение населенности сверх «оптимального» регионального показателя уже не давало ожидаемых результатов. О том же говорят коэффициенты корреляции двух рядов данных (количество дворов и душ мужского пола в имении). В крупных вотчинах они самые высокие ($r = 0,97$ и $0,96$), а взаимосвязь численности дворов и крепостных

крестьян близка к линейной. Интересно и то, что землевладельцы Ингерманландии, несмотря на очень короткий период времени, прошедший с начала массового освоения региона (1712 г.) [3, с. 123], уже в силу своей близости к власти, имели больше возможностей для достижения «оптимальной населенности двора» ($V = 15\text{--}44\%$), нежели помещики Слобжанщины ($V = 45\text{--}67\%$).

Литература

1. Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII века // История СССР. 1977. № 4. С. 152–162.

2. Прохоров М.Ф., Федулин А.А. Демографическое положение помещичьих крестьян России в 40–70-е годы XVIII века. М., 2004.

3. Черников С.В. Власть и собственность в России эпохи петровских реформ: земельные раздачи в Северо-Западном регионе первой четверти XVIII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / под ред. Е.Н. Швейковской. Вологда, 2009. Кн. 1. С. 121–130.

4. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996.

УДК 94.1

Д.А. Хитров, А.А. Голубинский, Д.А. Черненко¹ Мосты, перевозки и сборы с них в XVIII в.²

В статье рассматривается количество и расположение мостов и перевозов в России в XVIII в., исследуются данные о собираемых с них налогах.

Ключевые слова: мосты, дороги, Генеральное межесвание.

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, dkh@bk.ru, Россия, г. Москва; Голубинский Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, Российский государственный архив древних актов, lehus.gol@gmail.com, Россия, г. Москва; Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Вологодский государственный педагогический университет, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Вологда.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 13-01-00316.

Разветвленная речная сеть Восточной Европы всегда была существенным препятствием для развития сухопутного сообщения. Правда, зимой реки преодолевались по льду, а летом – посредством многочисленных бродов. Однако в длительное межсезонье даже небольшая речушка, при отсутствии моста или организованного перевоза, становилась серьезным препятствием и для людей, и для грузов, перемещаемых по суше. Этот фактор, конечно, необходимо учитывать при изучении территориальной организации российского социума раннего нового времени [5, с. 549].

В последние десятилетия наметился некоторый прогресс в изучении истории путей сообщения в России раннего нового времени (работы Э.Г. Истоминой, О.Н. Катионова, Л.М. Марасиновой и др. [1; 2; 3; 4]). Однако история мостов и перевозов в XVIII в. пока не привлекала внимания исследователей.

Обширный и систематический материал по состоянию мостов в конце XVIII – начале XIX в. содержит коллекция городских планов Генерального межевания (РГАДА, ф. 1356). На них фиксируются мосты и крупные организованные перевозки. Как правило, крупные сухопутные дороги пересекали значительные реки именно в городах, поэтому резонно предположить, что на эти планы должна была попасть основная масса существовавших в то время мостов и переправ.

В работе рассмотрена организация мостов и перевозов во всех городах, расположенных на крупнейших реках Центральной России. Изучение планов показывает, что мостов через крупные водные артерии в конце XVIII в. было очень немного. На Волге на всем ее протяжении имелся единственный мост – в Твери, на дороге из Петербурга в Москву. На Оке нет мостов ниже Калуги (причем в Калуге мост отмечен только на позднем «перспективном» плане 10-х гг. XIX в., и специально оговорено, что это мост «на плотках»), и даже через неширокую Москву был единственный мост ниже столицы – в Коломне. Через Клязьму обнаруживаются два моста – во Владимире и в Коврове, через Волхов – только древний мост в Новгороде. На крупных северных реках – Сухоне, Вы-

чегде и Северной Двине – существовали только перевозки; отсутствуют мосты на Дону.

В тех случаях, когда крупная почтовая дорога (из числа отмеченных в «Российском дорожнике» В.Г. Рубана или на почтовой карте И. Трескотта 1760 г.) пересекает водную артерию, в городе всегда присутствует организованный перевоз. В этом случае отмечены спуски к реке (часто используются старые рвы городской цитадели), показаны домики перевозчиков, обозначена линия движения парома (Ярославль, Кострома). Если крупной почтовой дороги через город не проходит, такого перевоза в нем чаще всего нет, даже в тех случаях, когда наличие активного сообщения между берегами реки не вызывает сомнений (Романов и Борисоглебск).

Через малые и средние реки мосты переброшены значительно чаще. Анализ материалов позволяет сделать интересное наблюдение: поселения, имевшие городской статус еще до реформы 1775 г. и бывшие центрами уездов, чаще всего, имеют не только мосты, но и «заречные» слободы, что говорит о давно и прочно налаженном сообщении между берегами реки. Это, конечно, связано с хозяйственной и административной потребностью в бесперебойной связи уездного центра со всеми частями подведомственной ему округи, в том числе и с теми, что отделены речной преградой. Напротив, «вновь назначенные» в ходе реформы уездные центры часто еще не успели обзавестись мостами (как и многими другими атрибутами города).

Как известно, мосты и перевозки вплоть до середины XVIII в. были важным объектом налогообложения, поэтому ведомости сборов с них и разного рода документы внутренних таможен [см.: 6, 7] позволяют в общих чертах представить себе интенсивность их использования. Данные первой половины – середины XVIII в. позволяют говорить, что наиболее крупные сборы связаны с волжскими перевозами, однако заметна и роль мостов на небольших реках, через которые осуществлялась связь городских центров с их аграрным окружением. Очевидно, уже в это время ситуация примерно соответствовала той, которую мы видим на рубеже XVIII–XIX вв.: через реки среднего размера в городских центрах

уже появились мосты, но через крупные речные артерии имеются лишь перевозки.

Литература

1. *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982.

2. *Истомина Э.Г.* Пути сообщения России в XVII – начале XIX вв. // *Российская Империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011.

3. *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004.

4. *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения // *Очерки русской культуры XVIII века.* Ч. 1. М., 1985.

5. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. 2 изд. М., 2006.

6. *Наседкин Е.Н.* Казенные службы московских купцов в 20-е – 30-е гг. XVIII в. (к постановке проблемы) // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 2008. № 4.

7. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII века / Сост. С.Н.Кистерев, Л.А.Тимошина.* СПб., 2013.

УДК 947.06/07

Ю.Н. Смирнов¹

Влияние налоговой политики на заселение и аграрное освоение Самарского Заволжья в XVIII – первой половине XIX в.

Подушная подать и другие налоги серьезно влияли на заселение и освоение земель на юго-востоке Европейской России. Они толкали крестьян к бегству на окраины страны, а власти с помощью их регулирования пытались взять это народное движение под контроль.

Ключевые слова: Россия в XVIII–XIX вв.; история Поволжья; колонизация; аграрные отношения; фискальная политика.

¹ *Смирнов Юрий Николаевич*, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

Многие аспекты заселения и аграрного освоения Заволжья в XVIII – первой половины XIX в., а также источники и историография по теме уже рассматривались в литературе [3]. Данный доклад посвящен тому воздействию, которое оказала на эти процессы налоговая политика.

Массовую земледельческую оседлую колонизацию Заволжья следует отнести к 1736 г., когда началось создание Самарской укрепленной линии, в крепостях которой стали поселяться казаки, вошедшие затем в состав нового Оренбургского войска. Главным средством обеспечения себя и своих семей для них стали сельскохозяйственные занятия.

Местная администрация в целях комплектования укреплений служилыми людьми широко практиковала прием беглых, в основном крестьян разных категорий. Дав согласие на легализацию беглых, правительство потребовало провести перепись поверстанных на казачью службу, которая насчитала в 1740 г. в крепостях по Самаре и Яику 2097 новоприборных казаков, 1567 чел. их родни мужского и 2343 чел. женского пола¹.

Самой распространенной в показаниях переселенцев причиной побегов было желание уклониться от подушной переписи и избежать возлагаемых в ходе нее налогов и повинностей. Еще одной причиной называлось разорение от податей, а также вызванный им голод.

Если на укрепленных линиях власти шли на включение беглых в состав неподатного служилого населения, то на землях, оказавшихся под их защитой, практиковалось расселение различных сходцев, в том числе скрывавшихся от уплаты подушной подати, на условиях наделения землей и включения в число налогоплательщиков. При этом переселенцев не возвращали на бывшие места жительства и в прежнее состояние.

В 1741 г. в слободах на левом берегу Волги среди крещеных калмыков было расселено 282 души м.п. русских самовольных переселенцев, обнаруженных в правобережных селах. Их переводи-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144.

ли в разряд государственных крестьян с несением подушного оклада и прочих повинностей. Похожим образом поступали с «не помнящими родства», которых расселяли в слободах, возникших на Новой Московской дороге в Оренбург. В 1746 г. Сенат утвердил ссылку сюда всех «не помнящих родства», выявленных в России в ходе очередной ревизии. Здесь их наделяли землей и обязывали платежом подушной подати и повинностями по содержанию указанной дороги наравне с другими государственными крестьянами, в одну из сословных групп которых они превращались. Численность «не помнящих родства» в Бугульминском ведомстве, составлявшем восточную часть Самарского Заволжья, составила по 2-й ревизии 2088 душ м.п. По 3-й ревизии она возросла до 2222 душ [1, с. 236].

В стремлении взять под контроль потоки переселенцев в Заволжье власти достаточно преуспели после подавления восстания 1773–1775 гг. и реализации административной реформы Екатерины II. Укрепление государственной власти на окраинах страны привело к прекращению притока в сельскую местность беглых, укрывавшихся от государственных налогов, чиновного произвола и помещичьего гнета. Однако самовольные переселения не прекращались, приняв теперь форму выхода государственных крестьян на незаселенные земли. За пользование ими и повышение своего достатка крестьяне были готовы нести установленные повинности, представлявшиеся чрезмерными в малоземельных районах.

Правительство пыталось стимулировать и регулировать этот процесс налоговыми льготами. По указу 1797 г. организованные переселенцы из казенных крестьян наделялись землей в расчете 15 дес. на ревизскую душу, получали пособие и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности [2].

Эти льготы неоднократно подтверждались и уточнялись на протяжении всей первой половины XIX в. Важную роль в этом сыграли руководители Министерства финансов, Министерства государственных имуществ, Департамента уделов, которые поддерживали процесс освоения новых земель, постоянно шли даже на легализацию самовольных переселений.

За 115 лет, прошедших от начала земледельческого освоения до 1851 г., население Самарского Заволжья достигло 1,5 млн чел. Это было достигнуто в основном за счет постоянного притока переселенцев, который вначале вызывался желанием избежать податного пресса, но затем все более стимулировался самим государством с помощью и фискальных льгот, и предоставления обильных и плодородных земель для уплаты налогов и несения повинностей.

Литература

1. Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 236.

2. ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 26. № 19500.

3. *Смирнов Ю.Н.* Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской Империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.). Самара, 2007.

УДК 94(47)

М.А. Киселев¹

К вопросу о влиянии инфляции на реальный рост прямых налогов в эпоху Петра I

В работе рассматривается проблема соотношения номинального и реального, с учетом инфляции, роста прямых налогов в России в первую четверть XVIII в.

Ключевые слова: Россия XVIII в.; реформы Петра I; история налогов.

Очарование петровской модели «регулярного государства», представленной законодательством первой четверти XVIII в. (Генеральный регламент, Табель о рангах, коллежские регламенты), сильно до сих пор. Из работ некоторых исследователей может сложиться впечатление, что за новыми словами стояла новая реальность [См., например: 4, с. 162; 8, с. 57].

¹ *Киселев Михаил Александрович*, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, strateg-mk@rambler.ru, Россия, г. Екатеринбург.

Одним из доводов, который можно было бы привести в доказательство «нового» качества петровского государства, является утверждение о большом росте доходов от прямых налогов. П.Н. Милоков, подводя итог своему знаменитому исследованию о государственном хозяйстве при Петре I, полагал, что «утроение податных тягостей ... и одновременная убыль населения по крайней мере на 20 % – это такие факты, которые, сами по себе, доказывают выставленное положение красноречивее всяких деталей. Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» [6, с. 546].

Специальные исследования по исторической демографии показали, что при Петре I все же был прирост населения, а не его убыль, хотя войны и оказали свое негативное влияние [2, с. 134]. Население росло, а государство было явно ограничено в своих возможностях контроля над населением. В то же время рост «налогового гнета в несколько раз» [3, с. 96] еще записывается в актив петровского государства.

Если рост прямых налогов в номинальных цифрах не подлежит сомнению, то реальный рост налогов во многом зависит от подсчетов уровня инфляции. Е.В. Анисимов в монографии о введении подушной подати при подсчете роста прямых налогов на душу м.п. в петровской России пришел к следующим выводам: «С учетом падения курса рубля за период с 1680 до 1724 г. в 2 раза общая сумма доходов увеличилась в 2,7 раза, а сумма прямых налогов – в 3,7 раза. ... При податном населении России по переписи 1679 г. в 4069 тыс. душ м.п. налоги должны были составлять в 1680 г. 0,15 руб. с души м.п. Средняя величина подушного налога с 5,7 млн душ м.п. с учетом дополнительных платежей равнялась 0,87 руб. С учетом падения курса рубля в 2 раза налоги возросли в среднем на душу в 3 раза» [1, с. 278].

Такой расчет основан на положении, что за первую четверть XVIII в. покупательная способность рубля упала в два раза. Источником такого положения является работа В.О. Ключевского, изданная еще в 1884 г. Ключевский при установлении инфляции исходил из хлебных цен. Рассматривая XVIII столетие, он отмечал, что «к сожалению, за три первые десятилетия этого века мы не смогли собрать

достаточно полных и надежных данных, так что это время остается для нас пробелом в истории хлебных цен». При характеристике полученного на основе анализа «столь скудных данных» результата, он отмечал, что результат «может иметь лишь то значение, что показывает, в каком направлении стали изменяться хлебные цены с начала XVIII в. ... они опять пошли вверх» [5, с. 113–114]. Утверждение, что за первую четверть XVIII в. курс рубля упал в два раза, является предположением, а не результатом точных подсчетов.

Если обратиться к более точным данным о хлебных ценах, которые приводит Б.Н. Миронов, то получатся другие результаты: цена за четверть ржи в Европейской части России с 1707 к 1725 г. выросла в 4,4 раза, овса – в 2,9 раза. Если взять за основу подсчетов рост цен на рожь, то получится, что с 1680 по 1725 г. в среднем на душу м.п. прямые налоги выросли на 25,7 %, если рост цен на овес, то на 90,8 %, если среднюю роста цен на рожь и овес, то на 51,6 % [7, с. 190–191].

Таким образом, с учетом инфляции реальный рост налогов при Петре I отнюдь не выглядел революционным. Возможностькратно повышать номинальные значения налогов можно истолковать как свидетельство прочности и бесспорности власти государства. В то же время неспособность добиться реального кратного роста доходов от прямых налогов свидетельствовала о слабости государственного аппарата и его неумении (или отсутствии желания) установить более жесткий контроль за ресурсами податного населения.

Литература

1. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982.

2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

3. *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006.

4. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.

5. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. VIII. Статьи / Под ред. В.Л. Янина. М., 1990.

6. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

7. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.

8. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011.

УДК 94(47).066

Л.М. Артамонова¹

Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья в наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II

В статье анализируются вопросы о налогах и повинностях, поднятые государственными крестьянами в Уложенной комиссии.

Ключевые слова: Россия в XVIII в.; социальная история; аграрные отношения; фискальная политика.

В Уложенную комиссию 1767–1768 гг. от различных сословных и территориальных групп государственных крестьян Поволжья было представлено 117 наказов. Источниковедческие и историографические аспекты изучения этих наказов уже были рассмотрены [1]. Также были оценены возможности их использования для анализа землевладения и землепользования данной категории крестьян [2]. Настоящее сообщение посвящено другому важнейшему вопросу, поднятому поволжскими крестьянами в 96 наказах, а именно налогам и повинностям.

В 76 наказах затрагивалось подушное обложение. Наибольшее число возражений вызывала обязанность внесения подати за всех лиц мужского пола, внесенных в ревизские сказки, включая нетрудоспособных и «убылых». По этой причине возрастала сумма, взыскиваемая с их родственников и односельчан. Жалобы на взимание податей с престарелых изложены в 45 наказах, с умерших – в 37, с больных, калек, сумасшедших – в 35, с взятых в рекруты – в 27, с малолетних –

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарская государственная академия культуры и искусств, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

в 20, с беглых, а также ушедших на заработки или переведенных в мастерские на заводы – в 8. В 7 наказах ставился под сомнение сам принцип подушного обложения, не учитывавший реальные возможности крестьянского хозяйства, когда в оклад включали бедных и немущих, которые не могут «обзавестись домом», не имеют «скота и пажити» и даже «ежедневного пропитания», и за которых подати платит мир. В 12 наказах их составители указывали, что не могут платить подушный оклад и прочие подати, так как не имеют средств к существованию. Эти жалобы исходили от тех групп крестьян, которые были крайне недостаточно наделены землей или совсем ее не имели. Попытки выколотить недоимки правежом приводили крестьян только «в наивящее разорение и скудость». Жалобы на разорение из-за взыскания недоимок содержались в 6 наказах.

Недовольство крестьян в 23 наказах вызвало повышение подушного оклада с 1 руб. 10 коп. в год до 1 руб. 70 коп. Однодворцы, служилые мурзы, татары и чуваша были недовольны наложением на них подушного оклада. Часть потомков служилых людей добивалась исключения из числа податных сословий. В остальных наказах крестьян Поволжья предложения были направлены исключительно на облегчение подушной подати.

Прежде всего, предлагалось уменьшить число окладных душ за счет исключения стариков (11 наказов), больных, инвалидов и прочих нетрудоспособных (15), умерших (4), рекрутов (13), беглых (1). Крестьяне, как правило, требовали не просто снять оклад с имеющихся «убылых» душ и с тех, «которые податей платить не в состоянии», но и впредь таковых «из оклада выключать» своевременно, не дожидаясь проведения ревизий.

Возражения у крестьян вызывали и способы взимания оклада. Их «безвинно» разоряли сами приезды чиновников, сопровождавшиеся вымогательством. Звучало даже требование фактического отстранения правительственной администрации от сбора подушных денег с передачей этой обязанности и изыскания способов внесения денег за несостоятельных плательщиков на рассмотрение сельских общин или лиц, ими уполномоченных.

Следующей по тяжести за подушной податью шла рекрутчина. Специальное внимание ей уделено в 23 наказах государственных крестьян (без учета жалоб и предложений, связанных с взиманием рекрут с убылых и других не способных нести эту повинность душ).

Прочие натуральные повинности государственных крестьян, которые не всегда можно отнести к разряду отработочных, вызвали жалобы и предложения в 46-ти наказах. Не имея желаний или просто возможности отвлекать рабочую силу из своего хозяйства, крестьяне вынуждены были нанимать из своей среды или со стороны как рекрутов, так и работников для выполнения других повинностей. Самыми тяжелыми из них наказы называли подводную повинность, а также приписку к казенным и частным предприятиям.

В 27 наказах поднимался вопрос о различных косвенных и дополнительных налогах: конские пошлыны, винная монополия, соляной сбор, «свадебные деньги». Наибольшее число жалоб вызывала откупная система сбора ряда податей, произвол и вымогательства откупщиков из дворян и купцов.

Составители крестьянских наказов выступили практически по всем вопросам налоговой политики. Их требования носили не только финансовый характер, а имели яркую социальную направленность. Они выступали за уменьшение феодальной ренты, которая взыскивалась в виде казенных податей и повинностей, предлагали ограничить произвол чиновников, выступали за отмену откупов, отражая стремление крестьян к более свободному распоряжению своей собственностью и трудом.

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Отечественная историография и основные результаты изучения наказов крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009.

2. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 2012 год. М.; Брянск, 2012.

УДК 94(47)+94(470.57)

А.И. Акманов¹

**Организация материального и финансового обеспечения
землемеров Генерального межевания
в Оренбургской губернии²**

Статья посвящена материальному и финансовому обеспечению персонала межевых учреждений по материалам Южного Урала в начале XIX в. Для реализации этого мероприятия государство из своего бюджета направило значительные денежные средства. Одним из важных показателей этого являются высокие жалования персонала межевых учреждений.

Ключевые слова: Генеральное межевание, земельные споры, землемеры, жалованье, межевая контора.

Важное значение для истории страны имело проводившееся во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Генеральное межевание земель. Оно должно было урегулировать многочисленные земельные споры, обеспечить учет земельного фонда различных категорий населения с предоставлением типовых документов на право владения или пользования, определить перспективы землевладения и землепользования для регионов страны путем подготовки развернутых экономико-статистических описаний. Организация земельных измерений осуществлялась постепенно по губерниям. Во второй половине XVIII в. были проведены работы Генерального межевания в центральных губерниях России, а с конца этого столетия началось межевание в окраинных губерниях Европейской России. Следует отметить масштабность расходов государства для реализации этих задач. При этом расходы осуществлялись преимущественно за счет государственного бюджета.

В качестве иллюстрации можно представить материалы по Южному Уралу, где организацией земельных измерений занимался

¹ Акманов Айтуган Ирекович, доктор исторических наук, Башкирский государственный университет, aaitugan@rambler.ru, Россия, г. Уфа.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00152.

персонал Оренбургской межевой конторы. Руководителями этой структуры была группа чиновников во главе с тремя членами присутствия и прокурором. Следует указать размеры их финансового обеспечения. Так, в 1798 г. перед отправкой межевых команд на полевую работу персонал Оренбургской конторы получил жалованье. Самые крупные оклады были у членов присутствия и прокурора. Так, член присутствия титулярный советник И. Жилин имел годовое жалованье в 375 руб., а прокурор титулярный советник А. Блажиевский – 360 руб. Оклады канцелярских служащих – секретарей, регистраторов, подканцеляристов, копиистов составляли 60–130 руб. в год. Землемерам первого класса был установлен годовой оклад в 350 руб., а второго класса – 250 руб. Кроме этого, они обеспечивались пищевым рационом стоимостью 3 руб. 60 коп. в месяц. Землемерные помощники в зависимости от чина получали годовое жалованье 60, 100 и 200 руб., а ученики – по 40 и 60 руб. На содержание персонала Оренбургской конторы (148 человек) за первые четыре месяца 1798 г. из казны было выделено 5617 руб.¹

К 20-м гг. XIX в. произошло увеличение оплаты труда руководителей данного учреждения. Так, годовое жалованье первого члена присутствия составляло 1200 руб., второй член присутствия – в 1000 руб., третий член присутствия – 900 руб. Деятельность прокурора оценивалась годовым жалованьем в 900 руб. Специалистами, ведущими делопроизводство по межеванию являлись 2 секретаря, 1 казначей, 1 протоколист, 1 регистратор, 5 канцеляристов, 7 подканцеляристов, 10 копиистов. Их годовые доходы были в диапазоне от 200 до 750 руб.²

Основными исполнителями мероприятия являлись землемеры и канцеляристы, которые были организованы в Оренбургской губернии в 15 межевых команд. Численность старших землемеров составила 15 человек, годовое жалованье каждого из них было 750 руб. Младших землемеров было 15 человек, для каждого из них предполагалась оплата в 550 руб. Важной была деятельность по-

¹ РГАДА. Ф. 1324. Оп. 7. Д. 167. Л. 270–275.

² РГИА СПб. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 518. Л. 398 об. – 399.

мощников землемеров в количестве 25 человек. Деятельность каждого из них оценивалась государством в 300 руб. в год. Землемер-ные ученики в количестве 58 человек могли претендовать на годовое жалованье от 150 до 200 руб. Для обеспечения деятельности персонала требовались специальные инструменты (астролябии, десятисаженные железные цепи) и различные материалы – бумага, краски, чернила, сургуч, свечи. Их стоимость на каждый год работы оценивалась в 3000 руб. Кроме того, для обеспечения деятельности 15 землемерных команд в ходе полевых работ следовало предоставить 3000 руб. ежегодно (наем жилья, перевозки персонала и подготовленных материалов)¹.

Следует отметить, что в начале XIX в. в стране функционировало 4 конторы (Вятская, Симбирская, Оренбургская, Екатеринославская), которые реализовывали работы Генерального межевания. Для них был установлен единый объем финансирования из госбюджета. Так, общий объем расходов государства в 1820 г. на содержание персонала Оренбургской межевой конторы в количестве 198 человек составил 67680 руб. Содержание персонала всех вышеперечисленных четырех межевых контор (992 человека) требовало ежегодных расходов в 339400 руб. Для обеспечения деятельности центральных учреждений – Межевой Канцелярии в Москве, Канцелярии Главного директора, Константиновского межевого училища (573 человека) требовалось 207500 руб. Таким образом, совокупный ежегодный объем расходов для межевых учреждений по Российской империи тогда составил 546900 руб.²

¹ Там же.

² Там же. Л. 399.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.

УДК 94(47).08

Н.М. Александров¹

**Расходы на налоги и повинности
в бюджете российского пореформенного крестьянства**

На основе бюджетов крестьянских хозяйств определен удельный вес расходов, уходивших на налоги и повинности. Выявлено, что основная причина тяжести налогов для крестьян – не их величина, а слабая товарность крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: налоги, повинности, бюджет, крестьянское хозяйство.

После отмены крепостного права государственный и местные бюджеты во многом формировались за счет налогов с крестьянских хозяйств. Причем разные категории крестьянства несли неодинаковую налоговую нагрузку. Сильнее других различными платежами были отягчены помещичьи крестьяне. Основная причина такого положения помещичьих крестьян – высокие выкупные платежи, составлявшие большую часть налоговой нагрузки. Тяжесть налогового бремени у государственных и удельных крестьян была меньшей, чем у помещичьих, но и у них доходность земли не соответствовала величине налогообложения. Особенно ярко это несоответствие проявлялось в нечерноземной полосе страны. В 70-е гг. XIX в. в Верхнем Поволжье платежи за наделенную землю превышали ее доходность у государственных крестьян в 1,5 раза, а у помещичьих – в 2,5 раза. Власти считали,

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

что в промышленно развитых районах крестьянство сможет заработать недостающие средства, участвуя в разных видах неземледельческих промыслов.

Несоответствие доходности крестьянских хозяйств и денежных сборов, взимаемых с сельского населения (в первую очередь, выкупных платежей), приводило к быстрому росту недоимок, т.е. к хронической задолженности крестьянских хозяйств по выплате налогов.

В пореформенный период правительство пыталось решать проблему крестьянских недоимок двумя путями:

1. Применение к недоимщикам различного вида карательных мер, как-то: арест, наказание розгами, продажа крестьянского имущества.

2. Реформирование системы налогообложения с некоторым снижением налоговой нагрузки с помещичьих крестьян, выравниванием налогового бремени крестьян разных категорий и замене части прямых налогов косвенными.

Указанные мероприятия оказались недостаточно эффективны. Накануне революции 1905 г. у всех трех категорий крестьян в России недоимки превышали годовой оклад платежей. Объяснение сложившейся ситуации только как сохранявшееся несоответствие доходности земли величине налогообложения явно не достаточно. В конце XIX в. в целом по Европейской России $\frac{3}{4}$ дохода крестьянского хозяйства получалось от сельского хозяйства и $\frac{1}{4}$ – от промыслов. Соотношение этих показателей менялось в зависимости от характера местности. Причем, большие недоимки были как в земледельческих, так и в промышленных губерниях.

Изучение места и роли налогов и различных повинностей в крестьянском хозяйстве необходимо проводить, опираясь на совокупность различных данных. В связи с этим большую ценность для исследователей представляют бюджетные обследования крестьянских хозяйств. Данные бюджетов 1313 крестьянских хозяйств Козельского уезда Калужской губернии за 1895 г. указывают, что $\frac{3}{4}$ дохода местные крестьяне получали от сельского хозяйства и $\frac{1}{4}$ – от промыслов. Соотношение этих показателей соответствует средним данным по Европейской России. Денежные налоги (84,4 %) и натуральные повинности (15,6 %) козе-

льских крестьян на $\frac{1}{3}$ превышали чистый доход от земледелия. На них уходило 58,1 % всего денежного дохода. Высокий процент денежных затрат крестьянского хозяйства для многих историков служил важным доказательством чрезмерности налогового бремени сельского труженика дореволюционной России. Ими часто не учитывался такой показатель, как доля налогов в общем бюджете крестьянского хозяйства. Так, козельские крестьяне, расходуя на налоги и повинности большую часть имевшихся в хозяйстве денег, тратили на эти нужды в среднем только 4,4 % всех имевшихся средств.

Изучение данных 107 крестьянских бюджетов, собранных в 1908–1909 гг., т.е. после отмены выкупных платежей в так называемом фабричном районе Костромской губернии, показало, что на налоги и различные повинности сельское население, как правило, тратило 1–1,5 % всей расходной части бюджета (доход и приход в крестьянском бюджете практически были равны). Причем относительная величина расходов на налоги мало зависела от посевной площади крестьянского двора. На хозяйственные потребности, включавшие траты на аренду земли, расходы на основные и оборотные средства производства и на наемную силу, уходило, в зависимости от величины запашки и зажиточности хозяйства, от 10 до 40 % всех доходов. Личные потребности, в которые входили расходы на питание, одежду, приобретение различной утвари и траты на духовные потребности, поглощали от 20 до 50 % доходов. Местный крестьянин на налоги тратил столько же средств, сколько расходовал на духовные потребности. При относительно высокой товарности крестьянских хозяйств этого района (в целом по всем хозяйствам денежная и натуральная часть дохода были равны) такие налоговые выплаты не могли быть обременительны для местных крестьян.

Все вышеизложенное свидетельствует, что основной причиной тяжести налоговой нагрузки для крестьянских хозяйств России, особенно после реформирования налогообложения, была не величина налогов и повинностей, а отсталость крестьянских хозяйств, их натуральный характер, и, следовательно, трудность нахождения денежных средств для уплаты налогов.

УДК 94(47).081/.083

А.К. Кириллов¹

**Движение к подоходному налогу:
крестьянская община в налоговой системе
капиталистической России**

Для изучения системы крестьянских налогов дореволюционной России важное значение имеет внутриобщинная раскладка платежей. Отмена круговой поруки сблизила крестьянскую общину с податными присутствиями, внедрявшимися в городских налогах по мере продвижения страны к всеобщему подоходному налогу.

Ключевые слова: налоговые реформы пореформенной России; отмена круговой поруки; раскладочный приговор; податное присутствие.

Налоги – обязательная составляющая описания крестьянской жизни современниками и историками. По давней традиции смысл изучения крестьянских налогов увязывается главным образом с вопросом о степени их тяжести. У публицистов и в научной литературе немало ярких примеров окончательного разорения несчастных недоимщиков требовательными блюстителями порядка. Постоянное накопление недоимок принято было объяснять непосильностью податного бремени. В последнее время выдвинуто противоположное объяснение: недоимки – от неспособности власти взыскать деньги с крестьян, могущих, но не желающих платить. На эту тему немало примеров сохранилось в документах податной инспекции и губернских присутствий по крестьянским делам. Синтез, способный примирить две группы взаимоисключающих фактов, связан с проблемой равномерности налогов для крестьян.

Проблема равномерности касалась не только крестьянского обложения. Заботясь о бюджетных доходах, Министерство финансов видело выход в повышении сборов с богатых. Введение налога с городской недвижимости (1863), введение и реформирование дополнительного промыслового налога (1885, 1898), учреждение квартирно-

¹ Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, alkir.nsk@gmail.com, Россия, г. Новосибирск.

го (1893) и подоходного (1916) налогов – все эти меры воплощали замысел: взять больше с богатых, не трогая бедных.

Ключевой трудностью для воплощения этого замысла было установление налогооблагаемой базы. Эта задача решалась за счет организации податных присутствий, в которых чиновники объединялись с выборными представителями плательщиков. Предприниматели помогали инспектору оценивать прибыли торговцев, домовладельцы – цену недвижимости в своем участке. Поначалу система присутствий вводилась с подстраховкой в виде раскладочной системы расчета налога (правительство гарантировало себе получение определенной суммы по стране в целом). Убедившись, что система присутствий работает, правительство (начиная с квартирного налога) стало применять ее в сочетании с окладной системой обложения.

У крестьян подобной работой издавна занималась община. Каждое сельское общество получало предписание уплатить определенную сумму; каким образом она будет разделена между плательщиками, властям было не очень важно. Правильность раскладки обеспечивалась круговой порукой: если раскладка произведена неправильно, и кто-то получил непосильную ношу, за него приходилось расплачиваться всем.

Основополагающей реформой в крестьянских налогах стала отмена круговой поруки и введение единоличной ответственности по налоговым платежам (1903). Это существенно приблизило крестьянскую общину к модели податного присутствия: общество (при участии чиновника) определяет размер налога для каждого плательщика, но не отвечает за его уплату. Податной инспектор лично не участвовал в сходе, но проверял, соблюдено ли правило обоснованности раскладки. Какое бы основание для распределения налогов сход ни выбрал (годные работники, десятины пашни, головы скота, и т.д.), его требовалось указать в раскладочном приговоре и перечислить всех плательщиков с указанием для каждого размера налогооблагаемой базы.

Одновременно посредством циркулярных предписаний и разъяснений Минфин старался добиваться отказа крестьян от подушных раскладок в пользу хозяйственных признаков. На деле раскладки по-

сле отмены подушной подати и круговой поруки оказываются весьма разнообразны, и если в одних случаях они составлены явно под воздействием указаний сверху, то в других случаях – противоречат «рекомендациям» чиновников. Есть в приговорах и свидетельства напряженной борьбы на сходе при выборе принципов раскладки. В городских налогах принципы определения налогооблагаемой базы задавались государством, крестьяне же, если не всегда, то часто, устанавливали их сами. Сопоставляя приговоры времен столыпинской реформы с данными обследований 1880–1890-х гг., можно сделать вывод о повышении роли раскладки по хозяйственным признакам и сокращении роли подушного принципа.

Существенным отличием крестьянских налогов накануне Первой мировой войны оставалась раскладочная система их расчета. Это отличие было устранено с помощью подоходного налога. За счет высокого необлагаемого минимума доходов (800 руб., позже – 1000 руб.) он должен был стать налогом для богатых. Но в годы Гражданской войны инфляция уничтожила действие необлагаемого минимума, и крестьян стали привлекать к платежу подоходного налога. При этом власть опиралась на волостные правления, по существу, просто продолжив традицию сбора сведений через раскладочные приговоры. Для изучения этой, «посмертной», стадии эволюции царской налоговой системы особое значение имеют документы окраин – например, Сибири, оказавшейся в 1918–1919 гг. вне влияния советской власти и восстановившей до советскую податную систему.

УДК 94(47).«18». (470.2).081.082.083

В.Н. Никулин¹

Община и крестьянские недоимки (по материалам Северо-Запада России второй половины XIX – начала XX в.)

Рассмотрены причины и условия накопления недоимок крестьянами северо-западных губерний России в пореформенные годы. Показаны формы и мето-

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

ды ликвидации крестьянской задолженности по мирским, земским и окладным сборам, применявшиеся крестьянской общиной.

Ключевые слова: Северо-Запад, община, фискальные функции, недоимки, оклад, мирские платежи.

После реформы 1861 г. «произошел стремительный рост недоимок», – писал в записке, адресованной в МВД, псковский губернатор М.С. Каханов, характеризуя бедственное положение крестьян Великолукского, Торопецкого и Холмского уездов. Различные факторы способствовали накоплению недоимок крестьянского хозяйства в пореформенный период. Основной причиной являлось уменьшение размеров крестьянских наделов в ходе реформы и плохое качество пахотной земли в северо-западных губерниях страны. Свою лепту вносили изменения в составе рабочей силы крестьянского двора, периодические неурожай, падеж скота, нестабильность промысловых заработков. Недаром новгородский губернатор Э.В. Лерхе отметил, что в губернии «есть немало сельских обществ, где требуется уменьшение платежей по недоброкачественности отведенных наделов». Одну из причин накопления недоимок он видел в «несоразмерности платежей со средствами крестьян». В наиболее тяжелом положении оказывались экономически маломощные крестьянские хозяйства. В 1890 г. новгородский губернатор А.Н. Мосолов констатировал, что недоимки «преимущественно остаются на части самого неимущего населения». В начале XX столетия недоимка достигла «небывалых размеров». Так, по манифесту 11 августа 1904 г. с псковских крестьян было сложено свыше 1 млн 834 тыс. руб. недоимки земских сборов и выкупных платежей, но уже к 1 января 1905 г. долги крестьян по платежам вновь достигли 1 млн руб. В деле ликвидации недоимочности крестьян государство все шире использовало общину, усиливая ее административно-фискальные функции.

Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» важнейшей функцией сельского схода являлась раскладка казенных повинностей, мирских и земских денежных сборов. Кроме того, община обязана была принимать все необходимые меры «к предупреждению и взысканию недоимок» (Гл. 2, ст. 51, пункт 15). Выполняя эти обязанности, крестьянская община исполь-

зовала различные формы и методы побуждения крестьян к исправному платежу податей и повинностей. Так, в Новгородской губернии только в случае болезни крестьянина община могла на год дать ему отсрочку в уплате податей, при этом лежавшая на крестьянине недоимка числилась за общиной. Если срок взноса платежей подходил, а крестьянин отказывался от их уплаты, то община использовала обширный набор мер понуждения. Для начала недоимщика подвергали телесному наказанию – секли розгами, затем отдавали «в работу». По решению схода для ликвидации недоимки продавалась часть имущества недоимщика. При этом крестьянину оставляли только необходимое: жильё, корову, лошадь.

Если через год крестьянин не сумел уплатить недоимку, то мир мог отнять у домохозяина земельный надел. Это была крайняя мера. На практике крестьянин, понимавший невозможность для себя погасить платежи и недоимки, чаще всего сам отдавал общине землю. Надел, переданный миру недоимщиком, переходил нуждающимся в земле однообщинникам. В результате происходило фактическое изменение социального статуса земледельца. Из крестьянина с наделом он превращался в безземельного крестьянина, вынужденного либо идти в отход на завод или фабрику, либо трудиться наемным рабочим на лесных, судовых и иных промыслах.

Община активно вмешивалась в личную жизнь крестьянина, если его поведение могло негативно сказаться на платежных возможностях хозяйства. Если крестьянин злоупотреблял «зеленым змием» и возникла угроза для своевременной уплаты платежей, то община прибегала сначала к мерам предупредительным: осуждение поведения крестьянина на сходе, запрет продажи имущества домохозяином. Затем следовали меры карательные – содержание в арестантской, сечение розгами и пр.

В псковской деревне меры принудительного свойства, применявшиеся по отношению к недоимщикам, не распространялись на землю – надел оставался у крестьянина. Если у общинников возникали опасения, что один из членов общины не заплатит своевременно податей, то против него применялись превентивные меры: мир отказывал такому крестьянину в получении паспорта на отлучку, контролировал производство и реализацию продукции

крестьянского двора. Против злостных недоимщиков сельское общество применяло более решительные меры. Так, по решению схода часть урожая изымалась у крестьянина, а вырученные от продажи хлеба средства использовались для уплаты податей. Крайней мерой для погашения недоимки была распродажа части имущества крестьянина, включая скот, хозяйственные постройки и инвентарь. Недоимщику оставляли только избу, сарай, лошадь, корову, часть корма для животных и одежду. Все остальное продавалось и полученные от продажи деньги шли на погашение недоимки. В таком случае крестьянское хозяйство испытывало такой удар, после которого оно не могло оправиться и нормально функционировать.

УДК 94(47).081

*Н.П. Никитина*¹

Бюджет крестьянского самоуправления в пореформенный период на Северо-Западе России²

В работе рассмотрены вопросы о порядке формирования и расходования денежных ресурсов крестьянского самоуправления в губерниях Северо-Запада России.

Ключевые слова: мирские сборы; сельское общество; волость; принципы обложения; доходные и расходные статьи.

Крестьянское самоуправление получило свое юридическое оформление в ходе крестьянской реформы 1861 г. Самоуправление имело два уровня: сельский и волостной. Для реализации функций, возлагаемых на крестьянское самоуправление законодательством, требовались денежные ресурсы, поэтому сельский и волостной уровни крестьянского самоуправления имели свой бюджет. Его формирование отдавалось на откуп волости или сельского общества.

¹ *Никитина Наталья Павловна*, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, npnikitina@rambler.ru, Россия, г. Псков.

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ и Государственного комитета по культуре администрации Псковской области, грант № 12-11-60008 «Трансформация сельского самоуправления на Северо-Западе России в XIX–XX в.: исторический опыт и практические перспективы».

В 1893 г. МВД предприняло попытку анализа мирских расходов и доходов. Материалы собирались путем анкетирования. В губерниях Северо-Запада России анкеты заполнялись непосредственно в волостном правлении. Доходной частью бюджета волости определялась по 10 позициям, а сельского общества по 7¹. Доходная часть бюджета включала в себя: волостной (сельский) сбор; штрафы, налагаемые волостным судом и другими должностными лицами; процент с волостных (сельских) капиталов; займы из других источников; возврат ссуд; плата за квартирование войска и за поставку воинских подвод. Помимо этого доходная часть волостного бюджета включала в себя и сбор с паспортов и билетов; сбор за засвидетельствование сделок; доходы за счет дополнительных статей.

На Северо-Западе России в число дополнительных статей доходов входила плата за открытие питейных заведений, за право охоты на землях сельского общества, за использование берегов рек, пристаней и перевозов; доходы от сдаваемых в аренду земель; плата с постоянных дворов, лавок и других промышленно-торговых заведений; штраф за порубку леса или потраву покоса и др. Дополнительные статьи приносили незначительный доход. Так, по Петербургской губернии плата от торговцев и промышленников составляла в среднем 3,1 % всех доходов крестьянского самоуправления. Доходы от остальных статей были и того меньше. Не всегда средства от дополнительных источников имели денежное выражение, иногда – натуральное (определенное число четвертей водки, при открытии кабака). Доходы от дополнительных статей чаще всего использовались на какие-то единовременные нужды (заказ чертежного плана наделной земли, создание библиотеки).

Однако основной статьей дохода являлся мирской сбор, размер которого определялся сходом. Раскладка мирского сбора как волостного, так и сельского на Северо-Западе России осуществлялась по нескольким принципам: 1) по наделам; 2) по наделами и фиксированная плата с безземельных; 3) по ревизским и не ревиз-

¹ ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. 20. Оп. 1. Д. 4 (1893).

ским душам (с градацией размера сбора). Размер волостного сбора довольно значительно варьировался в каждой волости и был значительно выше мирского сбора на сельские нужды. Если выяснялось, что собранных мирских сумм недостаточно, то могла осуществляться дополнительная раскладка. Имеются упоминания о том, что мирской сбор уплачивался серебром. В случае если предстояли крупные затраты, например строительство школы, для накопления сумм назначался специальный взнос на несколько лет¹.

Расходные статьи волостного и сельского самоуправления включали в себя следующие позиции: жалование должностным лицам; содержание лошадей для разъезда; канцелярские расходы; постройка, ремонт и содержание общественных зданий (церквей, училищ, больниц, богаделен); призрение; обеспечение пожарной безопасности; постройка и содержание мостов и дорог. Кроме того, волостное правление тратило денежные ресурсы на постройку и содержание здания волостного правления.

Жалование должностным лицам крестьянского самоуправления являлось основной статьей расходов. На Северо-Западе России должностные лица крестьянского самоуправления были представлены сельским старостой, лесным и полевым сторожем, деревенским старостой, волостным старшиной, волостными судьями, сборщиками податей. Крестьяне из мирских сумм оплачивали работу наемного волостного писаря. По Петербургской губернии в первой половине 1890-х годов на содержание должностных лиц крестьянского самоуправления тратилось 39,8 % мирских расходов, в Псковской – 61,8 %². Наибольшие затраты приходились на менее экономически развитые уезды. Чем выше была доходная часть бюджета, тем меньший процент тратился на жалование должностным лицам. Если размер мирских сборов на крестьянское самоуправление постоянно возрастал, то не всегда это отражалось на жаловании должностных лиц. В ряде волостей Псковской губернии волостные сходы отказывались

¹ Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891); Д. 150 (1892). Л. 18; Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 16 об.

² Расходы и доходы волостей и сельских обществ (1893-1895 гг.) // Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1898 г. Вып. III. СПб., 1899. С. 30; ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Подсчеты автора.

увеличивать жалование должностным лицам крестьянского самоуправления¹. Иногда при определении размера жалования волостного старшины в него включали и расходы на содержания писаря и канцелярии, а также содержание волостного правления². В таком случае волостной старшина имел большую самостоятельность в распределении денежных сумм. В единичных случаях в сельских обществах Северо-Запада России сельские старосты выполняли свои обязанности на безвозмездной основе. Размер жалования должностных лиц крестьянского самоуправления зависел от геополитического положения волости и сельского общества, ее экономического развития, численности населения и имевшихся традиций управления.

Следующими по значимости статьями расходов крестьянского самоуправления являлись расходы на религиозные нужды 17,8 %, на народное образование – 13,9 %, на поддержание в порядке путей сообщения – 5,5 %, на медицину – 2,5 %, на пожарное и сторожевое дело, а также на общественное призрение – по 2,4 %. Почти 16 % расходов приходилось на статью прочие расходы³. К числу прочих расходов на Северо-Западе России относились: пособие новобранцам, содержание арестованных, устройство прудов и колодцев, плата за помещения для проведения сходов, благоустройство улиц, страхование, уплата процентов по долгам общества и повинностей за однообщинников, пожертвования, оплата квартиры при прибытии жандармов, затраты на поминовение и чествование государя, приобретение икон и мебели для волостного правления, оплата уборки волостного правления и др.

Остро стояла проблема учета расходов мирских сумм. Имелись случаи растрат и злоупотреблений. Поэтому сходы проводили учет денежных сумм с разной степенью регулярности, чаще всего при выборах нового старшины или старосты. Наличие у крестьянского самоуправления своего бюджета делало его значимым в глазах крестьян.

¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 8 об.

² Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ Расходы и доходы волостей и сельских обществ (1893-1895 гг.). С. 30.

УДК 94(47).083

*А.Е. Панова*¹

**Способы раскладки налогов крестьянскими сходами
в начале XX в.: к постановке проблемы**

Предмет статьи – раскладка крестьянскими обществами государственных и местных налогов. Выявлена зависимость между видом налога и способом его раскладки.

Ключевые слова: крестьянские налоги; раскладочные приговоры; раскладка налогов.

Хорошо известно, что в дореволюционный период российской истории крестьянство являлось одним из основных плательщиков налогов и податей. Трансформация налоговой системы в Российской империи исходила из желания дойти до каждого конкретного плательщика, что в перспективе должно было коснуться и крестьян, но на практике сельское общество оставалось наименьшей податной единицей. На каждое сельское общество сверху из волости спускался оклад различных податей, которые крестьяне должны были сами разверстать между собой по собственному усмотрению. Эти решения о раскладке податей записывались в раскладочном приговоре.

Приговоры стали объектом исследования Л.В. Котович, выяснившей, что они имеют устойчивый формуляр и являются источником для изучения самых разных вопросов: поземельно-хозяйственных, податных, кооперативно-благотворительных, административных, культурных и т.д. [1, с. 80–91].

Достаточно подробно тема крестьянских налогов была освещена в монографии О.И. Марискина. Опираясь на материалы Среднего Поволжья, автор детально описывает механизм функционирования сельской общины по сбору налогов в пореформенный период и приходит к выводу о том, что община обеспечивала устойчивость налоговой системы государства в целом, являясь ее неотъемлемым элементом [2, с. 130–139].

¹ *Панова Алена Евгеньевна*, Новосибирский государственный университет, arphina-08@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

Объектом изучения стала Богородская волость Томского уезда Томской губернии, представленная подборкой из 159 приговоров, охватывающих 1904, 1906, 1907 и 1908 гг.

Все подати, раскладываемые крестьянами, можно разделить на казенные (государственная оброчная подать, арендно-оброчная подать, губернский земский сбор), мирские (волостные, сельские, церковно-приходские, сборы на общественные нужды) и ямские.

В раскладочных приговорах встречается множество различных принципов раскладки. Можно вычленил две большие группы: по душам (наличным, мужского пола, надельным, водворенным, годных работников, плательщиков податей) и по хозяйственным признакам (количество десятин засеянной земли, коров, лошадей, овец, рогатого скота, пчел). В Богородской волости встречаются оба варианта.

Данные нашей подборки свидетельствуют о том, что всего в указанный период (1904, 1906, 1907, 1908) крестьянам Богородской волости надлежало выплатить 66127,63 руб., в том числе:

Вид подати	Сумма, руб.	Доля, %
Государственная оброчная подать полного оклада	29852,12	45,14
Губернский земский сбор	8112,83	12,27
Волостные платежи	9814,723	14,84
Сельские платежи	11708,6	17,7
Церковные платежи	514,47	0,78
Ямская гоньба	6124,92	9,26
Итого:	66127,63	100

Основная часть всех платежей приходится на государственную оброчную подать. Если к ней присоединить еще сумму выплаты за губернский земский сбор, то они вместе оттянут на себя почти 60 % всех выплат. Оставшиеся 33 % приходятся на местные платежи и еще 9 % – на ямскую гоньбу. Какова же доля определенного признака в общей сумме раскладки?

Признак раскладки	Сумма, руб.	Доля, %
Душа мужского пола	165	0,3
Годные работники	23007	35,46
Земельный надел	131,6	0,2
Десятина пашни	11009,3	16,97
Скот	4079,2	6,23
Лошади	8154,6	12,57
Коровы	5503,7	8,49
Овцы	441,4	0,68
Сенокосные угодья	4389,3	6,76
Раскладка «на глаз»	2685,9	4,14
Прочее	5318,3	8,2
Итого:	64885,3	100

Итак, чуть более 50 % раскладки приходится на имущественный принцип.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, существует ли зависимость между видом платежа и способом его раскладки. Возьмем для примера 1907 г. и посмотрим, есть ли разница в раскладке между государственными, местными и ямскими платежами¹:

Название деревни	Государственные подати	Местные платежи (волостные + сельские + церковные)
Керевский с/с	Имущественная	Душевая
Астраханцевское с/о	Имущественная	Душевая
Богородское с/о	Имущественная	Душевая
Дер. Канаева	Имущественная	Душевая
Речинский с/с	Имущественная	Душевая

¹ Из общего числа селений взято лишь 5.

Таким образом, во всех имеющихся приговорах крестьяне Богородской волости в 1907 г. раскладывали государственные налоги по имущественным принципам, в то время как местные, мирские платежи – по душевым основаниям. Налицо – существующая зависимость между видом налога и его раскладкой, и явное различие крестьянами видов платежей (государственных и местных). Выявленная зависимость между налогом и признаком его раскладки может объясняться следующими причинами. Во-первых, это сложившаяся традиция раскладки налогов. Во-вторых, объективные экономические условия разных волостей Томского уезда (разный климат, близость к городу, к железной дороге, возможность получения дополнительного заработка). В-третьих, тяжесть платежей (более тяжелый налог крестьяне стремятся разложить по состоянию).

Литература

1. *Котович Л.В.* Приговоры сельских сходов как источник изучения сельских обществ Сибири периода капитализма. // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1987.

2. *Марискин О.И.* Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – начале XX века. (По материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.

УДК 94 (47). 08

А.Н. Крылова¹

Материалы раскладок земского сбора как источник по истории землевладения Мелитопольского уезда

Работа анализирует значение количественных показателей о земских сборах в Мелитопольском уезде как важного источника сведений о характере и размерах земельных владений во второй половине XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Мелитопольский уезд, землевладение, земские сборы.

¹ *Крылова Алла Николаевна*, кандидат исторических наук, Мелитопольский государственный педагогический университет им. Б. Хмельницкого, allakr2006@yandex.ru, Украина, г. Мелитополь.

Постановления уездных земских собраний являются важным источником для изучения социально-экономической жизни определенных территорий. Вопросы, которые рассматривались на этих собраниях и находили отражение в постановлениях, каждый год печатались в виде сборников. Издания содержат большой объем информации относительно разных форм землевладения, их соотношения и динамики, которые условно можно разделить на 2 категории.

К первой можно отнести общие данные о количестве земли в уезде, с разделением ее на землю высшего и низшего разрядов. Земцы использовали эту информацию для установления размеров налога, подсчета прибыли с земли. При этом указывалось общее количество земли по разным формам землевладения. Для Мелитопольского уезда Таврической губернии в конце XIX в. в дополнении к доходной части годовой сметы выделялось 6 категорий владений: сельских обществ, частных землевладельцев, ведомства уделов, казны, Акцизного Ведомства, уездного города и церкви. Кроме этого в комментариях к распределению доходов указывалась площадь земель, которые перешли из одной категории землевладения в другую на протяжении года, и причины подобных изменений. Данные земских раскладок дают возможность проследить изменения соотношения между разными формами землевладения в конце XIX – начале XX в.

Ко второй категории данных можно отнести информацию о распределении земли между конкретными землевладельцами. Эта информация отображена в «Ведомости о землях, состоящих во владении сельских обществ, землевладельцев, казны, уделов, уездного города, церковных причтов». Разделение сельских обществ по волостям, а также указание места жительства владельца и расположение его земли дают возможность проследить географию разных форм землевладения в уезде и динамику землевладения по отдельным частным владельцам, а также роль конкретных жителей, учреждений и организаций в формировании бюджета региона.

В большинстве сборников постановлений уездных земских собраний отмечался социальный статус землевладельца (князь,

граф, поселянин-владелец, крестьянин-владелец и др.), что дает возможность проследить динамику соотношения количества земли у представителей разных социальных групп.

С точки зрения информационного материала, который содержится в постановлениях, были определены возможные области их использования:

1. Данные о распределении земли между различными формами землевладения на протяжении конкретного периода позволяют установить изменения соотношения между ними и определить тенденции в развитии аграрных отношений.

2. Данные о качестве земли дают возможность проследить динамику этого показателя.

3. Выявление волостной принадлежности сельских обществ, указание на места проживания землевладельца и нахождение его земельного участка пригодны для установления географии различных форм землевладения.

4. Указание социального статуса землевладельцев дает возможность проследить динамику соотношения количества земли у представителей различных социальных групп.

5. Возможно также выявление роли представителей определенных этнических групп в освоении конкретного региона, основываясь на соотношении размеров их землевладений.

6. Сведения о конкретных землевладельцах имеют ценность при проведении генеалогических исследований. Так, довольно часто у женщин приводится девичья фамилия, указывается характер родственных отношений между землевладельцами или приводится информация о наследниках.

Таким образом, информация земских раскладок может быть распределена между определенными блоками. Каждый блок содержит информацию о землевладельце соответствующей категории (сельское общество и/или город, товарищество, называется частный землевладелец, его социальный статус, место проживания/приписки, и местоположение участка и др.). Имелась информация о предыдущем владельце и дата покупки или получения наследства. В заключение приводятся размеры владения каждого землевладельца. Текстовая ха-

рактеристика положения землевладения позволяет локализовать его на карте или плане соответствующей территории.

В целом статья о конкретном землевладельце должна иметь следующий вид. Олейник Григорий Михайлович, крестьянин села Ново-Васильевки Бердянского уезда, при селе Болград Мелитопольского уезда Таврической губернии, от Ясниковских в 1904 году, 631 десятина.

Таким образом, информация о раскладках уездных земских сборов Мелитопольского уезда дает возможность составить банк данных на землевладельцев и их владения на определенной территории.

УДК.94(47).08

В.В. Лыкова¹

Налоги и недоимки государственных крестьян и колонистов Южной Украины в XIX в.

Работа анализирует финансовое положение крестьян Южной Украины, а также влияние налоговой политики правительства Российской империи на хозяйственное положение сельского населения разных регионов этого края.

Ключевые слова: государственные крестьяне, южная Украина, налоги, экономическое положение, политика правительства.

Государственные крестьяне в Российской империи, как известно, были основными налогоплательщиками, от которых, в значительной степени, зависело наполнение государственной казны. Основным налогом была подушная подать, введенная Петром I в 1724 г. Вторым по значимости налогом был оброк, также имевший подушный характер. С целью увеличения прибыли, указом от 20 февраля 1812 г. оброчная подать была распространена на разные группы крестьян Екатеринославской, Таврической и Херсонской губернии, в том числе и на войсковых обывателей, воинских поселян, казаков, ка-

¹ Лыкова Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, Запорожский национальный университет, исторический факультет, viktorianika@list.ru, Украина, г. Запорожье.

зацких подсоседаков, короннопосполитых, монастырских и экономических крестьян. Таким образом, казаки, например, подлежали двойному подушному налогообложению, поскольку распространенная на них оброчная подать не была рентой за пользование казенной землей.

Главной тенденцией обоих налогов на протяжении всего периода существования было повышение ставки. Их соотношение также не было одинаковым: в 1720-х гг. оброк составлял половину подушного, а в 1820-х гг. он уже превышал его в 2,5–3 раза.

Помимо этого крестьяне обязаны были оплачивать и отбывать многочисленные земские и рекрутскую (наиболее тяжелую для них) повинности, а также мирские сборы.

Отдельной территорией южноукраинского региона была Бессарабская область, где правительство проводило особую политику, в том числе и в сфере налогообложения (население области, после ее присоединения к империи, на три года освобождалось от платы налогов; а также длительное время сохранялась существующая налоговая система). Характерной исключительно для Бессарабской области была и каларашская повинность – предоставление земской стражи и обязанность формировать из крестьян отряды пограничной стражи.

Второй значимой и привилегированной категорией налогоплательщиков Южной Украины были колонисты, которым правительство предоставляло значительные льготы и помощь при обустройстве хозяйства. Весьма интересной группой среди колонистов была группа евреев-земледельцев, получивших от государства максимально возможные налоговые льготы, но не сумевших, несмотря на это, достичь значительного успеха.

Переселившиеся на южноукраинские земли государственные крестьяне и колонисты, на первый взгляд, получали прекрасные возможности для успешного хозяйствования – свободные (хоть и не обработанные) земли, освобождение от большинства налогов на несколько лет, пособие на строительство домов и поднятие хозяйства. Но, несмотря на все старания правительства, главная цель и государства, и переселенцев – успешные хозяева, исправно платящие налоги в полной мере – зачастую оставалась недостижимой.

Причин бедственного положения поселян было несколько, в том числе, несоответствие налогов и размеров земельных участков.

Неотъемлемой частью налоговой системы было существование недоимок, главной тенденцией которых были рост и увеличение сумм долга поселян. Недоимки были распространенным явлением для хозяйств и государственных крестьян, и колонистов.

Негативным свойством взимания налогов в губерниях Южной Украины было существование откупной системы. Данное обстоятельство часто приводило к значительному увеличению суммы налогов, необходимой для оплаты, что, в свою очередь, также способствовало увеличению задолженности поселян южноукраинских губерний. Однако ликвидация откупной системы не смогла значительно повлиять на сложившуюся ситуацию в сфере взимания налогов с поселян южноукраинских губерний.

УДК 947.083

*С.В. Беспалов*¹

Проблема влияния таможенно-тарифной политики правительства на финансовое положение русской деревни на рубеже XIX–XX вв. в общественной мысли России

Осуществление принципов Таможенного тарифа 1891 г. вызвало острую полемику между сторонниками ускоренной индустриализации страны и выразителями интересов аграриев, считавших промышленный протекционизм губительным.

Ключевые слова: Россия конца XIX – начала XX в.; Таможенный тариф 1891 г.; промышленный протекционизм; Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; аграрное развитие.

Важнейшей целью экономической политики правительства России в 1890-х – начале 1900-х гг. было обеспечение форсированного развития отечественной промышленности. Ключевую роль в реализации этого курса играл промышленный протекционизм, при-

¹ *Беспалов Сергей Валериевич*, кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, РАНХиГС, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

нципы которого нашли свое воплощение в Таможенном тарифе 1891 г. Многие современники признавали, что следствием его принятия стало существенное ускорение развития российской индустрии. В то же время после введения нового таможенного тарифа все более заметным становилось отставание в развитии сельского хозяйства, сохранявшего свою ведущую роль в экономике страны, от ускоренно прогрессировавшей индустрии. Так, в последнее десятилетие XIX в. темпы роста промышленного производства оказались примерно в 8 раз выше, чем сельскохозяйственного. Поэтому закономерно, что одной из центральных проблем в дискуссиях 1890–1900-х гг. по вопросам экономического развития России являлась проблема воздействия покровительственной политики по отношению к промышленности на ситуацию в российской деревне, прежде всего на финансовое положение аграриев. Министры финансов И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте, имевшие многочисленных единомышленников, были убеждены в том, что политика индустриализации отвечает коренным интересам всего населения страны, в том числе и аграриев. При этом Витте являлся противником прямых государственных капиталовложений в сельское хозяйство, поскольку находил их малоэффективными, и считал необходимым воздействовать на аграрный сектор экономики прежде всего через ускорение общего экономического развития России. Одним из наиболее авторитетных (в том числе в глазах Александра III и Николая II) сторонников такой точки зрения являлся Д.И. Менделеев, сыгравший ключевую роль в разработке упомянутого Таможенного тарифа. Схожих взглядов придерживались И.Х. Озеров, П.Б. Струве (справедливо считавший политику в области внешней торговли, и прежде всего таможенное регулирование, узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития... страны») [1, с. 14]) и другие авторитетные специалисты.

Однако последовательное проведение в жизнь принципов Тарифа 1891 г. требовало серьезных жертв со стороны большинства населения, что явилось одним из важнейших факторов, предопределивших наличие серьезной оппозиции правительственному курсу. Она проявлялась, прежде всего, со стороны выразителей инте-

ресов сельхозпроизводителей, поскольку наиболее тяжелыми первыми результатами этой политики оказались для аграриев, страдавших от удорожания импортных изделий и повышения цен (в отсутствие серьезной конкуренции) на свою продукцию многими российскими промышленниками. Позиция аграриев по этому вопросу, пожалуй, наиболее полно отражена в материалах местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. По мнению многих комитетов, правительственная политика, «направленная на поднятие капиталистической промышленности, действует в ущерб сельскому хозяйству», поскольку сельское население вынуждено покупать товары по явно завышенным ценам; это же увеличивает затраты на производство сельскохозяйственной продукции, что неизбежно ведет к ее удорожанию и снижению конкурентоспособности на мировом рынке. Собираемые с аграриев прямые и косвенные налоги тратятся (зачастую без должной эффективности) на развитие крупной индустрии в интересах приближенных к правительству промышленников – подобного рода жалобы были сформулированы едва ли не большинством местных комитетов Особого совещания [2, с. 62–63, 76].

Схожие аргументы выдвигали и многие экономисты консервативного, лево-либерального и неонароднического направлений (К.Ф. Головин, П.П. Мигулин, А.В. Пешехонов и др.); некоторые из них являлись принципиальными противниками промышленного протекционизма, другие считали такую политику для России несвоевременной и обвиняли власти в огульном протекционизме. Предметом особой дискуссии стал вопрос о пошлинах на сельскохозяйственную технику, ударивших, по мнению критиков правительства, по интересам сельских хозяев и при этом не оказавших должного стимулирующего влияния на отечественное сельхозмашиностроение.

В то же время руководителям Министерства финансов удавалось в большинстве случаев парировать аргументы оппонентов и убеждать в своей правоте не только руководителей большинства ведомств, но и царя. Принципы Тарифа 1891 г. были подтверждены из-

данным в 1900 г. Высочайшим повелением¹, и даже после отставки С.Ю. Витте их принципиального пересмотра не последовало.

Литература

1. Струве П.Б. Экономия промышленности. СПб., 1909.

2. Финансовая политика и таможенное покровительство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.

УДК 947(470.41)

*М.И. Роднов*²

**Налогообложение крестьянства Уфимской губернии:
взгляд М.П. Красильникова**

Уровень налогообложения крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. Разница в платежах традиционного общинного и предпринимательского хозяйства.

Ключевые слова: Южный Урал; крестьянское хозяйство; аграрный строй; налогообложение.

С 1903 по 1918 г. земскую статистику в Уфимской губернии возглавлял талантливый исследователь Митрофан Павлович Красильников, прибывший в Уфу примерно в 1897 г. Среди его многочисленных трудов [4] особое место занимает работа о налогообложении крестьянства Уфимской губернии [2], изданная в 1902 г. Это была одна из первых крупных самостоятельных работ молодого ученого.

Красильников собрал материал из дел Казенной палаты, бухгалтерий уездных земских управ, сведений волостных правлений за 1900 г. Работа должна была послужить основой для возможного сложения недоимок по губернскому земскому сбору согласно закону от 10 декабря 1899 г. Книга включает 6 глав, 60 таблиц и 4 картограммы.

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1–1об.

² Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, rodnov@ufacom.ru, Россия, г. Уфа.

Кроме губернских и уездных данных, приведено много конкретного материала по отдельным волостям.

Исследование Красильникова – единственное до настоящего времени монографическое изучение налогообложения крестьянства Южного Урала. Помимо большого фактического материала ценность его исследования заключается в сравнении уровня налогообложения традиционного общинного крестьянства северо-западных (в первую очередь Мензелинского) уездов и уже в массе предпринимательского (фермерского) хозяйства южных степных уездов. Система налогообложения в Российской империи в основном основывалась на устаревшем принципе исчисления платежей с наделной крестьянской земли по ревизским душам. Но на юге Уфимской губернии купчие земли (индивидуальная и коллективная частная собственность) уже играли большую роль, местами составляя основную часть земельного крестьянского фонда [5], и в результате получалось, что наиболее зажиточное крестьянство (предприниматели) несли меньшее бремя платежей, чем общинники (там же меньше было и бывших крепостных).

Красильников подчеркивал, что «наиболее обложенным является Мензелинский уезд», крестьянство которого «платит 27 % доходности своих земель», что в 2–4 раза больше, чем в других уездах [2, с. 10], на Мензелинский уезд приходилась и основная часть недоимок (53 %), что не удивительно, так как 70 % погубернских недоимок составляла задолженность по выкупным платежам, 20 % – по земским сборам, 8 % – по страховым сборам [2, с. 45].

Значительная часть крестьянства Уфимской губернии успешно уплачивала все причитающиеся сборы. Так, на 1900 г. в 25 % обществ (22 % дворов) вообще не было недоимок, в 34 % обществ (37 % дворов) задолженность не превышала 2 руб. на хозяйство [2, с. 53]. Примерно половина крестьянства края не испытывала серьезных затруднений с уплатой налогов.

Красильников особо выделил различия в сословной структуре крестьянства. Среди основных групп сельчан, плативших выкупные платежи, у бывших помещичьих приходилось по 2,95 руб. недоимок

на десятину, у бывших государственных – 1,89 руб., у удельных – 0,65 руб., у горнозаводских – 0,76 руб. В то же время среди крестьян, вообще не плативших выкупных платежей, лишь у вотчинников (башкир, имевших наиболее слабое земледельческое хозяйство) недоимка доходила до 1,1 руб. с десятины земли. У коренных собственников (особого разряда крестьян, имевшегося только в Уральских губерниях, которые купили землю в собственность еще во время крепостничества) недоимка составляла всего лишь 0,06 руб. на дес., у припущенников (бывших арендаторов башкирских земель) – 0,15 дес., у переселенцев-собственников – 0,29 руб. [2, с. 59].

Крестьяне – частные собственники (личные или коллективные) платили незначительный государственный поземельный налог как помещики [1], определение же величины ревизских душ для переселенцев вообще было условным. Такая специфическая ситуация, когда наиболее многоземельные и зажиточные группы крестьян, включая фермеров-предпринимателей, несли менее тягостное налоговое бремя, будучи избавлены от выкупных платежей, стало одним из важных факторов успешного развития аграрного капитализма в степных уездах Южного Урала.

Литература

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.

2. Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. (Материалы по текущей статистике Уфимской губернии). Уфа, 1902. VI, 120, карты.

3. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.

4. Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5. С. 110–120.

5. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.

УДК 94(47)

О.А. Сухова¹

Крестьянство и налоговая система в условиях революции в России: возможности и пределы адаптации

В статье рассматривается отношение российской деревни к проблеме силы налогового бремени в первые десятилетия XX в., а также вопросы сочетания протестных и адаптационных форм социального поведения в крестьянской среде.

Ключевые слова: крестьянство; налоги и повинности; социальное восприятие и поведение.

Течение революционного кризиса, рождавшего надежды на новую жизнь и крушившего государственность, не могло не затронуть систему общественных отношений, обусловленных установлением и взиманием налогов и сборов. В этих обстоятельствах представляется важным проанализировать, насколько крестьянство, составлявшее большую часть населения страны, оказалось готовым к перспективам кардинальных перемен в управлении финансовыми потоками в государстве в 1917–1920 гг., к жесточайшему старым и введению новых повинностей.

Принимая за посылку патерналистское восприятие системы властно-политического регулирования, бытовавшее в крестьянской среде, мы вправе ожидать, что и отношение к налогово-повинностной системе в российской деревне будет выстроено на аналогичном принципе, определяемом как невмешательство государства и земельной аристократии в тот сегмент повседневной действительности, который обеспечивал простое воспроизводство культуры крестьянского хозяйствования («главное – выжить») («safety – first») [2, с. 6]. Критериями моральной экономики измерялись и факты крестьянского террора по отношению к своим владельцам. В максимальном же звучании это требование предполагало и определенные встречные обязательства зна-

¹ Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет, suhhov747@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

ти и государства по отношению к бедным во время голодовок («Не станет хлеба, барин даст» [1, с. 450]).

Важно учитывать и возможность сохранения отголосков архаичных представлений, согласно которым государство существовало за счет сказочной, неисчерпаемой казны («казна в воде не тонет, в огне не горит»). Это четко прослеживается в политике вождей крестьянских восстаний, которые, призывая крестьян под свои знамена, обещали не брать с крестьян налоги и вместе с тем платить деньги казакам [3, с. 159].

Проанализируем, как трансформировалось восприятие налогово-повинностной системы в крестьянском сознании в первые десятилетия XX в. в условиях погружения России в хаос революции. Одной из форм крестьянского движения выступает практика специфических обращений во власть, оформленных в виде приговоров и наказов и адресуемых депутатам Государственной думы, а в дальнейшем – членам Учредительного Собрания.

«Налоговая» составляющая социальных представлений достаточно масштабно представлена в документах «приговорного» движения. При объединении частоты встречаемости всех требований, связанных с реформой налоговой системы, окажется, что общий показатель составит 72 признака (зафиксированы в 108 документах)¹. Наиболее общими категориями для «приговорного» движения выступают: констатация заданности налогами, бедности и нищеты, а также требование отмены косвенных и введение прогрессивно-подоходного налога. Эти признаки содержатся в 20 и 33 документах соответственно. Для сравнения отметим, что наиболее высокочастотный показатель – требование «земли и воли» – встречается 42 раза. Результаты анализа подтверждаются данными анкетирования, проведенного Саратовским статкомитетом в 1906 г. с целью выявления отношения крестьян к выборам в Госуда-

¹ Выборка осуществлялась путем анализа документов, поступивших из средне-волжских губерний.

рственную думу¹. Требование отмены косвенных и введение прогрессивно-подоходного налога не утратило своей актуальности и в период избирательной кампании по выборам в Учредительное Собрание.

Стремление к уменьшению налогового бремени естественным образом отражает обыденный характер сопротивления крестьянства политике государства, что не противоречит традиционному восприятию власти. Резкий диссонанс наличного и потребного возникает в условиях установления большевистской диктатуры и введения жесточайшей налогово-повинностной системы. Ожидаемой реакцией деревни, поставленной на грань выживания, становится масштабный всплеск повстанческого движения, поведенческих реакций, определяемых как массовая агрессия. Социально-психологическое прочтение крестьянских восстаний времен Гражданской войны не позволяет оценить таковые как способ адаптации, определенный ритуал, предполагавший диалог с властями. Скорее их развитие шло по сценарию крестьянских самосудов.

Необходимо отметить, что констатация чрезмерности, непопулярности налогового бремени сохраняется в крестьянских письмах «во власть» и после смягчения аграрной политики вплоть до конца 1920-х гг. Достаточно масштабно подобные настроения представлены в информационных сводках ОГПУ. В иерархии страхов российской деревни почти исключительным мотивом для беспокойства продолжает выступать налоговая политика государства.

Литература

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 2002.
2. *Джеймс С. Скотт.* Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии // Отечественная история. 1992. № 5.
3. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 2979.

УДК 94.47.08

М.Д. Карпачев¹

**Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии
в конце XIX – начале XX в.**

Прямые налоговые повинности крестьянства Воронежской губернии в начале XX в. не были чрезмерными. Они соответствовали экономическим возможностям пореформенной деревни. Отмена выкупных платежей за землю увеличила денежные доходы крестьян и стала важным условием проведения новой аграрной политики.

Ключевые слова: крестьянство, повинности, Воронежская губерния, начало XX в., правительство, налоговая политика.

Финансовое положение крестьянских хозяйств в пореформенной России до сих пор исследовано слабо. Среди либеральных исследователей дореволюционного времени сохраняли популярность выводы А.И. Васильчикова, писавшего о чрезмерной обременительности финансовых повинностей крестьянства после отмены крепостного права. В советской историографии мнение о тяжелом налоговом бремени, лежавшем на крестьянах, считалось аксиоматичным. Отчасти поэтому место налогов и иных платежей в бюджетах крестьянских хозяйств изучалось мало. Приходится констатировать, что внушительные исследования крестьянских бюджетов конца XIX в. известного статистика Ф.А. Щербины до сих пор не нашли достойного продолжения. В последнее время Б.Н. Миронов начал отстаивать тезис об относительном благополучии финансового положения русской деревни начала XX в. Это же мнение разделяют некоторые зарубежные исследователи.

Официальная статистика свидетельствовала, что прямые налоговые повинности крестьян в последние десятилетия существования монархии нельзя признать чрезмерными. Например, сумма окладных сборов по государственному земельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341502

¹ *Карпачев Михаил Дмитриевич*, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет, m-karpach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

руб., при том что в губернии насчитывалось примерно 350 тыс. крестьянских дворов. В наделной собственности крестьян находилось около 3,7 млн дес. земли, или около 11 дес. в среднем на двор. По данным Ф.А. Щербины средний доход крестьянского двора составлял 400–500 руб. Уплата в казну 1 руб. в год обременять крестьян не могла. Гораздо более серьезную нагрузку на крестьянский бюджет давали земские налоги. Они составляли в год примерно 8–10 руб. на двор, из них губернский – 2–3 руб., а уездный – 6–8 руб.

Годовые уездные и губернские сборы земств составляли в губернии сумму более чем в 3 млн руб. Эти платежи тоже не были чрезмерными, так как земскому обложению подлежали не только крестьянские земли. Кроме того, почти вся сумма земских сборов расходовалась в своем уезде, причем почти исключительно на крестьянские нужды. Тем более не был обременительным третий вид платежей – мирские сборы. В Воронежской губернии их величина была примерно вдвое меньше земских. Необходимость таких сборов была для крестьян очевидной: собранные суммы расходовались на потребности самого сельского общества. Примерно такая же ситуация была с обязательными для крестьян страховыми взносами. Поэтому недоимки по этим видам платежей не были существенными. Они не превышали 8–10 % оклада.

Совершенно иначе выглядела ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей составлял примерно 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 70 коп. с десятины наделной земли или примерно 20–25 руб. с крестьянского двора. Доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70 %. Как раз по выкупным платежам на рубеже XIX–XX вв. наблюдался самый существенный рост недоимок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4589119 руб. 28 коп. Печатляет, однако, не размер оклада, а объем накопившихся не-

доимок. Они составили к этой же дате 7732785 руб., т.е. почти в два раза больше годового оклада. В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб. или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство.

Это был серьезный долг. Тем не менее, и такая сумма не может считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму крестьянский двор тратил на спиртные напитки. Крестьяне не платили выкупные платежи не потому, что не могли, а потому, что не хотели. Роль своеобразной социальной защиты при этом играла община с ее круговой порукой. Сталкиваясь с солидарными действиями общинников, власти, как правило, попросту отступали. Неспособность администрации взыскать недоимки свидетельствовала не столько о снижении платежной способности крестьянства, сколько о падении авторитета властных структур. Следствием этого было нарастание системного кризиса государственного строя.

Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей позволила крестьянам существенно увеличить доходность своих хозяйств. Бытовавшие в советской историографии (например, в работах А.М. Анфимова) суждения о том, что путем увеличения земских сборов правительство компенсировало потери бюджета, не могут быть признаны достоверными. Земские учреждения действительно почти вдвое повысили доходную часть своих бюджетов. Однако расходы местного самоуправления по-прежнему направлялись главным образом на улучшение условий жизни крестьянства. Как следствие, с 1910 г. до начала Первой мировой войны в Воронежской губернии наблюдалось снижение социальной напряженности. Увеличение денежных накоплений у большинства крестьянских хозяйств позволило местной администрации и земским учреждениям активизировать деятельность по структурной реорганизации сельской экономики. Дополнительные импульсы получило новое землеустройство, связанное с переходом от общинного землевладения к подворному (отрубному), а также массовое развитие кооперативов (кредитных, потребительских, промысловых, сбытовых и проч.).

С отменой выкупных платежей община стала терять защитные функции, потребность в ней для крестьян снизилась, а за облегчением налогового бремени последовал существенный рост эффективности крестьянских хозяйств. В первую очередь тех, кто покинул общину по столыпинскому законодательству. Ускорилось перераспределение земельного фонда губернии. К началу мировой войны крестьянство сосредоточило в своей собственности примерно 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии. Вот почему правы те исследователи, которые полагают, что нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не денежным обеднением крестьянства, а причинами совсем иного свойства.

УДК 94(470.326) «1906/1914»

Н.В. Токарев¹

**Экономические мероприятия в бюджетной политике
земских учреждений Тамбовской губернии
в период столыпинских реформ**

В работе анализируется фискальная политика Тамбовского земства в связи с проведением аграрной политики, направленной на рациональное землеустройство крестьянских хозяйств.

Ключевые слова: бюджет органов земского самоуправления; экономические мероприятия земств; земская агрономия; столыпинская аграрная реформа.

В начале столыпинских преобразований содействие тамбовских земств правительственным начинаниям ограничивалось мерами моральной поддержки крестьян, покинувших общину. Гласные, предвзято относившиеся к «агрономическим игрушкам», весьма неохотно шли на расходы по содействию экономическому благосостоянию жителей. В Тамбовской губернии, по мнению современников, «организация мероприятий экономического и агрономического характера ... носила случайный и недостаточно планомерный характер», а «аг-

¹ Токарев Николай Васильевич, Тамбовский филиал Академического правового института, n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

рономическая земская деятельность слабо представлена». Хотя проведение аграрной реформы и заставило земские учреждения «раскошелиться» на сельскохозяйственные и экономические мероприятия: с 55154 руб. (1907 г.) до 139939 руб. (1909 г.), но 52,5 % из них пошли на содержание сельскохозяйственных учебных заведений. В 1909 г. местные ассигнования по сельскохозяйственной и экономической части составили от 500 до 37085 руб. на уезд.

Рассчитывая на помощь земских собраний в деле повышения крестьянской агрокультуры, П.А. Столыпин осенью 1909 г. доказывал провинциальным деятелям государственную важность «скорейшего насаждения на образованных хуторах и отрубях улучшенных приемов сельского хозяйства». Органы самоуправления Тамбовской губернии видоизменили правительственные предположения об организации агрономического содействия единоличникам. Гласные большинства уездных и губернского собраний были убеждены, что «тратить деньги, получаемые со всех земских плательщиков, на один, к тому же немногочисленный, класс незаконно, поэтому было провозглашено, что агроном должен служить всем – и общинникам, и хуторянам».

По предложению землеустроительного ведомства с апреля 1910 г. пособия земствам выдавались в том случае, если примерно такая же сумма ассигновалась бы земскими собраниями на оказание агрономической помощи в местах хуторского расселения. Правительство отказывалось от излишне прямолинейного подхода к участию местных сил в преобразовании российской деревни: «не следует настаивать на обособлении агрономической помощи хуторянам», если земства были готовы ввести агрономическую организацию, помогая заодно единоличникам. Циркулярное распоряжение расширяло возможности сотрудничества государства и местного самоуправления, определяя условия передачи земствам агрономической помощи в районах землеустройства. Параллельное существование земской и ведомственной агрономических организаций, с общими функциями, признавалось нежелательным явлением. Через год ГУЗиЗ, чтобы наладить экономическую поддержку «новых собственников», «в целях лучшего использования местного опыта», вновь

предлагало земцам заняться за счет специального кредита организацией агрономической помощи крестьянам, вышедшим на участки, попутно помогая и общинникам.

Характер и масштабы поворота органов самоуправления Тамбовской губернии к заботам о подъеме сельского хозяйства наглядно показывают затраты губернского и уездных земств на сельскохозяйственные и экономические мероприятия: в 1910 г. в бюджет были заложены на эти цели 143 тыс. руб. Несмотря на возросшие по сравнению с 1909 г. суммы, на повышение экономического благосостояния тамбовских крестьян тратилось только 2,5 % общего земского бюджета. Введение участковой агрономии сопровождалось увеличением расходов на содействие экономическому благосостоянию населения. По подсчетам местных деятелей, в 1910 г. суммарные затраты только уездных земств Тамбовской губернии по подъему сельского хозяйства достигли 90486 руб., или 1,98 % общей сметы; в 1911 г. – 259459 руб. (5 %), в 1912 г. – 359915 руб. (5,7 %). Из общей суммы расходов за 1912 г. на одного домохозяина-тамбовца приходилось 73,8 коп., а на одну посевную десятину крестьянского хозяйства – 17,5 коп. Тамбовская губерния особенно проигрывала в сравнении с губерниями, бывшими в авангарде земского агрономического движения. Например, Полтавское земство тратило на посевную десятину в среднем 36,2 коп. В 1913 г. затраты тамбовских земств на содействие экономическому благосостоянию достигли 537 тыс. руб., или 6 % от общего бюджета, что обеспечило аграрной Тамбовской губернии 16-е место среди 34 земских губерний.

Главной статьёй расходов на экономические мероприятия в губернии становились найм и содержание специалистов по сельскому хозяйству: в 1909 г. земские учреждения израсходовали 10125 руб., в 1910 г. – 61440, в 1911 г. – 78727, в 1912 г. – 84750, в 1913 г. – 101843 руб. Но вакансии агрономов и их помощников, инструкторов и техников с трудом заполнялись, несмотря на резкий рост собственных ассигнований и финансовую помощь казны. Стараясь набрать и удержать агрономический персонал, востребованный повсеместно в ходе столыпинского землеустройства, земцы шли на новые траты, повышая оклады наемным работникам.

Итак, в начале XX в. правительственные инициативы сместили приоритеты земской бюджетной политики в Тамбовской губернии. В условиях аграрных реформ органы местного самоуправления, привлекая казенные субсидии и собственно земские средства, создав участковую агрономическую организацию, стали энергичнее проводить экономические мероприятия, с перспективой интенсификации крестьянских хозяйств.

УДК 94(47).07 С21

Д.А. Сафонов¹

**«Отказ от исполнения повинностей»
как форма социального протеста**

Делается попытка проанализировать динамику развития такой формы социального протеста, как «отказ от исполнения повинностей», определить ее экономическую и политическую составляющие.

Ключевые слова: социальный протест; формы протеста; отказ от повинностей; экономическая форма; политическая форма.

Отказ крестьян от исполнения каких-либо обязательств (повинностей, работ и т.п.) традиционно считается формой протеста. В советской историографии было четко определено, что любое неповиновение есть проявление классовой борьбы. После 1917 г. подобные отказы стали квалифицироваться иначе – как акции контрреволюционные, что поменяло знаки, но не изменило сути – восприятия отказа как деяния с явно политическим содержанием.

Немало было и вариантов отказов – «от уплаты налогов», «от исполнения работ», «повинностей», «казенных повинностей» и проч. Именно из-за подобной большой вариативности исследователи, определив для «дореволюционного» периода более 100 форм протеста, в итоге были вынуждены уменьшить их число более чем наполовину за счет группировки. В итоге стало возмож-

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

ным говорить о достаточно общей форме «отказа от исполнения» чего-либо, постепенно включившей в себя все мыслимые варианты отказов. Главное – все они считались проявлением протеста. Несомненно, каждое содержит потенциальную политическую составляющую; но в каждом ли случае она проявляется? В каждом ли случае уклонения от платежей обязательно наличествует протест? Осознавали ли сами крестьяне наличие протеста в своих действиях? Традиционный подход отвечал однозначно «да» на все три вопроса. Между тем, уклонение от уплаты может быть как намеренной политической акцией, так и вынужденной мерой по причине, например, неурожая.

Попытаемся проследить динамику развития данной формы на примере юго-востока европейской части России в 1855–1922 гг. [1]. «Отказы» за период 1855–1917 гг. составили 12,6 % от общего числа случаев. «Внезапных», без весомых причин, отказов не было никогда. В каждом случае обязательно срабатывал новый фактор: слух о скором новом нормативном акте, который легитимирует перемены к лучшему; инициативные шаги, ломающие, по мнению крестьян, существующие обязательственные отношения. Новые составляющие наблюдаются только в начале XX в.: впервые отказ сопровождается вооруженным сопротивлением в 1901 г., впервые часть сельского общества отказывается присоединиться к отказу и в итоге принуждена к этому силой в 1913 г. В значительной мере подобные новации были результатом пропагандистского воздействия.

Интересующая нас форма как бы исчезает, сходит на «нет» в революционные годы (первой революции, 1917 г.) когда происходит ослабление власти и усиление нажима крестьян; на этом фоне отказы просто не столь радикальны, как те меры, на которые в новых условиях решаются крестьяне. Вновь она возвращается при советской власти. Налицо перемены: если по «дореволюционному» периоду наблюдается удивительное многообразие форм, то теперь – резкое сужение вариантов. Ряд прежних форм просто исчезает, зато «отказ» становится едва ли не основной: по нашим данным за 1919–1922 гг. – 39 % общего числа. В последующем она становится вообще преобладающей (не исключая единичных случаев «активных действий»).

Можно ли говорить о принципиально новых условиях? Люди были те же, те же проблемы, тот же социальный опыт, но изменился один фактор – характер власти. Посмотрим на действия «царских» властей: в 1870-х гг. отмечено несколько случаев исключительного крестьянского упорства – в Челябинском уезде (1871–1878 гг.), Оренбургском (1873–1878 гг.), Белебеевском (1874–1878 гг.). К силовым методам власть не прибегала, изъятие имущества за недоимки в указанных случаях началось только в 1877 г. Ставка делалась, прежде всего, на убеждение. После 1917 г. подобные ситуации, впрочем, как и конфликты, растянувшиеся на несколько лет, стали просто невысказанными.

На наш взгляд, в основе крестьянского отказа лежал, прежде всего, экономический момент. Право государства вообще взимать что-либо с крестьян последними под сомнение не ставилось – иными словами, это не был протест против власти. Если что и ставилось под сомнение, то взимание конкретных выплат, наложение конкретных повинностей, обязывание исполнения конкретных работ. Мы не располагаем ни одним свидетельством, даже косвенным, которое бы дало основание говорить о попытке использования крестьянами своих отказов как рычага политического воздействия. Крестьяне только пытались приспособиться к меняющимся условиям. Политический характер действиям крестьян придавали сами власти; но если царские – в исключительных случаях, то «советские» – делали таковыми практически все отклонения от требуемых действий. По той же причине продолжить хронику крестьянского движения для последующих десятилетий становится делом почти безнадежным, поскольку протест принимает формы не сопоставимые с прежними, что и дало основание историкам говорить об «оружии слабых», «тихом противостоянии» и т.п.

Литература

1. Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998.

УДК: 94(476)

А.А. Кухаренко¹

**К вопросу о роли Крестьянского поземельного банка
в регулировании финансового положения крестьян
(по материалам белорусских губерний)**

Показана роль Крестьянского поземельного банка в укреплении финансового положения крестьян на территории белорусских губерний.

Ключевые слова: Крестьянский поземельный банк; ссуда; землеустройство; банковская благотворительность; финансовое положение крестьян.

В 1960-е гг. были сделаны первые попытки проанализировать деятельность Крестьянского поземельного банка на белорусских землях. Вначале появилась коллективная работа «Экономика Белоруссии в эпоху империализма: 1900–1917», в которую вошла глава «Кредит и банки», а затем отдельная статья З.И. Гиаргидзе «Сялянскі паземельны банк у Беларусі (1883–1917 гг.)». Основной вывод этих исследований сводился к тому, что банковские операции привели к окончательному разорению крестьян посредством перекачки огромных денежных средств в распоряжение крупных землевладельцев. В современной историографии деятельность Крестьянского поземельного банка была переосмыслена. Белорусские историки сумели показать, что банку отводилась ведущая роль в решении аграрного вопроса путем формирования системы частного крестьянского землевладения на белорусских землях. Однако до сих пор отсутствует комплексное исследование основных направлений деятельности банка по укреплению финансового положения крестьян в белорусских губерниях.

Деятельность Крестьянского поземельного банка условно можно разделить на три направления, которые осуществлялись параллельно и были тесно взаимосвязаны между собой. К ним следует отнести выдачу ссуд, землеустройство и банковскую благотворительность. Такая широкая деятельность ипо-

¹ Кухаренко Артур Андреевич, Белорусский государственный университет, KuharenkAA@bsu.by, Республика Беларусь, г. Минск.

течного учреждения является уникальной для мировой практики и поэтому приобретает особый научный интерес.

Судная деятельность Крестьянского поземельного банка заключалась в выдаче крестьянам доступного и долговременного кредита. В период с 1883 по 1914 г. белорусскими отделениями были выданы 39644 банковских ссуд (10,3 % от общеимперского количества) на покупку 1975021 десятины земли (11,3 %)¹. Из имеющихся статистических данных следует, что ссуды выдавались преимущественно безземельным или малоземельным крестьянам. Только в 1914 г. категория крестьян, которая владела земельным наделом свыше 6 десятин земли, достигла 51,1 % от общего числа покупателей². При этом земельные участки из банковского фонда распродавались крестьянам по ценам, которые были значительно ниже посреднических сделок, обеспечивая тем самым финансовую устойчивость крестьянских хозяйств.

В годы столыпинской аграрной реформы получила развитие запродажа банковских земель, которая была рассчитана на малоимущие слои крестьян. Данная операция предполагала реализацию земли либо с предварительной ее арендой, либо с получением банком задатка от покупателя, т.е. с рассрочкой платежа. В ходе такой операции покупатели земли уплачивали не менее 10 % от продажной суммы наличными, на оставшуюся сумму допускалась рассрочка до 6 лет под 6 % годовых, вносимых банку по полугодиям. При аренде пахота сдавалась из половины или третьей части урожая в пользу владельца, причем треть урожая поступала в банк в тех случаях, когда разрабатывались подлесные земли. Покосы также сдавались из половины или третьей части урожая в пользу банка в зависимости от качества.

¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год второй. СПб., 1908. Раздел XVI. С. 45; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 590–591, 595, 601.

² Отчет Крестьянского поземельного банка за 1914 год. СПб., 1915. Таблица XII С. 54, 58.

Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка включала в себя парцелляцию земли, мелиоративные работы, водоснабжение, дорожное строительство, ведение лесного хозяйства и земельную аренду. Банковское землеустройство приносило безусловную пользу крестьянским хозяйствам. При отсутствии только мелиоративных работ в имениях банка многие надельники лишились бы возможности производить осушки на участках земли, так как они не имели бы готовых выходов для стока своих вод, которые сделать самостоятельно было для них непосильно.

Наименее исследованным направлением деятельности Крестьянского поземельного банка является благотворительность. Среди основных ее форм необходимо выделить передачу в собственность или в бесплатное пользование зданий, земли и другой собственности, льготы при выдаче и возврате ссуд, а также распространение агрономических знаний путем основания сельскохозяйственных курсов и организации показательных полей и хозяйств.

Таким образом, Крестьянский поземельный банк сумел привлечь на земельный рынок в качестве сильного покупателя малоземельное крестьянское население. Деятельность банка содействовала мобилизации крестьянской земельной собственности и сведению к минимуму рисков долгового банкротства и последующей продажи земельных участков на торгах. Неотъемлемой компонентой в деятельности банка стала благотворительность, которая была направлена на оказание экстренной помощи крестьянским хозяйствам. Можно утверждать, что именно деятельность банка способствовала укреплению финансового положения крестьян накануне Первой мировой войны.

УДК 334.732.2

Ю.Б. Будкина¹

**Некоторые аспекты становления кредитной кооперации
и ее роль в финансово-экономической жизни
рязанской деревни в конце XIX – начале XX столетия²**

Рассматривается становление кредитной кооперации и ее роль в финансово-экономической жизни рязанской деревни в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделено особенностям налогообложения кредитных кооперативов.

Ключевые слова: кредитная кооперация; рязанская деревня; крестьянство; налогообложение.

В 70-е гг. XIX в. в России появляются учреждения мелкого кредита в форме ссудо-сберегательных товариществ, целью которых было обеспечение доступным, низкопроцентным кредитом крестьян. Наибольший интерес к их организации был проявлен руководителями земских органов, большинство из которых являлись средними и крупными землевладельцами и было заинтересовано в рентабельности собственного хозяйства. Развитие кооперативного кредита среди крестьянства лучше всего подходило для того, чтобы не допустить полного разорения крестьянских хозяйств, стабилизировать, а по возможности и сократить недоимки по земским платежам, нейтрализовать посягательства крестьян на помещичьи земли. Поэтому именно земцы-помещики часто выступали инициаторами и руководителями создаваемых кооперативов, снабжали их первоначальным капиталом. В частности, в Рязанской губернии первое ссудосберегательное товарищество появилось благодаря инициативе земского деятеля кн. Н.С. Волконского.

Как свидетельствует анализ источников и литературы, представители государственной власти также проявляли на этом этапе ак-

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, yu.budkina@rsu.edu.ru, Россия, г. Рязань.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-62003.

тивный интерес к проблеме мелкого кредита по причине заинтересованности не только в сохранении «социального мира» в деревне, но и в повышении налогового потенциала крестьянского хозяйства.

Однако развитие кредитной кооперации, представленной ссудосберегательными товариществами, в Рязанской губернии, впрочем, как и России в целом, в 70–80-х гг. сменяется к началу 90-х резким спадом. Среди причин этого были: 1) неблагоприятное экономическое положение в стране в целом, связанное с голодом 1891 г.; 2) крайне низкий уровень развития товарно-денежных отношений в рязанской деревне; 3) бедность крестьян, их безграмотность, правовая и имущественная несостоятельность, обремененность налогами, недоимками и повинностями; 4) неэффективная деятельность самих товариществ, связанная с непроизводительным использованием ссуд, которые в большинстве случаев крестьяне использовали, чтобы «свести концы с концами».

Между тем, стоит обратить внимание, что голод 1891 г. оказал двоякое воздействие на развитие сельского кооперативного кредита. С одной стороны, он спровоцировал массовое невнесение платежей и процентов по ранее выданным ссудам, а с другой стороны, послужил толчком к последующему прогрессивному изменению законодательных основ деятельности кредитной кооперации, что нашло свое выражение в «Положении об учреждениях мелкого кредита» 1895 г.

Анализ данного документа достаточно полно представлен в научной литературе, но, тем не менее, отдельные моменты, имеющие существенное значение для понимания механизмов функционирования кредитных кооперативов, остаются малоизученными и не привлекают должного внимания исследователей. Один из таких сюжетов связан с особенностями налогообложения кредитных кооперативов. Согласно Положению 1895 г., кредитные кооперативы платили сбор за право торговли и промыслов на основании статьи 256 Устава о прямых налогах. Однако проценты по вкладам, внесенным в кредитные кооперативы, не подлежали обложению с доходов от денежных капиталов. Кроме того, освобождались от гербового сбора свидетельства на паи ссудосберегательных товариществ.

Продолжение законодательного урегулирования вопросов налогообложения нашло отражение в новом «Положении об учреждениях мелкого кредита», принятом 7 июня 1904 г. На основании этого документа кредитные кооперативы не подлежали государственному промысловому налогу. Кроме того, освобождались от гербового сбора «письменные сношения» кредитных кооперативов и переписка о разрешении их открытия с правительственными установлениями и должностными лицами, а также выдаваемые кооперативам обязательства по ссудам, документы и удостоверения по вкладам и паям, подписки участников кредитных и ссудосберегательных товариществ в принятии ими на себя ответственности по обязательствам этих товариществ. Таким образом, очевидно, что государство стремилось оказывать поддержку развитию кооперативного кредита, предоставив кредитным кооперативам условия льготного налогообложения.

В целом, первые шаги развития кредитной кооперации в Рязанской губернии, ее роль в финансово-экономической жизни рязанского крестьянства оказались незначительными. Однако была подготовлена «почва» для ее успешного развития в годы Столыпинской аграрной реформы. Накануне Первой мировой войны кредитным кооперативам удастся существенно улучшить материально-техническую базу крестьянских хозяйств, повысить жизненный уровень крестьянства посредством обеспечения их доступным кредитом.

УДК 94(47)

*Е.П. Барина*¹

Роль сословных капиталов в бюджете дворянских хозяйств²

В статье анализируется деятельность дворянских собраний, направленная на увеличение сословных капиталов.

Ключевые слова: сословные капиталы, обложение, дворянские собрания.

¹ Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, Самарский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, gfnz25@yandex.ru, Россия, г. Самара.

² Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 13-01-00081.

Для пореформенного периода была характерна убыль дворянского землевладения, постепенное формирование буржуазной собственности на землю. В 1905 г. количество дворянских имений в 47 губерниях Европейской России составляло 105739 владений, в 1914 г. оно уменьшилось практически вдвое и составило 62737 владений [1]. На мобилизацию помещичьей земли влияла и неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, приводившая к огромной задолженности помещиков различным поземельным банкам. Сокращалась доля дворянских земель в общем земельном фонде страны и в частном землевладении, что определяло активность дворянских обществ, требовавших принятия мер к упрочению позиций дворянского землевладения.

Традиционным вопросом, который обсуждался на очередных дворянских собраниях, было обложение имущества частной дворянской повинностью и составление раскладки сборов. Убыль дворянского землевладения, обремененность имений долгами способствовали тому, что дворянские сборы поступали крайне нерегулярно, причем большая часть сбора оставалась в недоимке. Так, кромский уездный предводитель дворянства в отчете орловскому губернатору сообщал, что 55 % оклада дворянского сбора за 1903 г. составляет недоимку¹. Кроме того, поместное дворянство стремилось переложить часть тягот по уплате земельного обложения на дворян, не имеющих земельного ценза.

Выход из положения дворянство видело в предоставлении местным землевладельцам доступа в сословие за полезную или сельскохозяйственную деятельность. Собрания ходатайствовали перед правительством о законодательном установлении правила: при продаже дворянских имений лицам других сословий удерживать в пользу дворянской кассы определенную сумму (составляющую около 1 руб. 70 коп. с десятины). Эта мера фактически означала капитализацию оклада частного дворянского сбора, причитающегося с продаваемого имения². Воронежское и Орловское

¹ Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Оп. 1. Д. 3142. Л. 6.

² ГА РФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 29. Л. 39 об.

дворянские собрания в 1902 г. рассмотрели вопрос о распространении на личных дворян некоторых льгот, поощрявших их участие в дворянском обложении. В качестве компенсации предлагалось предоставить личным дворянам право залога имений в Государственный Дворянский земельный банк и участия в кассах взаимопомощи. М.А. Стахович высказал опасение, что расширение круга лиц, пользующихся дешевым ипотечным кредитом, ускорит убыль земли из владения потомственных дворян. Подавляющим большинством собрания высказались против этого предложения. Они сочли «крайне нежелательным» предоставление им права голоса на дворянских собраниях¹. Дворянство опасалось того, что непосредственное участие личных дворян в разрешении дел при их численном перевесе совершенно изменит характер и направление деятельности собраний. Другой выход для уменьшения частной дворянской повинности, предлагаемый представителями сословия, предусматривал регулярные оценочные работы для устранения неравномерности раскладки.

Вопрос о взимании сборов на нужды дворянских обществ неоднократно обсуждался на Особом совещании по делам дворянского сословия, заседаниях Государственного совета. Особое совещание по делам дворянского сословия пришло к выводу, что действующие правила о дворянских складках не соответствуют современным нуждам сословия. На практике принцип добровольности взимания дворянских сборов утратил свое значение, поэтому принятые в собраниях решения о складке считались обязательными для всех дворян. Государственный совет высказался за пересмотр законодательства о дворянских учреждениях и предоставил министру внутренних дел В.К. Плеве право войти в обсуждение вопроса о взимании сборов на нужды дворянских обществ на началах сословного самообложения. Курское собрание дворянства дважды пыталось обсудить этот вопрос, однако, не придя к единому мнению, оно отложило его решение. Наконец, 15 декабря 1905 г. курское собрание предводителей и депутатов дворянства ввело такой же порядок самообложения, какой был принят в земских и городских учреждениях.

¹ Государственный архив Воронежской области. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1420. Л. 17 об.

Это означало, что расход, принятый дворянским собранием, являлся обязательным для всего общества и устранял из закона понятие о добровольной складке. Подобные же решения приняли и дворянские собрания других губерний [2].

Дворянские сборы поступали крайне нерегулярно, так как у дворянства отсутствовали средства на развитие и интенсификацию хозяйства. Особенно актуальна в условиях аграрного кризиса была проблема краткосрочного кредита на оборотные средства. Дворянские собрания неоднократно ходатайствовали о пересмотре правил соловексельного кредита и необходимости его удешевления. Однако стремления помещиков превратить краткосрочные соловексельные ссуды в долгосрочные шли вразрез с экономической политикой правительства.

Литература

1. *Анфимов А.М., Корелин А.П.* Россия. 1913 год: Статистическо-документальный справочник. СПб., 1995. С. 71.

2. *Барينوва Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008. С. 26–29.

УДК 94(970) “1860/1917”

В.Н. Ратушняк¹

Воинская и другие повинности российского казачества на рубеже XIX – XX вв.

Рассматривается вопрос о воинских и других повинностях казачества, о правомерности термина «привилегированное военно-служилое сословие».

Ключевые слова: воинская служба, повинности; налоги, земельный надел, хозяйство, привилегированное сословие.

В исторической литературе казачество обычно характеризовалось как привилегированное военно-служилое сословие. Мотивацией такого определения являлось довольно значительное земельное обеспечение казачества и освобождение его от государственных податей. При этом

¹ *Ратушняк Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, ratushnyak_vn@mail.ru, г. Краснодар.

нередко забывали о том, что это была своеобразная компенсация казачеству за его активное участие во всех войнах России, начиная с XVIII в., колонизацию новых земель и охрану государственных границ Российской империи. В годы Первой мировой войны российские губернии мобилизовали в армию около 23 % мужского населения, казахи области – более 30 %.

Служба в мирное время также была не из легких, да и экономически обременительной. Начиналась она с 18 лет зачислением казака в так называемый приготовительный разряд, где он постигал азы воинского искусства. Проходила эта служба в течение трех лет в своей станице и в лагерных сборах. За это время он должен был приобрести верховую лошадь и все необходимое обмундирование и снаряжение. Даже кинжал и шашку, как правило, казак приобретал самостоятельно. С 21 года казаки перечислялись в строевой разряд, включавший три последовательные очереди, по 4 года каждая. Казаки 1-й очереди служили на действительной службе, как правило, далеко от дома. Перейдя во вторую и третью очереди, казаки жили дома, но периодически вызывались на трехнедельные (артиллеристы – на 5 недель) лагерные сборы. С 33 лет зачислялись в запасной разряд и могли быть призваны на службу в военное время. Казаки, не способные к службе, но способные к труду облагались денежным сбором, который шел в войсковой капитал или в станичный доход.

Служба за свой счет наносила серьезный ущерб казачьему хозяйству по мере сокращения казачьих наделов. А они сокращались в связи с естественным ростом казачьего населения. Так, на Кубани за последнюю четверть XIX в. паевые наделы казаков сократились почти вдвое. То же происходило и в других казачьих войсках. Посетившая в 1897 г. Дон комиссия генерала Н.А. Маслоковца констатировала, что «только 21 % казачьего населения находится в настоящее время еще настолько в благоприятных условиях экономических, что может выполнять тяготы воинской повинности». Действительно, стоимость обмундирования и снаряжения казака на службу в рассматриваемое время была немалой. Так, кубанский казак должен был приобрести две черкески, две пары форменных

сапог, бурку, две папахи (форменную и повседневную), полушубок (или бешмет), кинжал, шашку с португеей, нагайку, четыре пары портянок, две пары теплых перчаток, две пары шаровар и т.д. Кроме того строевого коня, а его за время службы приходилось приобретать дважды, а иногда и трижды. Для коня приобреталось седло и другие необходимые предметы. В разорительности для казака снаряжения на службу убедился в 1899 г. начальник Главного управления казачьих войск генерал Щербов-Нефедович, посетивший Кубанское и Терское казачьи войска. После этого последовало решение о субсидировании конных казаков, снаряжающихся на службу, в размере 100 руб. для покупки лошади. Последняя в это время стоила от 125 до 400 руб.

Специфика земледельческого хозяйства казаков была такова, что даже лагерные сборы влияли негативно на его положение. «Военный сборник» в 1901 г. отмечал, что отсутствие казака 3–5 недель в разгар сельскохозяйственных работ наносило экономический ущерб казачьему хозяйству.

Рост числа казаков, которые не могли исправно подготовиться к службе, нашел отражение в новом Положении об общественном управлении в казачьих войсках 1891 г. Согласно этому Положению станичное общество отвечало круговой порукой за исправный выход на службу каждого из своих членов, за неукоснительное отбывание земских и станичных повинностей и пополнения недоимок, числящихся за обществом. Если казак не мог выполнить эти обязательства, у него могли изъять часть паевого надела и отдать в аренду. На Кубани в 1898 г. таких земель было 55,8 тыс. дес.

В конце XIX в. нередко в станицах вводили налоги на казаков, так называемые «расклады». Раскладочный сбор состоял из налогов с взрослых работников, с рабочего и гужевого скота, с распашанных земель.

Помимо военной службы, на которую казаки в расчете на 100 человек поставляли в три раза больше призывников, нежели другие слои населения, казаки в станицах осуществляли еще и полицейскую службу, борясь с конокрадами, ворами и другими преступниками. Известно также, что по месту внестаничной службы казаков нередко

привлекали для разгона несанкционированных митингов и демонстраций. Кроме того, казаки-станичники обязаны были осуществлять конвойную службу, охрану войсковых тюрем, лесов, рыболовных вод, содержать в исправности мосты, дороги, переправы. Исследователи подсчитали, что для отработки натуральных повинностей крестьяне выделяли до 20 % работников, казаки – до 30 %.

Таким образом, акцентировать внимание на каком-то особом привилегированном статусе дореволюционного казачества не совсем правомерно.

УДК 336.02

В.В. Страхов¹

К вопросу о доходах российского крестьянства в период Первой мировой войны²

Рассматриваются основные причины номинального роста доходов российского крестьянства, такие как инфляция, отложенный спрос, перераспределение расходов, прекращение сделок с землей.

Ключевые слова: крестьянство, доходы, Первая мировая война, инфляция.

Вопрос о характере и масштабах изменений денежных доходов основной массы крестьянства Российской империи в период Первой мировой войны почти столетие привлекает к себе внимание исследователей. Несмотря на наличие множества работ, в той или иной мере касающихся данного сюжета, в историографии до сих пор нет общепринятой точки зрения по проблеме. Особую значимость ей придает сопряжение с выяснением причин той общенациональной катастрофы, которая произошла с Россией в 1917 г.

Анализ источников свидетельствует о почти полном единодушии современников по поводу роста денежных доходов крестьянства в первые два года мировой войны. Особый акцент делался на прекраще-

¹ *Страхов Василий Вячеславович*, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, v.strahov@rsu.edu.ru, Россия, г. Рязань.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-62003.

нии продажи «питей», обеспечении пайками семей мобилизованных, неуклонном повышении цен на продукцию сельского хозяйства.

Одним из важнейших показателей видимого увеличения благосостояния деревни служил беспрецедентный рост крестьянских вкладов в сберегательных кассах. Именно под впечатлением этого на рубеже 1914–1915 гг. в печати впервые появляются мнения о том, что «война обогатила Россию» и в первую очередь деревню.

Типичным в этой связи было мнение видного экономиста С.А. Первушина, представленное в трудах Комиссии по изучению современной дороговизны при Обществе имени А.С. Чупрова в Московском университете. Основываясь на материалах земской статистики, ученый приходил к выводу о том, что благодаря «полунатуральному характеру» крестьянского хозяйства и аграрному перенаселению «те факторы, которые парализовали в городе благотворное влияние трезвости, в деревне отразились сравнительно слабо, и, в конечном итоге, положение сельскохозяйственного населения в 1-й год войны заметно улучшилось». Именно с этим он связывал основную причину увеличения доходов деревни и, соответственно, рост крестьянских вкладов в сберкассах.

Большое внимание с конца 1915 г. многие авторы стали уделять легендарной крестьянской «кубышке», считая, что заполнение последней предшествует в военное время всем иным способам «размещения капитала». Тогда же печать стала постоянно писать о заметном росте потребления деревней «городских товаров», в первую очередь сахара, а также многочисленных случаях «крестьянского расточительства». Интересны и свидетельства о том, что «деревня поголовно ходит в сапогах». Подобного рода наблюдения нередко представлены и в мемуаристике.

Доказательством роста «благосостояния» деревни служили и данные о резком расширении масштабов хозяйственной деятельности сельской кооперации. Особенно выделялись кредитные кооперативы, многие из которых к 1916 г. из-за «наплыва» вкладов полностью освобождаются от финансовой зависимости со стороны Госбанка.

Тем не менее, анализ статистических данных о состоянии аграрного сектора экономики России в годы Первой мировой войны, мно-

гие из которых были опубликованы уже в 1920-х гг., а также положений и выводов, представленных в работах А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, А.М. Анфимова, Т.М. Китаниной и ряда других исследователей, заставляет с особой осторожностью и критичностью относиться к указанным выше суждениям и оценкам современников.

Представляется, что за исключением небольшой прослойки «новых богатеев», появившихся на селе в военные годы, у массы заметно поредевших в своем численном составе крестьянских семей налицо был лишь номинальный рост денежных доходов. Основной причиной здесь служила возрастающая ускоренными темпами, особенно с середины 1915 г., инфляция, переполнение каналов денежного обращения обесценивавшимися бумажными рублями.

Кроме того, серьезное влияние оказывал фактор отложенного спроса, связанный в первые два года войны преимущественно с внутренней психологической неподготовленностью крестьянина к приобретению необходимых товаров по значительно возросшим ценам и его надеждами на послевоенное «укрепление» рубля. С середины же 1916 г. отложенный спрос все чаще определялся отсутствием необходимых товаров на доступном рынке.

Распространению в общественном сознании представлений об «обогащении» деревни активно способствовали действительно имевшие место существенные изменения в структуре расходных статей бюджетов многих крестьянских хозяйств. Здесь уместно говорить не только о выпадении затрат на алкоголь, но и о некритическом восприятии причин образования своего рода денежных излишков. Последние, в частности, были связаны с резким сокращением количества сделок с землей, иной недвижимостью, уменьшением купли-продажи лошадей и крупного рогатого скота.

За годы войны существенно упали и выраженные в натуральных показателях объемы приобретения крестьянством сельскохозяйственных орудий фабричного производства, промышленных изделий из металла, а также строительных материалов, прежде всего кровельного железа и стекла. Парадоксально, но именно эти и подобные им факты способствовали созданию в конечном итоге далекой от действительности картины «переполнения» деревни денежными средствами.

Реальное же положение четко зафиксировало следующее свидетельство, относящееся к февралю 1917 г.: «За последнее время деревня стала неузнаваема. Первое, что бросается в глаза, это обилие денег. Деньги у всех: у женщин, у детей и деньги больше уже рубля не считаются за деньги. Но никогда деревня так бедно не жила, как живет сейчас».

УДК 94.47

М.В. Оськин¹

**Социальная политика государства в деревне
Центральной России в период Первой мировой войны:
экономическая ситуация на селе накануне Февраля**

В статье исследуются вопросы социальных взаимоотношений государственной власти и крестьянства России в период Первой мировой войны, а также анализируется комплекс правительственных мероприятий в селе в военный период.

Ключевые слова: «царские пайки»; «сухой закон»; продовольственный кризис; продовольственная разверстка.

С началом Первой мировой войны государственная власть Российской империи продолжила курс на модернизацию деревни и сотрудничество с той частью крестьянства, которая поддерживала реформы. Нуждаясь в источниках разнообразных ресурсов, от солдат в Вооруженных Силах до продовольствия и фуража, царское правительство проводило в жизнь два важных социальных мероприятия, призванных улучшить жизнь населения в условиях тягот военного времени. «Сухой закон» и выплата солдатским семьям «пайковых денег» стали тем рычагом, что до поры до времени удерживал внутреннюю стабильность в стране, вступившей в мировую войну.

Расчет на скоротечную войну не только делал государственные расходы не столь значительными, но и отвечал законодат-

¹ *Оськин Максим Викторович*, кандидат исторических наук, Институт законовения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, maxozv@yandex.ru, Россия, г. Тула.

ельству страны. Все нетрудоспособные члены семьи каждого солдата, призванного в армию, теперь опирались на государство, которое обещало предоставить им прожиточный минимум. Поэтому, в начале войны солдаты бодро отправлялись на фронт, так как были уверены, что государство выполнит свои обязательства. Средний размер казенного пособия составлял 2–2,5 руб. в месяц на каждого члена семьи. Для неимущих пайковое пособие являлось средством для выживания, для малоимущих – существенным подспорьем в хозяйстве, для средних слоев – уже источником накопления средств. Тем не менее, к 1917 г. расходы на помощь солдатским семьям превысили 1,5 млрд руб. – треть бюджета страны. Около миллиарда в предвоенный период поступало в год и от водочной монополии. Эти деньги в военный период – своеобразная «социальная страховка» крестьянству со стороны государства в целях максимального напряжения оборонных усилий страны.

С началом войны сухой закон и постоянное повышение цен на хлеб позволило большинству крестьян увеличить свое потребление. В деревне стали питаться так, как никогда ранее, ибо выплата пайковых денег увеличила потребление средних слоев крестьян. Для бедноты жизнь почти не улучшилась, но в годы войны бедствовали по преимуществу бедные семьи городов, не имевшие собственного хозяйства, дававшего минимум продовольствия, малые семьи с крошечными наделами и беженцы. Большая часть солдатских семей, получавших государственное пособие, не нуждалась в нем как в средстве именно выживания и оно шло на разнообразные закупки. Так как объем производства промышленных предметов потребления сократился, то деньги тратились на еду. Получалось, что накопление за счет государства фактически пропало зря: крестьяне не могли купить на эти суммы ничего материального, кроме продовольствия, которое шло на увеличение собственного потребления в тот момент, когда государство крайне нуждалось в финансовых и продовольственных ресурсах.

Переломом в кажущихся идиллическими отношениях между властью и деревней стал 1916 г. Неважный урожай, сокращение посев-

ных площадей, падение производства продовольственных хлебов, инфляция и нехватка рабочих рук стали причинами усиления негативных социально-экономических процессов, вылившихся, в конечном счете, в кризис снабжения зимы 1917 г. Расслоение села, угроза голода в потребляющих губерниях и нежелание крестьян производящих губерний продавать хлеб по твердым ценам – все это свидетельствовало о тенденциях отказа деревни в поддержке государственных военных усилий в условиях затянувшейся войны.

В связи с разнообразными запретительными мерами, увеличением объемов армейского снабжения и падением железнодорожных мощностей, к зиме 1916/17 г. внутренний хлебный рынок был дезорганизован, невзирая на достаточность хлебных запасов для прокормления армии и населения. Основным вопросом явилось не наличие хлеба вообще, а умение верховной власти взять его и распределить, а затем доставить до адресатов. Крестьянство, разочаровавшееся в ходе войны в политике правительства, стремилось уклониться от поставок хлеба государству. Вмешательство военного ведомства в дело снабжения армии и тыловых гарнизонов еще более способствовало нарастанию хаоса в общегосударственной продовольственной политике.

Осенью 1916 г. верховная власть задумалась над вопросом изъятия из села хлебных ресурсов, сосредоточенных в хлебозапасных магазинах, а зимой была сделана попытка воплотить в жизнь такую необходимую, чрезвычайную и вынужденную меру, как продовольственная разверстка хлебов. Проведение разверстки по равному принципу обложения разоряло мелкие крестьянские хозяйства, облегчая положение более крупных семей и зажиточных слоев деревни. Реакцией крестьянства на разверстку стал саботаж и уклонение от исполнения заданий государства. С точки зрения села, главная причина разверстки – это невозможность и неумение власти купить хлеб. Получение по разверстке всего около 20 % предполагавшегося количества хлеба действительно свидетельствует о провале государственных усилий, усугубившем продовольственный кризис начала 1917 г. и ставшем прологом к Февральской революции.

УДК 9.3 (4)

Н.Ф. Тагирова¹

Изменения хлебных цен и финансовое положение русской деревни в 1914–1918 гг.

Автор рассматривает изменения местных цен на основные зерновые продукты (пшеница, рожь) под воздействием обстоятельств военного времени. Колебания, изменения структуры цен на хлеб, соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты влияли на финансовое положение деревни и смену моделей поведения сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: Первая мировая война; аграрный рынок; хлебные цены; сельское хозяйство; экономический кризис; деревня; крестьянство.

Положение на продовольственном рынке периода Первой мировой войны в отечественной историографии рассматривается как процесс, неуклонно разворачивавшийся в сторону социального, экономического и политического кризиса. Фаза кризиса хронологически определяется периодом осени 1916 – 1917 г. Политические, социальные процессы главенствуют над экономическими характеристиками кризиса, а события 1917 г. (февраль или октябрь) выступают конечной точкой рассмотрения темы. Период мировой войны редко исследуется как целостный этап в русской истории.

Сам кризис изучается в плоскости взаимоотношений «власть – общество», «город – деревня», «государство – частный рынок», либо как классовые, социальные и внутрисословные противоречия. Роль экономических факторов (например, ценового) в разрывании системного кризиса, влияние ценовых колебаний на финансовое положение деревни исследовано значительно меньше.

Изучение колебаний цен на яровую пшеницу и озимую пшеницу по районам производства и потребления (в % от уровня предыдущего года) показало, что осенью 1914 г. по всей России наблюдалось снижение местных цен на зерно, что объяснялось резким сокращением экспорта. В краткосрочной перспективе (осень – зима 1914–1915 г.) сни-

¹ *Тагирова Наиля Фаридовна*, доктор исторических наук, Самарский государственный экономический университет, tag-nailya@yandex.ru, Россия, г. Самара.

жение цены было выгодно для покупателей зерна – мукомолов, крупных оптовиков, отдельных государственных ведомств, например, военного министерства, жителей городов. Для сельскохозяйственных производителей, сельского хозяйства в целом, падение осенних цен оказалось неблагоприятным фактором, в перспективе сдерживающим развитие и тем более увеличение сельскохозяйственного производства.

Осенью 1915 г., наоборот, наблюдалось повсеместное повышение цен, исчезла согласованность в колебании цен, что свидетельствовало о разрушении сложившихся рыночных пропорций в стране, по отдельным регионам. Лишь в отдаленной периферии хлебного рынка – в Сибири и Средней Азии – цены на рожь держались на уровне 1913 г. Скачок цен оказался очень резким, а потому воспринимался обществом особенно болезненно: в земледельческих районах за год цены выросли на 25–50 %, а в промышленном районе цены на рожь подскочили на 50 %, а на пшеницу – более чем на 400 %. Центральные (потребляющие) районы становились зоной ценового бедствия уже осенью 1915 г., впоследствии это явление А.В. Чаянов назовет «диктующим центром потребления», угрожавшим социальной нестабильностью. С осени 1916 г. свободные цены росли беспорядочно и не отражали реального состояния сельскохозяйственного рынка. Одновременно произошла фрагментация интересов многочисленных участников продовольственного (хлебного, заготовительного) дела. Изменилась структура цен. В цене на хлеб долю прибыли съедала инфляция, а доля стоимости производства росла. Поэтому рост цен на хлеб не мог оказать благоприятного воздействия на крестьянское хозяйство, а увеличение денежной массы нарушало довоенное соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Резкое сокращение закупок сельскохозяйственной техники, удобрений, семян, вызванное сокращением отечественного производства и импорта, не давало возможности сельскохозяйственному производителю использовать появившиеся «избыточные» деньги, которые оседали мертвым грузом. В связи с этим активное обсуждение в средствах массовой информации темы дороговизны хлеба, спекуляций, в ходе которых выдвигались обвинения в обогащении крестьянства, были беспочвенны и лишь способствовали нагнетанию общественных настроений. Ценовые колебания на хлеб, в ку-

пе с возросшими объемами денежной массы в стране, оказывали непосредственное влияние не только на платежеспособность российского крестьянства, но и на поведение сельскохозяйственных производителей, что еще более способствовало углублению экономического и сельскохозяйственного кризиса в 1917–1918 гг.

94(47).083

И.Б. Белова¹

Аграрный сектор тыловых губерний в условиях Первой мировой войны

В статье, основанной на региональных архивных материалах, рассматривается процесс мобилизации тыловых ресурсов страны для военных нужд на примере потребляющей Калужской губернии.

Ключевые слова: Первая мировая война, снабжение армии людскими ресурсами, продовольствием и обмундированием, окопные работы.

Первая мировая война потребовала от тыловых губерний значительных усилий по снабжению людскими, материальными и продовольственными ресурсами действующей армии, численность которой в результате только июльских мобилизаций 1914 г. увеличилась с 1,5 до 5,5 млн чел., а к декабрю 1914 г. составила свыше 6,5 млн чел.

Съезд уполномоченных Губернских земств 5 июня 1915 г. в Москве постановил «принять участие в снабжении и снаряжении армии». В тыловых губерниях прошли земские съезды и были созданы губернские и уездные комитеты по снабжению армии. Калужский губернский комитет за время своей деятельности с сентября 1915 по июль 1917 г. обеспечивал выполнение военных заказов, которые распределял между аналогичными уездными комитетами. На местах сельскому населению подробно разъяснялось, что нужно фронту, например, в 1915 г. армии требовались мешки для сооружения временных земляных укрытий. Земские

¹ Белова Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, irina-25.01@mail.ru, Россия, г. Калуга.

агенты получили задание приобретать у крестьян холст для мешков и прочего армейского снаряжения и организовать шитье мешков «хозяйственным способом» по установленной цене. Всего их было изготовлено более 100 тыс. штук, из них 70 % в Жиздринском уезде, остальные – в Полотняно-Заводской волости Медынского уезда. В апреле 1916 г. был выполнен заказ Минского военного округа на поставку нескольких тысяч соломенных матов, коновязной веревки; повозок всех типов, саней, упряжи; нескольких десятков тысяч полушубков и пиджаков.

В начале 1916 г. министерство земледелия обратилось к населению с призывом обеспечить армию овощами. Земские управы получили казенные средства, в том числе на оборудование сушильных пунктов, развитие местного семеноводства. Огородники могли приобретать в кредит по заготовительной цене семена. С разрешения губернатора к огородным работам привлекли военнопленных и нижних чинов тыловых команд. Осенью 1916 г. Сухиничское общество сельского хозяйства Козельского уезда закупило в уезде несколько десятков тысяч пудов капусты, тысячи пудов моркови, свеклы, лука, картофеля, несколько десятков пудов петрушки. От князя Оболенского поступило безвозмездно по несколько тысяч пудов капусты, свеклы, моркови, картофеля. Приобретя на собственные средства сушильное оборудование, общество организовало сушку овощей. В марте 1917 г. им было отправлено в армию более 0,5 тыс. пудов сушеных овощей¹.

Калужская губерния поставила армии 5,8 % имеющегося поголовья крупного рогатого скота в 1916 г. и 2 % лошадей в 1917 г.

В период Первой мировой войны одной из новых повинностей, возложенных на крестьянское население, стали окопные работы на территориях, относящихся к театру военных действий, к которым военные власти поначалу привлекали население лишь прифронтовых губерний. Касаясь этой проблемы, например А.М. Анфимов, констатировал, что «огромные массы людей сгонялись властями» на принудительные работы по нарядам военных.

¹ Государственный архив Калужской области. Ф. 373 . Оп. 1. Д. 4, 10.

На самом деле военные и гражданские власти действовали в соответствии с правилами от 18 ноября 1915 г. «О порядке производства сбора рабочих от местного населения, призываемых на оборонительные работы». При этом губернаторы получили обязательные наряды по мобилизации землекопов и специальные кредиты на их питание в пути, им предписывалось организовать встречу и расквартирование людей. Первый набор по наряду Западного фронта в Калужской губернии в количестве 5 тыс. человек проводился в декабре 1915 г. Добровольцев оказалось лишь 16 %, поэтому проводилась жеребьевка и принудительная отправка. В результате второго набора, проходившего в январе 1916 г., в Виленскую губернию было направлено еще 4 тыс. человек и 400 подвод.

Отряды землекопов формировались после окончания полевых работ, но крестьяне все равно не желали оставлять свои хозяйства. Получили распространение слухи о том, что посылают на работу под огнем, бесплатно и что скоро будут набирать и женщин.

Со своей стороны, местные власти с помощью печати разъясняли, что не придется трудиться на передовой и труд крестьян будет оплачен, что к весенне-полевому периоду окопные работы закончатся, что на период нахождения в пути за казенный счет все будут обеспечены предметами обихода и деньгами. Были учреждены волостные комиссии с участием выборных от сельских обществ, разбиравшие претензии крестьян, организовано предварительное медицинское освидетельствование. Одновременно губернаторы неоднократно обращались к правительству и военным властям с конкретными предложениями в связи с окопными работами по минимизации ущерба для крестьянских хозяйств. В результате в апреле 1916 г., например, калужские крестьяне были уже освобождены от окопных работ¹.

¹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1525, 1586, 1588.

УДК 94(47).083

*С.В. Букалова*¹

Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны

Прогрессирующий дефицит рабочих рук и вздорожание рабочей силы в аграрном секторе как следствие участия России в Первой мировой войне породили желание компенсировать их применением полупринудительного труда беженцев. Статья исследует механизмы и эффективность государственной политики привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам.

Ключевые слова: Российская империя; Первая мировая война; тыл; беженцы.

К осени 1915 г. стало ясно, что беженцы представляют особую социальную категорию, остро нуждающуюся в систематической государственной помощи. Однако с течением времени проявляется стремление к сокращению государственных расходов на содержание этого слоя людей.

Государственная политика в отношении беженцев состояла в подчеркивании временности их статуса. В финансовом отношении был выбран курс на интеграцию беженцев как рабочей силы в хозяйственную структуру мест их пребывания. В условиях все более ощутимого недостатка рабочих рук было естественным желание государства рассматривать беженцев не как массу иждивенцев, предоставленную его заботам, а как довольно значительный источник трудовых ресурсов.

Значительную долю беженцев составляли крестьяне, однако пунктами их расселения на новом месте стали преимущественно города, находившиеся по пути следования беженских эшелонов. Кроме того, в городах беженцам легче было найти себе пристанище и источник помощи. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в январе 1916 г. предлагал губернаторам ряд мер, направлявших беженцев в аграрные районы: широкое оповещение о местах наибольшей нужды в сельскохозяйственных рабо-

¹ Букалова Светлана Владимировна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

чих и примерной заработной плате, посредничество земств в направлении беженцев к сельским обществам, усиление мер попечения о семьях, оставляемых беженцами на время работ. Уездные земские управы были обязаны заранее оповещать беженцев об объеме работ и уровне заработной платы, посредничать в вопросах найма [1, с. 138].

Для принуждения к работе одновременно применялись позитивные и негативные стимулы. Всякий, уклонившийся от соответствующей его познаниям и навыкам работы, снимался с казенного пайка. В то же время, приискание беженцем работы не являлось основанием для снятия с пайка его самого и его семьи. Однако на деле был взят курс на максимальное сокращение государственной помощи беженцам, переводу их на самообеспечение. Циркулярное письмо МВД и Особого совещания по устройству беженцев от 26 июня 1916 г. предписывало губернаторам снять с продовольственного пайка 15 % беженцев в городе и 10 % на селе, сообразуясь с крайне затруднительным состоянием казначейства. В III квартале 1916 г. общий кредит на содержание беженцев сокращался наполовину. В IV квартале предполагалось лишить пайков и беженцев, вставших на сельхозработы¹.

Черты принудительного труда прослеживаются в тех условиях, в которые ставились беженцы на рынке рабочей силы. Кроме того, что предпочтительной областью занятости для них был определен аграрный сектор, практиковалось принятие твердых расценок на труд беженцев, которые были обязательными: за отказ наниматься на этих условиях они лишались пайка.

Государственную политику полупринудительного привлечения беженцев к труду, реализовывавшуюся в течение 1916 г., нельзя назвать перспективной. Способность трудящихся беженцев к самообеспечению не могла быть реализована по причине сезонного характера, как сельскохозяйственных работ, так и лесозаготовок, на которых они были заняты. Фактором, существенно снижавшим значение беженцев как резерва рабочих рук, можно признать

¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5299. Л. 35 об.; Ф. 580. Ст. 1. Д. 6162. Л. 1; Ф. 697. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

социальную структуру беженской массы, представлявшую собой преимущественно семьи с детьми. По нашим подсчетам (на материалах Орловской губернии), $\frac{3}{4}$ беженцев в любой ситуации остались бы на положении иждивенцев казны: если считать, что трудоспособными являются все беженцы в возрасте от 14 до 60 лет, то их доля во всем беженском населении составит 43,6 %. Из этого числа следует исключить тех взрослых женщин, которые заняты присмотром за детьми. Учитывая, что в губернии остановилось около 10 тыс. семей, их доля составит 20 % всех беженцев. Таким образом, количество трудоспособных беженцев сократится до 23,6 %, считая подростков¹.

Литература

1. *Зигель И.А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 Великий Новгород, 2003.

¹ Подсч. по: ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 735.

УДК 947.084.2

*Н.Н. Кабытова*¹

**Аграрная политика Временного правительства
и крестьянские фискальные требования в 1917 г.**²

Рассматривается влияние крестьянского правотворчества на трансформацию аграрной политики Временного правительства. Анализируются изменения налоговой системы в аграрном секторе экономики.

Ключевые слова: аграрная политика, Временное правительство, крестьянские съезды, фискальные требования.

Исследователи, занимавшиеся изучением революционных событий 1917 г. в России, отмечали значение решений крестьянских съездов по аграрному вопросу, их влияние на расстановку социально-политических сил не только в деревне, но и в городе. Крестьянские съезды инициировали постановку вопроса о коренном изменении отношений собственности, то есть оформляли правотворчество масс в революции. Их организаторы ставили целью довести декларации и постановления Временного правительства по земельному вопросу до крестьян, надеясь предотвратить возможные «аграрные беспорядки». Центральная власть, заявляя об охране частной собственности, запрещении пересмотра арендных цен, перераспределении рабочей силы из числа военнопленных в помещичьих экономиях, откладывала решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Знакомясь с указаниями правительства, делегаты съездов пожелали внести неко-

¹ Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-01-00081).

торые коррективы в существовавшие поземельные отношения. Объясняли они это особенностями аграрного развития в каждом отдельном регионе.

Созданные в марте-апреле 1917 г. волостные исполнительные комитеты в соответствии с «Временными мерами», разработанными крестьянскими съездами, должны были заниматься всеми вопросами распределения и использования земель и инвентаря, регулировать трудовые взаимоотношения, в том числе регламентировать нормы оплаты труда. Они же в пределах волости решали все вопросы административно-хозяйственного управления, ведали сбором налогов и податей. В.И. Ленин расценил этот факт, как имеющий гигантское принципиальное значение, подтвердивший, что крестьяне «хозяйственный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют» [1, с. 420].

Между руководителями волостных комитетов и представителями уездных земств возникали споры по поводу раздела помещичьей земли. Губернский Совет крестьянских депутатов, контролируя выполнение своих решений, стремился одновременно уничтожить старые, кабальные формы аренды. Он, например, предложил Спасскому уездному продовольственному комитету «удовлетворить нужды крестьян, разрешив им скосить помещичьи луга, но отнюдь не издольно»¹.

Среди факторов общенационального кризиса в России аграрный вопрос к осени 1917 г. выдвинулся на первое место. Обострение продовольственного вопроса, разбалансировка фискальных отношений напрямую влияли на ход социальной революции и поляризовали политические силы общества. Крестьянские выступления, направленные против хлебной монополии, перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка. Перераспределением собственности и власти в сельской местности, занялись низовые крестьянские комитеты, вышедшие из-под контроля не только местной администрации, но и советов. Министерство внутренних дел предписывало губернским комиссарам активнее использовать

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 983. Оп. 1. Д. 13. Л. 60; Д. 23. Л. 89.

административно-судебные органы и воинские команды для пресечения конфискационной деятельности низовых крестьянских организаций [3, с. 97]. Выполнить эти предписания на местах было затруднительно, а чаще – невозможно. Тыловые гарнизоны были распропагандированы левыми социалистами и, как правило, не подчинялись никому [2, с. 151].

Настойчивые требования крестьян закрепить местными законами уже осуществляемые ими изменения аграрных отношений привели к обсуждению на крестьянских съездах мероприятий по землепользованию в новых условиях. Показательна в этом плане «Общая инструкция волостным земельным комитетам», утвержденная Самарским губернским земельным комитетом 20 августа 1917 г. Она легла в основу разработанных съездом «Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями». В ходе дискуссии часть ораторов призывала не утверждать этих правил. Крестьянские делегаты в обложении земель налогами видели аренду, что в их понимании было шагом назад в решении земельного вопроса. Взамен этого предлагалось установить одинаковый общий налог на все земли различного качества, различных ведомств и владельцев. Другая часть ораторов, ссылаясь на распоряжения Временного правительства сохранить до Учредительного собрания границы владений и уездов и крайнюю нужду государства в средствах, просила съезд не видеть «хитрой механики» в правилах обложения, так как они составлялись людьми, «преданными делу крестьянства»¹.

В своей практической деятельности крестьяне использовали из всех правил и инструкций лишь те пункты, которые позволяли им расширять процесс экспроприации земель у частных владельцев. Таким образом, в ходе революции по инициативе крестьянских объединений произошла разбалансировка всей податно-налоговой системы в аграрном секторе экономики. К осени 1917 г. крестьяне полностью отвергли

¹ ГАРФ. Ф. 8976. Оп 1. Д. 423. Л. 59 об.–60.

старую систему налогообложения, требовали немедленного «черного передела». На крестьянских съездах обсуждались основные направления аграрной реформы, а низовые комитеты использовали их решения для обоснования уравнительного перераспределения земель и способов их налогообложения.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 31.
2. Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995.
3. Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967.

УДК 94(47)"1917"

В.А. Иващенко, С.В. Корновенко¹

Налоговая политика Временного правительства в деревне (февраль–октябрь 1917 г.)

Проводится анализ налоговой политики Временного правительства в деревне. Рассматривается механизм начисления и взимания налогов и сборов в период с февраля по октябрь 1917 г. Особое внимание уделяется хлебной разверстке.

Ключевые слова: налоговая политика, Временное правительство, крестьянство, разверстка.

Установление демократического правления на территории бывшей Российской империи в феврале 1917 г. актуализировало ряд экономических и социально-политических проблем, которые не были решены предыдущей властью. Одним из острых вопросов, стоявших перед Временным правительством, был вопрос налогообложения. В частности, речь шла о налоговой политике в деревне в новых общественно-политических и социально-экономических условиях. Времени

¹ *Корновенко Сергей Валерьевич*, доктор исторических наук, Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого, seka7407@rambler.ru; Украина, г. Черкассы; *Иващенко Виктор Анатольевич*, кандидат исторических наук, Черкасский национальный университет им. Богдана Хмельницкого, Украина, г. Черкассы.

на существенную реорганизацию имперской налоговой системы не было. Однако не было и возможности существовать без налоговых поступлений. Поэтому новое правительство взяло за основу дореволюционную модель налоговой системы.

Поземельный налог был введен еще в 1874 г. и существенных изменений при Временном правительстве не претерпел. Объектом обложения данным налогом были крестьянские наделные и общинные земли, кроме казенных.

Земские повинности оплачивались крестьянами либо деньгами, либо отработками и делились на постоянные и временные, губернские и уездные. Среди них ключевое место принадлежало земскому земельному сбору, который взимался с «удобных» земель, предоставленных для пользования, как частным лицам, так и крестьянским общинам, и с государственных, даже если эти земли прибыли не приносили.

Из-за нестабильной политической и экономической ситуации налоговые поступления в бюджет при Временном правительстве были мизерными. Ситуация была затруднительной, поскольку, с одной стороны, часть крестьян заняла выжидательную позицию, с другой – участились погромы имений и хозяйств зажиточных крестьян, которые налогов платили больше.

Летом 1917 г. Временное правительство попыталось осуществить ряд реформ в налоговой сфере. Они были крайне необходимы в условиях огромного дефицита бюджета, который был опустошен военными расходами на постоянные боевые действия на фронтах. Для большего наполнения казны были повышены ставки государственного подоходного налога и введен новый одновременный налог на физических и юридических лиц, чей годовой доход превышал 10 тыс. руб.

Временное правительство 12 июня 1917 г. провело реформу прямого налогообложения, повысив необлагаемый минимум с 850 до 1000 руб. в год, а минимальную налоговую ставку до 12 руб. из тысячи, то есть с 0,7 % до 1,2 %. Ставка налога на прибыль в 10 тыс. руб. выросла с 3 % до 7 %. Другой закон, также от 12 июня 1917 г., вводил единовременный налог для физических и юридических лиц. Это был

дополнительный, т.е. повторный подоходный налог для тех, чей доход превышал 10 тыс. руб. в год. Его ставка равна ставке подоходного налога. Таким образом, доходы были обложены дважды. Для тех, чьи доходы превышали 400 тыс. руб. в год, ставка налога составляла 60 % – и это без учета других государственных и местных налогов и сборов. При доходе в 100 тыс. руб. и больше ставка подоходного налога составляла 40 % и выше. Таким образом, продолжалась практика введенных еще царизмом одноразовых налогов.

Кроме вышеупомянутых налогов, крестьяне также должны были выполнить установленную Временным правительством разверстку продовольствия. Ее ставки для крестьян были завышены, поскольку точной статистики урожайности в крестьянских хозяйствах не было. За полученное продовольствие государство рассчитывалось с крестьянами по сниженным ценам. В случае отказа крестьянина поставлять зерно, разверстка осуществлялась по цене на 15 % ниже твердых цен. Занижение государственных цен приводило к тому, что крестьяне, пытаясь избежать хлебной повинности, скрывали собранный хлеб, а затем стремились сбывать его спекулянтам по более высоким ценам, избегая уплаты налогов. Пытаясь предотвратить такую ситуацию, Временное правительство издало постановление «О передаче хлеба государству».

Помимо разверстки продовольствия на крестьян накладывались реквизиции сельскохозяйственного инвентаря. Продовольственные комитеты реквизировали инвентарь, который не использовался. Им распоряжался продовольственный комитет.

Государство, проводя налоговую политику в деревне, пыталось обеспечить потребности армии и города, которые вследствие долговременных военных действий переживали продовольственный кризис. После сбора урожая 1917 г. ситуация на селе еще более обострилась. В случае отказа крестьян сдавать хлеб его забирали силами фронтовых заготовительных команд.

УДК 94(47).084.3

В.Б. Безгин¹

Насилие в борьбе за хлеб (на материалах губерний Центрального Черноземья)

Анализируется продовольственная политика Советского государства в Центральном Черноземье в 1918 г., основным методом которой являлось насилие в отношении крестьянства. Изъятие хлеба осуществлялось без учета хозяйственного положения села и вызвало недовольство его жителей, переросшее в открытое сопротивление власти.

Ключевые слова: аграрная политика, изъятие хлеба, насилие, продовольственные отряды, восстания.

Аграрная политика большевизма была одной из причин социального раскола и последующей гражданской войны. В губерниях Центрального Черноземья, являющихся основным поставщиком хлеба, административные меры по изъятию произведенного продукта воспринимались крестьянами особенно болезненно. В борьбе за хлеб власть активно использовала насилие, что в свою очередь вызывало разнообразные формы крестьянского сопротивления.

Уже с весны 1918 г. крестьянство Центрального Черноземья ощутило на себе всю тяжесть повинностей в пользу революционного государства. Большевикам требовалось удержать свою власть. Крестьянству же предстояло отстаивать свое право на землю, а в большей мере – свободу распоряжаться плодами своего труда. Особое недовольство у сельских тружеников вызвали хлебные реквизиции и действие продотрядов.

В деревнях продовольственные отряды чинили подлинный произвол, отбирая у крестьян не только излишки хлеба, но и необходимое продовольствие. Это вело к недовольству, а порой и открытому протесту со стороны крестьян. По сообщению воронежских чекистов, реквизиция хлеба в волостях Острогожского уезда

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

вызвала сопротивление крестьян. 24 апреля 1918 г. туда был направлен вооруженный отряд численностью в 30 человек.

При изъятии хлеба власти на местах действовали со всей революционной решительностью, широко используя насилие. Так, в Малоархангельском уезде Орловской губернии применялся варварский способ взыскания чрезвычайного налога: плательщиков нагих выгоняли на улицу, обливали водой и морозили в сараях. Для запугивания крестьян продотряды обстреливали села из пулеметов и артиллерийских орудий.

В целях выявления скрытого от реквизиции хлеба местные власти поощряли доноительство на лиц, имевших хлебные излишки. Информаторам гарантировали получения половины стоимости изъятого зерна. Широко использовалась и вся мощь революционного закона. В Орловской губернии, согласно изданного 5 июля 1918 г. распоряжения, владельцы «незаконных запасов» должны были приговариваться к 10 годам и более тюрьмы, конфискации всего имущества и «изгнанию из общества навсегда». Следствием большевистского «похода за хлебом» стали продовольственные трудности в деревнях Центрального Черноземья, а в ряде мест и голод.

Коммунистическое руководство губерний пыталось пресечь все возможные каналы транспортировки хлеба. В приказе от 9 июля 1918 г. продкомиссар Тамбовской губернии дал указание виновных в «незаконном, спекулятивном» провозе по железной дороге «при малейшем сопротивлении уничтожать на месте».

Наивысшего накала крестьянское движение в регионе достигло в октябре – ноябре 1918 г., когда тысячные толпы вооруженных повстанцев захватывали села, окружали города, вступали в ожесточенные бои с правительственными войсками. Сообщения об этих сражениях напоминали фронтовые сводки. В отдельных крестьянских выступлениях появились политические лозунги, требование «Долой Советы!» и др.

Последующая крестьянская война стала прямым следствием практики революционного насилия по отношению к крестьянству. Уроки аграрного большевизма заключаются в необходимости учета экономического положения сельских тружеников

при решении политических задач, неприемлемость применения насильственных мер по отношению к крестьянству.

УДК 94(47)"1918"

В.М. Рынков¹

Самарская губерния летом-осенью 1918 г.: аграрная политика Комуча в контексте продовольственных заготовок

Предлагается новая трактовка аграрной и продовольственной политики Комуча. Автор обосновывает тезис об антипомещичьем курсе Комуча. Некоторые уступки крупным землевладельцам связаны с попыткой изъять принадлежавший им хлеб в пользу государства.

Ключевые слова: Гражданская война, аграрная политика, продовольственные заготовки, крестьянство, помещики.

Продовольственная политика Комуча в советской и постсоветской историографии изучалась всегда в связи с аграрной. Устоявшиеся оценки сводятся к следующему: Комуч заложил основу для восстановления помещичьего землевладения и взыскания компенсации с беднейшего крестьянства за использование собственности помещиков и кулаков при советской власти, в интересах землевладельцев восстановил свободный рынок хлебопродуктов, оплачивая закупленный хлеб по рыночным ценам. Наиболее корректную оценку аграрной политике Комуча дал В.А. Лапандин [1, с. 138–140]. Он отметил, что все распределенные между крестьянами частновладельческие земли сохранились в их пользовании. Но вслед за советскими исследователями В.А. Лапандин полагает, что, признав право снятия урожая за теми, кто произвел посев, Комуч фактически разрешил помещикам воспользоваться своими угодьями в текущем сельскохозяйственном году.

Истинный смысл комучевского аграрного законодательства становится понятен, только если мы учтем ситуацию в пово-

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

лжской деревне в 1917–1918 гг. Еще при советской власти Самарское губернское земство приняло решение о взятии на учет всех частновладельческих земель. II и IV Самарские губернские крестьянские съезды предписали организованно осуществить ликвидацию частного землевладения. Наиболее ценные в агрокультурном отношении угодья передавались под управление земств, а остальные подлежали распределению между крестьянами. В первые месяцы 1918 г. данный проект начал осуществляться местными земельными комитетами. Приказ Комуча № 51 от 25 июня 1918 г. предписал этим органам завершить начатое при советской власти распределение сельхозугодий, руководствуясь законом Учредительного собрания о социализации земли. Наиболее искаженную трактовку в историографии получил приказ Комуча № 124 от 22 июля 1918 г. о снятии озимых посевов. Именно он и преподносился как восстанавливающий помещичью собственность.

В действительности Комуч руководствовался совершенно иными соображениями. Большинство конфликтов в деревне носило явно выраженный имущественный характер. Но ситуация оказалась настолько запутанной, что невозможно однозначно судить, в пользу какого имущественного слоя предлагал решить земельный вопрос Приказ № 124. В нем провозглашалось: «Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 год, как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах принадлежит тому, кто их произвел» [2, с. 85]. Таким образом, в текущем году любой посевиц, как законный, так и самочинный, получил право на сбор урожая. В абсолютном большинстве случаев это означало, что крестьяне-общинники могли распоряжаться урожаем с захваченных ими частнособственнических земель на совершенно законных основаниях. Все споры о собственности на землю переносились на послевоенное время.

Значительная часть захваченных земель принадлежала крупным собственникам, производившим товарную продукцию. Когда правительство столкнулось с необходимостью заготавливать продовольствие для армии, выяснилось, что общин-

ная деревня после уравнильного передела не собиралась поставлять хлеб в значительных количествах. Для контроля над хлебным рынком был создан Хлебный совет, обладавший правом регламентации всех продаж и скупки в пользу государства по предельным ценам. Первоначально хлеб для населения и армии правительству собирался поставлять Самарский губернский союз кооперативных объединений, открывший в пределах губернии к началу осени 73 ссыпных пункта. Но к 20 сентября на них удалось заготовить только 90 тыс. пуд. Поэтому Комуч оказался готов трактовать земельные споры в пользу крупных землевладельцев при условии, что весь собранный хлеб будет продан государству.

Большинство частных владельцев при Комуче совершенно не рассчитывали вернуть свою землю. Но некоторые попытались восстановить владельческие права на урожай с произведенных ими посевов при помощи Хлебного совета. Такие помещики поспешили заключить с советом контракты на поставку хлеба со своих имений государству. Когда пришло время убирать урожай, все они заявили, что их поля и инвентарь захвачены, поэтому обусловили выполнение контрактов тем, что Хлебный совет окажет им содействие в уборке урожая. Однако дальше этих просьб дело не пошло, и документы свидетельствуют об отсутствии случаев отнятия у крестьян земли и инвентаря в пользу помещиков. В итоге необходимый армии объем хлеба не был заготовлен ни с крестьянских хозяйств посредством кооперативной скупки, ни путем контрактации помещичьего хлеба.

Литература

1. *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара, 2003.
2. Приказы Комуча. Самара, 1918.

УДК 94(477)"1919/1921"

*Н.А. Ковалева*¹

**Война за хлеб в украинской деревне в 1919–1921 гг.:
характер, методы и масштабы изъятия
продовольствия у крестьян**

Анализируются методы и масштабы изъятия продовольствия у украинских крестьян в годы Гражданской войны. Сделан вывод о неэффективности советской продовольственной политики.

Ключевые слова: хлеб, разверстка, продотряды, реквизиции, Украина.

Проблема отчуждения продовольствия у крестьян в годы Гражданской войны в Украине находилась в центре внимания исследователей в разные исторические периоды. Наиболее важные аспекты данной темы содержатся в трудах В.И. Борисова, В.Ф. Верстюка, С.В. Кульчицкого, Ю.К. Стрижкова. Однако, недостаточно изученными остаются особенности насильственного отчуждения продовольствия в украинской деревне, обусловленные нестабильностью советской власти на местах, практическим отсутствием расслоения крестьянства, поведением местных партийных и продовольственных деятелей.

В Украине государственная монополия на продовольствие была введена в феврале-апреле 1919 г. Устанавливая размеры разверстки, советское государство ориентировалось на данные дореволюционного производства хлеба и полностью игнорировало интересы крестьянства, значительно разорившегося в военные годы.

Заготовки хлеба в Украине имели преимущественно безобменный характер. В 1919, 1921 гг. были попытки индивидуального товарообмена, вызывавшие критику и невосприятие со стороны крестьянства. Традиции общинного распределения продовольственных повинностей в украинском селе, как свидетельствуют материалы сельских сходов, в некоторых губерниях сохраня-

¹ Ковалева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Украинский государственный химико-технологический университет, boriss2002@ukr.net, Украина, г. Днепропетровск.

лись до лета 1920 г. Начиная с 1920 г. разверстка все больше приобретала ненормированный и насильственный характер (вплоть до полного изъятия продовольствия у крестьян).

Выполнением разверстки занимались продотряды. В 1919 г. они формировались в основном из российского пролетариата. Около 2700 чел., прибывших из Москвы и Петрограда, были разделены на четыре больших продотряда, работавшие в южных губерниях. Украинских рабочих к изъятию хлеба в деревне советская власть смогла привлечь в 1920–1921 гг. В марте 1921 г. в Украине действовало 263 отряда общей численностью до 9,5 тыс. чел. Однако украинские рабочие неохотно записывались для продработы в деревне. При мобилизации в марте 1921 г. на Екатеринославщине вместо планируемой тысячи человек явилось около 700, а в деревню было отправлено 500–530 рабочих.

С лета 1920 г. при выполнении разверстки государство начало комплексно применять карательно-репрессивные меры по отношению к крестьянству: аресты зажиточных крестьян с конфискацией их имущества, взятие и расстрелы заложников, занесение сел на черную доску. В заготовке хлеба кроме продармейцев участвовали военные части трудармии, войска внутренней службы, регулярные военные формирования, боровшиеся с крестьянским повстанческим движением. Показательным является пример Старобельского уезда Донецкой губернии: 16-я бригада Донецкой дивизии войск ВЧК начиная с июля 1921 г. и до конца года помогала продагентам выполнять разверстку и продналог. Уезд стал лидером в губернии по выполнению разверстки.

Объемы собранного продовольствия не соответствовали запланированным показателям, особенно в 1919–1920 гг. При утвержденной в 140 млн пуд. разверстке в Украине в 1919 г. было собрано, по данным наркома продовольствия УССР А. Шлихтера, около 8 млн пуд. хлеба (половину взяли из помещичьих имений). В 1920 г. из запланированных 160 млн пуд. разверстки было собрано 71,5 млн пуд. хлеба. Масштабные репрессии по отношению к деревне в 1921 г. обеспечили практически «успешное» выполнение

продналога: с августа 1921 г. по 25 января 1922 г. в УССР из запланированных 68,75 млн пуд. было заготовлено 58,9 млн пуд.

Борьба за хлеб, начавшаяся в украинской деревне в 1919 г., постепенно к 1921 г. превратилась в войну государства против крестьянства, в ходе которой и крестьяне лишились хлеба, и государство его не получило в достаточном количестве. Продовольственная политика большевиков, слепо копировавшая российский опыт без учета «украинских условий», привела к практически полному изъятию продовольствия в украинской деревне в 1921 г. и наступлению голода.

УДК 94(47).084.3

Д.В. Ковалев¹

Налогообложение как фактор социально-политической активности крестьянства в условиях нэпа

Анализируется взаимосвязь налоговой политики советского государства с динамикой социально-политической активности крестьянства в условиях нэпа. Сделан вывод о радикализации настроений сельского населения к середине 1920-х гг. в результате опережающего роста налогового бремени и политизации системы налогообложения.

Ключевые слова: крестьянство, политические настроения, нэп, налоговая политика.

Переход от продразверстки к натуральному налогу стал поворотным моментом аграрной истории советской эпохи, кардинальным образом изменившим не только хозяйственное положение, но и социально-политическую жизнь крестьянства. Оставаясь одним из ключевых инструментов государственного регулирования сельской экономики, налоговая политика во многом продолжала определять настроения села на всем протяжении нэпа. Несмотря на внушительный объем исследований, затрагивающих вопросы

¹ *Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.*

налогообложения в нэповской деревне, степень изученности данной проблемы вряд ли можно признать достаточной для объяснения динамики взаимоотношений крестьянства и власти.

Перевод фискальных обязательств в привычный для крестьян формат фиксированных процентных отчислений весной 1921 г. уже сам по себе обеспечил большевистскому руководству необходимый уровень лояльности в мужицкой среде. Хотя неоднократно отмеченные историками многочисленные несовершенства налоговой системы (натуральность платежей, множественность объектов обложения, неравномерность прогрессии, запоздалость оповещения плательщика о причитающейся сумме и др.) оставались существенным раздражающим фактором. Тем не менее, нараставшая аполитичность сельского населения объективно свидетельствовала об относительном благополучии социально-политической ситуации в деревне.

Вместе с тем, проявляющие себя в начале 1920-х гг. опережающие темпы наращивания налогового бремени, рецидивы военно-коммунистических подходов в решении хозяйственных и политических вопросов способствовали нарастанию критики в адрес властей. Характерно, что протесты были связаны не столько с обременительностью налогообложения или техническими изъятиями в деятельности налоговых органов, сколько с несоразмерностью распределения налогового бремени, основная часть которого ложилась на плечи состоятельных слоев деревни. Такого рода настроениям в 1923–1924 гг. начинают сопутствовать упреки сугубо политического свойства относительно дискриминирующего крестьян избирательного законодательства, административных ограничений в организации местного самоуправления и общественно-политической сфере, экономических предпочтений и социальных преференций со стороны власти сельскому и городскому пролетариату. В этом перечне претензии к налоговым льготам маломощным хозяйствам, бесспорно, стояли на первом месте.

Резкое, 25 %-е повышение сельскохозяйственного налога в 1924 г. стало, по-видимому, главной причиной радикализации крестьянства, переросшей в политический кризис и заставившей власти весной следующего года пойти на либерализацию аграрной политики. Более того, уже летом 1924 г. правит-

ельство объявило в связи с неурожаем о сокращении суммы налога более чем в полтора раза. Согласно традиционной версии, дальнейший рост крестьянского недовольства уже объяснялся обстоятельствами, казалось бы, не связанными с налоговой политикой. Однако ставшие в постсоветское время доступными для историков документы Наркомата финансов опровергают такое представление. Как следует из рабочих комментариев финансового ведомства к проекту будущего закона о сельхозналоге, в действительности никакого снижения налогообложения не произошло, поскольку «ни таблицы ставок, ни установленные разряды не изменились». Поэтому крестьяне были вынуждены уплачивать сельхозналог, размеры которого определялись, исходя из первоначальной суммы в 470 млн руб., а не из пересчитанной в соответствии с объявленной новой цифрой в 335 млн. Разумеется, столь серьезные недоработки фискальных органов имели достаточно болезненные последствия для населения и сводки с мест могут послужить лучшим тому свидетельством.

Вспышка крестьянского возмущения побудила политическое руководство в 1925 г. к непродолжительной либерализации политики в аграрной сфере и, прежде всего, в проведении налоговой политики: сокращение сельхозналога более чем на 40 %, повышение возраста облагаемого скота и снижение коэффициентов перевода его поголовья в единицу земельной площади, установление удобных для земледельца сроков уведомления о размерах причитающихся платежей (не осенью, а летом) и др.

Экономические уступки позволили сбить накал протестных настроений среди крестьян, но преодолеть его недоверие к правящей партии не удалось. Более того, непоследовательность и половинчатость мер в рамках провозглашенного курса под лозунгом «лицом к деревне» стали благодатной почвой для распространения призывов к организации Крестьянского союза. На таком фоне предпринятое в 1926 г. «закручивание гаек» при обложении сельхозналогом, с одной стороны, усилило оппозиционность крестьян, а с другой – спровоцировало всевозможные проявления саботажа: от сокрытия источников дохода и отказа

принять окладные листы до ограничения масштабов хозяйственной деятельности потребителем минимумом и забрасывания пашни. Показательно, что если в 1924 г. было зарегистрировано 139 случаев агитации за «Крестьянский союз», то в 1926 г. их количество возросло до 1562, а за восемь месяцев 1927 г. – достигло 1565. По признанию властей, более половины выступавших с этим требованием являлись середняками и бедняками, то есть представителями тех слоев деревни, на поддержку которых большевистские лидеры больше всего рассчитывали в проведении своей аграрной политики.

УДК 94(47).084.3/084.5

В.Я. Филимонов¹

Налоговая политика государства и «антигородские» настроения крестьянства в годы нэпа

Анализируются «антигородские» настроения крестьянства в годы нэпа. Сделан вывод, что недовольство крестьянства налогообложением чаще всего выражалось в крайне негативном отношении к жителям городов, что заставляло государство корректировать аграрную политику.

Ключевые слова: крестьянство, «антигородские» настроения, налогообложение, хлебозаготовки, нэп.

В условиях нэпа одним из выражений недовольства крестьянства политикой советской власти являлось оживление «антигородских» настроений. Их основой стали различия в городском и деревенском образах жизни, налогообложении.

В первые годы нэпа обострение противоречий между городом и деревней было связано с разрухой, хозяйственным упадком. Петроградский губком РКП(б) сообщал, что в ходе разъяснительной кампании по продналогу приходилось встречаться с заявлениями, что «все тяготы налогов несут крестьяне, а рабочие этого не не-

¹ *Филимонов Виктор Яковлевич*, доктор исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, vjfilim@yandex.ru, Россия, г. Калуга.

сут», призывами отказаться от уплаты налогов, так как за их счет «коммунисты шьют себе галифе».

При этом внутридеревенские антагонизмы как бы отступали на второй план, а в ходе так называемых колебаний середняка фактор известной «солидаризации» деревни в целом мог проявлять себя более широко. «Деревня глядела на город уже не двуликим Янусом, одно лицо которого высказывало расположение к пролетарскому городу, а другое – кулацкую ненависть: у деревни появилось некоторое общее выражение, которое отнюдь не было выражением готовности идти за пролетарским городом при всяких условиях», – так писал об этом один из участников событий того времени [1, с. 39].

Экономические уступки крестьянству, предоставления свободы хозяйствования, льготы по налогообложению способствовали уменьшению степени враждебности крестьянства по отношению к городу, ибо сельский житель видел, что из города исходит инициатива в деле хозяйственного возрождения деревни.

Новый всплеск «антигородских» настроений в деревне был связан с «ножницами цен» в 1923 г. Для того, чтобы их преодолеть в конце 1923 г. началось повышение заготовительных цен на хлеб. Эти меры положительно сказались на рыночных хлебозаготовках. В 1923/24 гг. по сельхозналогу натурой поступило только 116 млн пуд. хлебопродуктов, а 300 млн пуд. было заготовлено путем государственной и кооперативной торговли (в 1922/23 гг. эта цифра составляла всего 79 млн пуд.).

Регулирование рыночных и кредитных отношений осуществлялось в неразрывной связи с налоговой политикой Советского государства. Законодательство в данной сфере основывалось на учете интересов жителей города и деревни, источников и масштабов доходов различных категорий населения и социальных групп. В 1922/23 г. помимо подоходно-поимущественного налога и рентного обложения в городах могли взиматься: 1) налог со строений (частных, кооперативных и государственных) в размере не выше 1 % стоимости построек; 2) налог со скота (кроме лошади) – 1 руб. 50 коп. – с крупного рогатого скота и 30 коп. – с мелкого; 3) с извозного промысла (свыше 5 руб. за полугодие за лошадь); 4) с выездных экипажей (не выше 10 руб. в по-

лугодие); 5) с велосипедов, яхт, автомобилей (50 коп. в полугодие); 6) с промышленных садов и огородов (в Москве и Петрограде 0,5 коп. с 1 кв. сажени, в других городах – 0,2–0,3 коп.). Кроме того, взималась арендная плата за земли, занятые частными предприятиями в черте города, прописочный сбор и др.

В деревне основным и практически единственным видом обложения был сельскохозяйственный налог, взимаемый в начале в натуральной, а затем – в денежной форме. Совершенствование системы расселения создавало предпосылки более четкой дифференциации налоговой политики применительно к городским и сельским условиям.

В интересах сельскохозяйственного населения, проживавшего на территории городов, местным органам власти было разрешено освобождать их хозяйства от подоходно-поимущественного налога, заменяя его сельскохозяйственным налогом. По мере роста доходности городского населения, увеличения обложения частного предпринимательства, сокращался удельный вес поступлений в бюджет от сельхозналога, а значит, должны были расти свободные товарные излишки крестьянских хозяйств и соответственно увеличиваться емкость деревенского рынка. Г.Я. Сокольников в докладе на Всесоюзном совещании в Москве (июль 1924 г.) утверждал: «благодаря системе прямых налогов в городах», являющихся орудием «регулирования капиталистического накопления», налоговые поступления от деревни в бюджете на 1924/1925 гг. составили 1/3 часть [2, с. 14]. Общая сумма сельскохозяйственного налога в этом году определялась в 400 млн руб. В целом это равнялось 10 % всей стоимости продукции крестьянских хозяйств или 1/3 платежно-покупательной способности деревни. Таким образом, предполагалось, что 2/3 свободных средств деревни может направить на покупку городских товаров¹.

В действительности обстановка на рынке в 1924/25 г. сложилась не так, как предполагалось, и главным дестабилизирующим фактором вновь стали хлебозаготовки. Формирующийся нэповский механизм заявлял о себе очередным (после 1923 г.) циклом кризисного развития, разрешение которого требовало взвешенно-

¹ Социалистическое хозяйство. 1924. № 5. С. 14.

го, сбалансированного подхода. «Есть основания думать, – писал в 1925 г. Н.Д. Кондратьев, – что в данный момент мы находимся в такой полосе, когда между индустрией и городом с одной стороны, и между сельским хозяйством и деревней, с другой – намечился некоторый новый конфликт, намечилась тенденция изоляции деревни от города и наоборот» [3, с. 41].

В 1924 г. валовый сбор зерна по РСФСР составил 1797 млн пуд., т.е. на 3,8 % меньше, чем в 1923 г. Товарная же часть валовой продукции сельского хозяйства возросла в 1924/25 г. по сравнению с предшествующим в 2,1 раза (увеличение шло, главным образом, за счет роста производства технических культур). На хлебном рынке возникла «напряженность спроса», что повлекло за собой увеличение цен на хлеб: осенью 1924 г. цены на рожь, овес, пшеницу возросли более, чем в 2 раза, а в мае–июне 1925 г. снизились только на 2–10 %.

Своеобразие ситуации, сложившейся на рынке в 1925 г., состояло в том, что «товарный голод» носил двухсторонний характер: не хватало как промышленных товаров, так и продуктов сельского хозяйства.

В середине 1920-х гг. задачу преодоления «антигородских» настроений крестьянства пришлось решать в условиях хозяйственного и политического оживления деревни. Поэтому проблема обеспечения политической поддержки города приобрела иной характер: на первый план выдвигались задачи регулирования социально-экономических процессов в деревне, более жесткой дифференциации налоговой политики по отношению к различным социальным слоям сельского населения. Руководством Советского государства была поставлена задача повышения уровня консолидации бедноты, как ядра деревенского актива, проведения дополнительных мер по привлечению на сторону советской власти середняка и ограничению капиталистической тенденции мелкокрестьянской деревни.

В сознании крестьянства понятие «город» все более отождествлялось с понятием «власть», а «антигородские» настроения трансформировались в недовольство режимом.

Литература

1. Большевик. 1924. № 1.

2. Кондратьев Н.[Д.] Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1924. № 5.

3. Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.

УДК 94(47).084.3

Е.Г. Иванова¹

Протестные формы поведения крестьян в процессе самообложения в пользу кресткомов в начале 1920-х гг.

Анализируются протестные формы поведения крестьянства при создании материальной базы Комитетов крестьянской взаимопомощи в начале 1920-х гг. Особое внимание уделяется показу способов формирования фондов кресткомов в условиях отказа от практики самообложения.

Ключевые слова: Комитеты крестьянской взаимопомощи, самообложение, протестные формы поведения.

В начале 1920-х гг. деревня переживала последствия голода и разрухи. Власти, изыскивая источники финансирования, использовали сложную систему налогов и повинностей. Крестьяне стремились минимизировать обложение собственных хозяйств, что неизбежно приводило к противоречиям с государством. Не стала исключением деятельность крестьянских обществ взаимопомощи, которые были обязаны создавать собственные материальные и денежные фонды. Основным источником их формирования «Инструкция Крестьянского Комитета Общественной Взаимопомощи» (ККОВ) от 27 мая 1921 г. называла обязательное самообложение. Отказ от него предусматривал меры морального воздействия, принудительное взыскание необходимых средств через органы власти, сельсоветы, волисполкомы и милицию. Комитеты составляли списки с указанием названий населенных пунктов, количества душ, земельной площади, а также размера и формы само-

¹ Иванова Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, МБОУ «Гимназия», ivanova_eg@inbox.ru, Россия, г. Обнинск.

обложения, принятого на сходе, и учитывали уклоняющихся от внесения определенной доли.

Крестьяне выражали недовольство фискальной политикой государства. К наиболее распространенным формам протеста можно отнести жалобы на размер или дифференцированный подход к самообложению, так как это шло вразрез с традиционными представлениями об уравнительном сборе средств в общине. В докладе Брянского ГубКОВ от 1 июня 1923 г. сообщалось, что зажиточные граждане, недовольные размером самообложения, «засыпали» органы власти жалобами.

Частой формой выражения недовольства был отказ отдельных хозяйств участвовать в самообложении. Так, Юхновский уездный КОВ Смоленской губернии постановил собрать для поддержания обществ взаимопомощи по 25 коп. в их фонды. Сдавшие деньги зажиточные крестьяне, после того как узнали, что помощь будет выдаваться только бедноте, забрали их обратно.

В зависимости от экономической ситуации в регионе сельский сход мог приостановить сбор средств в фонд или вовсе отказаться от самообложения. Так, на Войловском собрании граждан Жиздринской волости Калужской губернии в феврале 1923 г. было решено приостановить сбор хлеба в фонд ККОВ «ввиду больших налогов». Активный протест возник после принятия циркуляра № 128 о содержании сотрудников комитетов за счет фондов самого комитета. В протоколе Сильковичского волостного комитета Смоленской губернии в августе 1922 г. отмечалось, что «фонд в размере 100 пудов различных культур был создан с трудом, но когда стало известно, что из него должно выплачиваться содержание работникам, то комитеты отшатнулись от фондов, говоря, что они будут проедены ККОВ».

Своеобразие ситуации заключалось в том, что крестьянство разделяло мнение властей о необходимости оказывать помощь сельчанам, оказавшимся в трудном положении, но протест вызывал формальный подход к решению проблемы. В 1923 г. в ряде мест Брянской губернии сельские жители, минуя ККОВ, организовывали дополнительные сборы средств по подписным листам, которые использовали для помощи односельчанам.

Крестьяне, избранные в комитеты взаимопомощи, стремились максимально сгладить возникавшие противоречия и выровнять баланс интересов властей и сельского населения. Так, для сельчан, не имевших возможности внести свою лепту в кресткомовский фонд по причине бедности, предусматривалось освобождение от взноса с обязательной последующей отработкой долга в порядке трудовой помощи по указанию Комитета.

Желая принудить состоятельных неплательщиков к внесению взноса, члены комитетов применяли различные меры наказания: штраф, двойной или тройной размер обложения, отказ в содействии при получении луговых угодий, двойная плата за выдачу каких-либо документов.

С целью восполнения недостатка средств, в Калужской губернии дополнительными сборами в фонд ККОВ были обложены свадьбы и предметы роскоши в лавках и кооперативах, в Брянской губернии практиковалось дополнительное обложение кустарей, владельцев мельниц и других предприятий. В Мещовском уезде владельцы обнаруженных самогонных аппаратов штрафовались сдачей в фонд комитета 2 пуд. хлеба, арендаторы мельниц должны были выплачивать по 12–15 пуд. муки в год.

Поскольку самообложение в первый период работы ККОВ носило добровольный характер, то члены кресткомов пытались изыскать способы иного получения средств, учитывая специфику регионального развития. Ежемесячные сборы с населения заменялись доходами от использования предприятий сельскохозяйственного назначения, запашки общественного клина, сдачи в аренду имущества, принадлежащего кресткомам. Однако, несмотря на усилия руководства органов взаимопомощи примирить сознание крестьян с самообложением, большинство сельских жителей расценивали эту практику как дополнительную повинность, мешавшую сосредоточить усилия на восстановлении хозяйств в первые годы нэпа.

УДК 94(47).084.5

*А.В. Берлов*¹

**Фискальная политика Советской России и «ножницы цен»
в оценках ученых русской эмиграции 1920-х гг.**

Анализируются взгляды ученых русского зарубежья на дисбаланс цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами, возникший в советской экономике в годы нэпа.

Ключевые слова: налоги, фискальная политика, «ножницы цен», товары, русская эмиграция.

После окончания Гражданской войны экономическая система Советской России находилась в состоянии глубокого кризиса, вызванного разрухой, высоким уровнем инфляции, сокращением внешнего финансирования, отсутствием квалифицированных специалистов, некомпетентностью правящей советской бюрократии, не сумевшей найти баланс между различными отраслями производства. Уже на второй год нэпа, несмотря на крайне низкое качество, промышленные товары, если рассчитать их цену в пудах пшеницы, стоили в два раза дороже, чем в довоенный период. Этот разрыв, получивший название «ножниц цен», оказался закономерным следствием фискальной политики большевиков, результатом их особого взгляда на статус крестьянства и рабочего класса в советском обществе.

Пролетарское государство объявило непримиримую борьбу с «мелкобуржуазной» стихией крестьянского мира, поставив сельских товаропроизводителей в заведомо невыгодные условия игры на рынке. В разгар нэпа цены на промышленные товары составляли 276 % от уровня 1913 г., в то время как цены на сельскохозяйственные товары – только 89 %. Результат подобной политики был легко предсказуем: крестьяне перестали продавать зерно свыше того, что им было нужно для уплаты налогов. Страна оказалась перед реальной угрозой продовольственного кризиса.

¹ *Берлов Артур Валерьевич*, кандидат исторических наук, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@yandex.ru, Россия, г. Москва.

Фискальная политика большевиков получила неоднозначные оценки ученых-экономистов русского зарубежья. Единым было мнение о том, что советская промышленность фактически находилась на иждивении государства и поддерживала свое существование за счет эксплуатации более рентабельного аграрного сектора экономики. Например, П.Н. Милуков писал о «диктатуре города над деревней», «искусственном подчинении крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской бюрократии». Главный смысл нэпа русские ученые видели в нарушении «бюджетного равновесия» в пользу промышленности, что создавало регулярные кризисы в аграрном производстве. В 1924 г. кризис сбыта сменился товарным голодом, что свидетельствовало о провале плановости в советской экономике. Экономисты русского зарубежья обвиняли большевиков в том, что советская промышленность не могла развиваться самостоятельно и «сидела как паразит на крестьянском хозяйстве»¹.

Определенные послабления налоговой политики советской власти в деревне в середине 1920-х гг. аналитики русской эмиграции связывали с необходимостью возобновления вывоза хлеба за рубеж. Экспорт сельхозпродукции являлся для советского руководства «боевым фронтом», необходимым для получения средств на нужды модернизации промышленности. Для завоевания былых позиций на международном хлебном рынке требовалось выдержать серьезную конкуренцию, что привело к принятию поощрительных мер аграрного производства, а также снижению пошлин на вывоз некоторых видов сельхозпродукции. Однако советская власть не торопилась давать крестьянам «чрезмерную» экономическую свободу. Экономисты влиятельной эмигрантской газеты «Дни» писали о том, что большевики не заинтересованы в сытой деревне, которая могла бы сама устанавливать цены на хлебном рынке, свободно участвовать во внутренней и внешней торговле. Теоретики эмигрантской газеты «Руль» отмечали, что хронический кризис сбыта был следствием малой покупательной способности крестьян из-за высоких цен: «мужики боятся завести лиш-

¹ Последние новости. 1923. 8 нояб.; 1924. 8 окт.

ною корову – в кулаки запишут. Советский режим сознательно держит крестьян в железных тисках голода и разрухи».

Наиболее точно полярность интересов советской власти и крестьянства в годы нэпа передал Б.Д. Бруцкус: «Экспорт хлеба – неизбежная необходимость, однако крестьянину принесет не очень большую пользу. Он не может существенно повысить цены на хлеб на внутреннем рынке. От вывоза выиграет многочисленный слой «торгующих коммунистов», которые командуют всей экономической жизнью страны. А крестьянину останутся ножки да рожки. Так как цены для заграницы и закупочные цены не соответствуют». Экономисты русского зарубежья справедливо рассматривали налоговую политику советской власти, главным образом с точки зрения политического интереса: «...большевики стремились сохранить коммунизм в капиталистическом мире. Им нужна передышка, чтобы продержаться до мирового переворота. Поэтому они идут на уступки мелкобуржуазной крестьянской стихии»¹.

Таким образом, уже в середине 1920-х гг. наиболее дальновидные ученые русского зарубежья приходят к выводу о том, что нэповская система исторически обречена и рыночный вариант советской модернизации в долгосрочной перспективе не сможет стать реальностью.

УДК 94(47).084.5

*А.А. Иванов*²

Общинное самообложение в доколхозной деревне по материалам Наркомата РКИ РСФСР

Рассматриваются информативные возможности материалов обследования Наркоматом РКИ РСФСР взаимоотношений сельских советов и земельных обществ 1920-х гг. для реконструкции форм и сущности общинного самообложения в доколхозной деревне.

¹ Последние новости. 1923. 3 июля; 10 авг.; Дни. 1926. 19 янв.; Руль. 1923. 26 нояб.; 1925. 21 февр.

² *Иванов Алексей Ананьевич*, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

Ключевые слова: крестьянство, самообложение, доколхозная деревня, НК РКИ, источники.

Материалы специального обследования Инспекции советского строительства Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) РСФСР 1926/27 г. благодаря своей содержательной стороне и территориальному охвату (12 губерний, 39 уездов, 108 сельских советов, 200 земельных обществ) привлекают все большее внимание исследователей доколхозной деревни. Помимо своей основной задачи – «установление основных положений, уточняющих права и обязанности и устраняющих параллелизм в работе сходов, сельсоветов и земельных обществ», программа обследования не могла обойти вниманием такой важнейший компонент повседневной жизни нэповской деревни, как внутриобщинные платежи и повинности сельского населения.

Общинное самообложение, в качестве основного вида подобных платежей, являлось главным источником формирования бюджетов земельных обществ и, соответственно, фактором их экономической независимости от официальных органов управления на селе в 1920-е гг. По итогам обследования НК РКИ подавляющее большинство традиционных сельских сообществ и России, и Украины «в противовес сельским советам имели собственные общественные суммы, пополняемые путем самообложения, а также хозяйственного использования разного рода общественных имуществ». При этом основным источником пополнения общественных капиталов (до 80–90 % их суммы) являлись средства, собранные по самообложению. Показательно, что нередко эти суммы достигали внушительных размеров и использовались не только на нужды земельных обществ, но и сельских советов вплоть до уплаты их долгов. Общая сумма, собираемая по ним в 1926/27 финансовом году, оценивалась в масштабах СССР Наркомфином в 80 млн руб., а по данным самого НК РКИ она составляла более чем 100 млн руб.

Само по себе самообложение такой же неперемный атрибут жизни любой общины, как и, например, периодические переделы

земли. До второй половины 1920-х гг. (до момента обследования) сельское самообложение носило адресный или целевой характер, осуществлялось как в денежной, так и в натуральной форме, в том числе и в форме отработок, и проводилось в связи с конкретными мероприятиями. Богатый материал о порядке проведения и формах самообложения нашел отражение в первичных данных, собранных в ходе обследования НК РКИ – экстрактах протоколов сельских сходов и протоколов заседаний сельских советов, выявляемых по каждому земельному обществу.

Отличительной особенностью крестьянского самообложения в первой половине 1920-х гг. был его повсеместный уравнительный характер. Традиционная уравнительность, принцип так называемой крестьянской справедливости, в противовес навязываемым классовым критериям была по-прежнему основой крестьянского мироощущения в любых коллективных действиях. В зависимости от конкретных обстоятельств материалы обследования зафиксировали множество вариантов именно уравнительного самообложения: подушно (по едокам), по хозяйствам (по домам, по «дымовым трубам»), поштучно (с головы крупного рогатого скота) и т.д. Так, по данным обследования земельных обществ в Марийской АО обнаружилось, что собранные по самообложению средства использовались на охрану лесов местного значения, охрану и очистку лугов, землеустройство, содержание сельуполномоченных, пожарных, старост. Самообложение проводилось по едокам и по дворам без дифференциации по состоятельности хозяйства. Аналогичная картина наблюдалась и по другим обследованным губерниям и областям. По Тверской губернии инспектора РКИ констатировали, что «все решения схода имеют направление в пользу более крепкого середняка, ибо нивелируют все дворы при исполнении общественных работ и раскладок; например, изгороди при исправлении делятся по облагаемой пашне, при оплате быка все равно платят и т.д.; бедняки и маломощные должны везде равняться со средняками и сильными, и им никогда никаких льгот сходом не дается»¹.

¹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 1. Д. 760. Л. 40.

Подобного рода самообложение как исторически присущая общинным организациям сельского населения России форма удовлетворения общедеревенских потребностей расходилась с новыми установками аграрного курса государства в плане подготовки предпосылок к массовому производственному кооперированию и ликвидации политических оппонентов («кулаков») и вообще любой возможной организованной оппозиции (земельных обществ) на селе. Не в последнюю очередь благодаря обследованию Инспекции советского строительства НК РКИ 1926/27 г. еще до массовой коллективизации сельского хозяйства рядом законодательных актов первоначально была проведена легализация самообложения, а в последующем приняты меры к его обязательности и определению направлений использования под контролем местных органов советской власти.

УДК 94(47).084.5

*Л.В. Алиева*¹

Правовая природа самообложения в деревне 1920-х гг.²

Анализируется правовая природа самообложения общинного крестьянства в 1920-е гг., которое являлось важнейшим элементом общинного самоуправления. Сделан вывод, что в конце десятилетия оно было включено в государственную бюджетную сферу.

Ключевые слова: община, самообложение, крестьяне, государственная фискальная система.

В северо-западной деревне 1920-х гг. большая роль принадлежала общине, которая по всем параметрам своей деятельности представляла собой типичную для этого региона мирскую организацию крестьян-единоличников, решавшую, как и прежде, многочисленные проблемы, возникавшие в повседневной практике крестьянского общества. Решение данных проблем требовало фи-

¹ Алиева Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, rada510@rambler.ru, Россия, г. Псков.

² Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11-60008) и Государственного комитета Псковской области по культуре.

нансовых ресурсов, поэтому высшим распорядительным органом земельного общества – сельским сходом – регулярно принимались решения о сборе денежных средств для удовлетворения собственных нужд. Таким образом, самообложение было традиционным, органически присущим крестьянской общине способом удовлетворения различных потребностей деревни. При этом расходы на самообложение считались вполне естественными и нареканий со стороны крестьянства не вызывали.

29 августа 1924 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд», которое узаконивало проведение самообложения исключительно на началах добровольного соглашения граждан. Участие местных финансовых и административных органов в проведении самообложения на всех этапах воспрещалось.

Однако уже менее чем через три года, 24 августа 1927 г., Постановлением ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения» вводилось обязательное самообложение для всех граждан селения. Помимо обязательности, данное постановление предусматривало сбор и расходование собранных средств сельскими советами. Пункты 5, 6, 7 и 9 постановления демонстрируют законодательное усиление роли сельсоветов в деревне. Данный документ подтверждает тенденцию к использованию самообложения в качестве важного средства дополнительного налогообложения крестьянства и утрате добровольности и принципа демократизма в самообложении.

Данная тенденция была усилена принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. «О порядке самообложения населения». Оно не только вводило классовый принцип самообложения, но и отвергало на законодательном уровне принцип уравнительности, которого придерживались сельские сходы. Опыт проведения самообложения заставил законодательно прописать и сроки проведения самообложения, поскольку в предшествующий период они чрезмерно затягивались. Этим же документом руководство самообложением было передано в налоговое управление наркомата финансов, что привело к окончательному приданию «добровольным сборам» налогового характера.

Постановлением от 10 января 1928 г. общий размер самообложения устанавливался в размере, не превышающем 35 % общей суммы сельхозналога конкретного села (за вычетом льгот и скидок). Однако он мог быть и увеличен по инициативе местных органов власти.

В рамках рассматриваемого периода по вопросам самообложения 2 сентября 1929 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, которое расширило перечень льготников при раскладке самообложения, четко прописало процедуру взимания денежных средств, связав ее с уплатой единого сельскохозяйственного налога, а также увеличило размер самообложения до 50 % от суммы сельхозналога.

Несмотря на столь быстротечную трансформацию добровольных разовых платежей граждан, осуществляемых для решения конкретных вопросов местного значения, в установленный государством обязательный платеж, со стороны властей продолжались попытки позиционировать навязываемое самообложение как добровольный почин сельского населения, что вызывало протест крестьянства.

Самообложение приобрело внеэкономический характер и превратилось в своеобразный рычаг давления на общину по отчуждению крестьянской собственности в пользу государства. Это провоцировало протестные выступления крестьян. Возмущение политикой государства в данной сфере в первую очередь было обусловлено представлениями общинного крестьянства о справедливости.

Таким образом, вплоть до середины 1927 г. самообложение являлось важнейшим элементом общинного самоуправления в деревне. С утверждением «налогового» принципа раскладки оно было включено в государственную бюджетную сферу, а община отстранена от исчисления, разверстки и сборов по самообложению, окончательно превратившемуся в один из элементов государственной фискальной системы.

УДК 94(47).084.5

С.А. Есиков, М.М. Есикова¹

**Влияние налоговой политики
на хозяйственное положение деревни в 1920-е гг.**

Рассмотрены главные принципы формирования сельскохозяйственного налога. Анализируется взаимосвязь размеров земли и тяжести обложения. Делается вывод о том, что экономическое и политическое поощрения бедноты вступало в противоречие со стремлением крестьян к созданию крепкого хозяйства.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, аграрная политика, налоговая политика, налогообложение, сельскохозяйственный налог.

Классовая направленность налоговой политики в деревне не способствовала восстановлению хозяйства, активному развитию хозяйственной инициативы крестьян. С одной стороны, она характеризовалась неоправданным расширением налоговых льгот для малоимущих слоев крестьянского населения. Беднота получала значительные льготы, вплоть до полного освобождения от налогов (при посеве не более 1 дес. на хозяйство). Так, в 1922–1923 гг. число освобожденных от налога бедняцких хозяйств составило около полумиллиона дворов, т.е. 3 % всех крестьянских хозяйств страны, в 1923–1924 гг. – уже 2,2 млн (14 %). В 1925–1926 гг. от налога было полностью освобождено 5,5 млн бедняцких дворов или 23,5 % всех крестьянских хозяйств. В 1927 г. доля освобожденной от налога бедноты достигала уже 35 % от общего числа деревенских домохозяев. Вся тяжесть возросшего сельхозналога полностью перекладывалась на плечи основной массы середнячества и зажиточного крестьянства, а рецидивы «комбедовщины» обостряли и без того непростые внутридеревенские отношения, усиливая недоверие к властям.

Помимо налоговых льгот беднейшим крестьянским семьям оказывалась значительная материальная помощь со стороны государства, тратившего на эти цели миллионы рублей. Во многих случаях

¹ *Есиков Сергей Альбертович, доктор исторических наук; Есикова Милана Михайловна, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, milana.61@mail.ru, Россия, г. Тамбов.*

подобные меры были экономически и социально оправданы. Однако абсолютизация идеологических, классовых мотивов в налоговой политике приводила к укреплению иждивенческих настроений среди беднейшей части крестьянства. Проявление такой «любви» властей к социальным низам нэповской деревни в большинстве случаев плодило паразитический слой крестьянства. Спекулируя на своей показательной бедности, они использовали государственную поддержку лишь для непроизводительного потребления. Поэтому основная масса крестьянства осуждала подобную практику.

С другой стороны, в отношении экономически крепких слоев крестьянства налоговое законодательство предусматривало значительное увеличение прогрессивности налогообложения. Прогрессивность выпячивалась и в технике налогообложения: сначала облагалась пашня, затем ставки для верхних групп все повышались, достигая восьмикратного разрыва по сравнению с низшей группой, с которой начиналось обложение.

Принятые в 1921–1922 гг. законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, а также о земельных порядках, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для подъема сельского хозяйства. Однако последствия семилетней военной разрухи и засуха 1921 г., породившие голод, исключали возможность скорого и легкого выхода из тяжелого кризиса.

С переходом к нэпу деревне разрешалось более свободно распоряжаться своими доходами, но по-прежнему крестьянин оставался в подчиненном положении, так как на нем лежала вся тяжесть налоговых платежей. В условиях хозяйственной разрухи отмена продразверстки, означавшая признание за крестьянином права свободного распоряжения производимым им продуктом, не была и не могла быть полной. В продовольственном налоге, введенном в 1921 г. и сохранившемся в 1923 г., было немало от продразверстки. Общим для них являлись их натуральный характер и прямая подчиненность задачам не фискальным, а продовольственным. Продналог был единственным источником средств для экономического восстановления страны. По сравнению с продразверсткой продналог с самого начала был

весьма умеренным, тем не менее, для разоренной, жившей впроголодь деревни его взимание было тяжким бременем. Продналог, как и продразверстка, лишь перераспределял возможности полугодного существования. Первая половина 1920-х гг. была периодом становления налогового аппарата и системы прямого обложения. Главная цель налоговой политики – охватить как можно больше субъектов и по возможности четко и точно вести их учет. Это стремление привело к расширению системы прямых налогов, качество их при этом не улучшилось.

Серьезным испытанием для правящей партии в экономике стал кризис 1923 г., показавший всю примитивность налоговой системы. Сыграл свою роль высокий уровень обложения для отдельных хозяйств. Внесение налога натурой стесняло хозяйственную деятельность крестьян и вынуждало правительство содержать громоздкий и дорогостоящий налоговый аппарат. В 1923–1924 гг. деревня переживала мучительный переход к единому сельхозналогу. Ситуация значительно осложнялась засухой и голодом в 1924 и 1925 гг. Внутренняя структура сельскохозяйственного налога сдерживала и ограничивала рост доходов и проникновение товарно-денежных отношений в деревню. Так как налог затрагивал большинство деревенского населения, то тенденция перекачки средств из деревни в город набирала силу и способствовала переходу к жестким мерам. Взыскание налога сопровождалось принуждениями, арестами, конфискациями. Тем не менее, с середины 1920-х гг. налоговая проблема утратила былую остроту. В экономических отношениях решающая роль перешла к различным формам товарообмена. Это привело к реформе сельскохозяйственного налога с 1926/27 окладного года: к обложению совокупного дохода и определению его в денежной форме. С рубежа 1927–1928 гг. начались чрезвычайные хлебозаготовки, означавшие отход от нэпа и его принципов.

Налоговая политика на протяжении периода нэпа, во-первых, ярко выражала своеобразно понимаемый принцип социальной справедливости: все налоги, как прямые, так и косвенные, главной тяжестью перекладывались на плечи более зажиточного населения; во-вторых, начиная с 1925 г. была подчинена задаче постепенного аккумуля-

лирования средств для реконструкции и дальнейшего развития тяжелой промышленности. В то же время необходимо отметить, что налоговая политика строилась с расчетом не подорвать заинтересованность налогоплательщиков в их хозяйственных операциях, и лишь в конце 1920-х гг. этот принцип был принесен в жертву укреплению и расширению социалистических элементов хозяйства.

УДК 94.1/9(470.62).084.3/084.5

*О.В. Бершадская, Т.Н. Сидоренко*¹

Особенности налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы нэпа

Рассматриваются особенности осуществления налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа. Сделан вывод, что налоговая политика государства не учитывала его региональные особенности.

Ключевые слова: налоговая политика, крестьянское хозяйство, черноморская деревня, нэп.

Налоговая политика оказывала значительное влияние на социально-экономические процессы в черноморской деревне в годы нэпа. План продналога на 1921 г. предусматривал сдачу определенного количества хлеба, мяса, овощей, тогда как разоренные войной крестьянские хозяйства могли поставлять только дикорастущие фрукты и каштаны. 15 июля 1921 г. Кубано-Черноморский облисполком составил «таблицу замены», из которой следовало, что 1 пуд пшеницы можно заменить 1 пудом сушеных яблок, или 2,5 пудами дички, или 2 пудами каштанов, или 1,5 пудами орехов. Несмотря на то, что плановые задания соответствовали «таблице замены», их размер не учитывал реальных возможностей крестьянских хозяйств округа, которые

¹ *Бершадская Ольга Владиславовна*, кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации, berscholl@mail.ru, Россия, г. Краснодар; *Сидоренко Таисия Николаевна*, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

находились на стадии восстановления. К неплательщикам применялись такие меры наказания как штрафы, привлечение к судебной ответственности, размещение на постой воинских частей. Среди крестьян, привлеченных к ответственности, большинство составляли бедняки, что исключает классовую подоплеку в применении мер наказания.

С 1922 г. в налоговой политике начинают проявляться компромиссы и некоторые уступки крестьянству. Кубано-Черноморский облисполком постановил при налогообложении учитывать количество земли на хозяйство, наличие или отсутствие семян, инвентаря, рабочих рук. В зависимости от этих показателей хозяйства могли быть частично освобождены от несданного налога. Полностью освобождались от уплаты недоимки беднейшие хозяйства, а также пострадавшие от стихии или военных действий.

В апреле 1922 г. множество отдельных налогов заменялись единым натуральным налогом, была установлена единая весовая мера – пуд ржи, к которому приравнивались другие продукты сельхозпроизводства. Это изменение было актуально для черноморской деревни с ее специфической отраслевой структурой сельского хозяйства.

Год спустя был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). В июле 1923 г. принимается решение о списании всех недоимок, числящихся за населением по натуральным налогам 1921 г. В Черноморском округе льготы распространялись почти на 11 тыс. крестьянских хозяйств, что, по данным окружного комитета РКП(б), позитивно повлияло на отношение крестьян к Советской власти.

В июле 1924 г. руководство округа установило в качестве объекта обложения площадь пахотной земли. В следующем, 1925 г., объектом обложения ЕСХН в черноморской деревне стал посев. В результате сумма налога понизилась не для бедноты, а для более зажиточных крестьян, которые засевали свои земли не полностью.

«Классовая линия» в налоговой политике стала отчетливо проявляться с 1926 г. В 1926/27 г. ставка ЕСХН в целом по округу была понижена на 23 % для 46,6 % хозяйств, признанных бедняцкими и маломощными середняцкими. Для 32,8 % середняцких хо-

зяйств налог остался на уровне прошлого года, для 30,6% зажиточных хозяйств – был увеличен.

В середине 1920-х гг. обозначилась серьезная проблема, специфичная для черноморской деревни: ЕСХН не был дифференцирован и не учитывал возможности и уровень благосостояния крестьянских хозяйств, расположенных в разных природно-экономических зонах округа. В 1927 г. все районы округа не выполнили план по сбору налога. Были предприняты меры к принудительному взысканию, которые выразились в составлении описей имущества, его изъятии и продаже с торгов.

Постановлением ЦИК СССР от 21 апреля 1928 г. вводилось новое положение о ЕСХН на 1928–1929 гг. Основные изменения заключались, прежде всего, в усилении классового принципа. Применительно к черноморской деревне существенное значение имело повышение суммы налогов на производство специальных культур и неземледельческие занятия, которые в большинстве крестьянских хозяйств являлись главным источником дохода. Налоговый пресс ставил определенные ограничения для повышения благосостояния населения черноморской деревни.

УДК 94(47).084.3/084.5

В.А. Саблин¹

Сельскохозяйственный налог в 1921–1930 гг.: основные этапы эволюции

Рассматриваются вопросы налоговой политики власти в годы нэпа. Проанализированы этапы эволюции сельскохозяйственного налога и пути его превращения в средство административного давления на крестьянство.

Ключевые слова: крестьянство, сельскохозяйственный налог, финансы, земельная рента, нэп.

Постановление ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»

¹ Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, Вологодский государственный педагогический университет, Sablin@inbox.ru, Россия, г. Вологда.

положило начало изменению системы налогообложения деревни. Вплоть до середины 1920-х гг. налог на сельхозпроизводителей носил характер земельной ренты и изымался в натуральных формах (налоговые кампании 1921/22–1923/24 гг.).

Кампания 1924/25 г. совпала по времени с завершением финансовой реформы в СССР. Это позволяло отказаться от натуральных платежей и сделать шаг к подоходному обложению крестьянских дворов. Расширились льготы для малоимущих плательщиков. Основная тяжесть налога падала на середняцкие и зажиточные дворы.

В 1925/26 г. был установлен твердый необлагаемый минимум дохода. Это служило основанием для полного освобождения от налога ряда крестьянских хозяйств. Налоговая кампания 1925/26 г. завершала собой восстановительный этап экономического развития. Фискальный потенциал сельскохозяйственного налога к этому времени был исчерпан.

В 1926/27 г. началась реформа налоговой системы и переход к подоходному обложению. Первый опыт налогообложения по совокупному доходу показал, что государственная политика сделала резкий крен в сторону обременения имущих слоев деревни, все более приобретая политический характер. Основные принципы новой налоговой кампании 1927/28 г. всецело исходили из соблюдения интересов малообеспеченных слоев деревни. Тем более что по октябрьскому 1927 г. Манифесту ЦИК СССР, 35 % бедноты вовсе освобождались от налога, с части бедняцких и середняцких хозяйств слагались или снижались недоимки. Местные налоговые органы проводили в течение всего налогового года «довыявление» объектов обложения в более зажиточных хозяйствах и одновременно изыскивали возможности к освобождению крестьянской бедноты от налога.

Налоговая кампания 1928/29 г. кардинально отличалась от всех предыдущих. В декабре 1927 г. XV съезд партии взял курс на коллективизацию, составной частью которого являлись борьба с кулачеством и ограничение развития капитализма в деревне. На одно из первых мест ставилась задача перехода к прогрессивно-подоходному

обложению деревенских хозяйств кулацкого типа. Многолетняя практика размежевания деревни по классовому критерию дала первые результаты именно в налоговую кампанию 1928/29 г. По ее итогам сумма налога, выплаченная середнячками и зажиточными дворами, значительно превышала аналогичные показатели предыдущих лет.

В 1929/30 г. сельхозналог был призван сыграть важную роль в ликвидации кулачества как класса, официально провозглашенной в конце 1929 – начале 1930 г. генеральной линии партии. Поэтому все фискальные мероприятия в деревне неизбежно приобретали политическую окраску. На местах, с момента опубликования положений о налоге вплоть до весны 1930 г. продолжалось «довыявление» кулаков и «дообложение» основной массы плательщиков налога. Общая сумма сельскохозяйственного налога была увеличена. По существу налоговая практика 1929/30 г. привела к массовому раскулачиванию крестьянства еще до законодательного оформления политики ликвидации кулачества как класса.

Таким образом, со второй половины 1920-х гг. налоговая система превратилась в инструмент разорения и экспроприации зажиточных крестьян. Обратной стороной этой политики явилось установление в деревне политического и экономического культа бедноты. Парадоксальным образом в 1929/30 г. социально-экономическая ситуация в деревне напоминала обстановку начала 1920-х гг.

УДК 94(47).084.5

*И.В. Гончарова, Н.Л. Роголина*¹

Хлебозаготовительная политика Советского государства в Центральном Черноземье в 1927–1929 гг.

Анализируются задачи, направления и последствия хлебозаготовительной политики Советского государства в Центральном Черноземье в конце 1920-х гг.

¹ *Гончарова Ирина Валентиновна*, кандидат исторических наук, Орловский государственный университет, snotra@orel.ru, Россия, г. Орел; *Роголина Нина Львовна*, доктор исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, progalina@mail.ru, Россия, г. Москва.

Сделан вывод, что хлебозаготовки в рассматриваемый период стали прологом коллективизации.

Ключевые слова: хлебозаготовки, крестьянство, власть, репрессии, Центральное Черноземье.

Главным содержанием политики государства в отношении крестьянства в конце 1920-х гг. стала «борьба за хлеб». Три хлебозаготовительные кампании – 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. – отточили формы административного давления на крестьянство, проложив дорогу раскулачиванию и коллективизации.

Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. справедливо рассматривается современными исследователями как завершение нэпа. Причиной кризиса стал отказ от реализации зерна по низким закупочным ценам, прежде всего, со стороны среднего крестьянства. Партийные организации Центральной Черноземной области (ЦЧО) стимулировали раскручивание репрессивного механизма воздействия на крестьянство, главным орудием которого стала «спекулятивная» 107 ст. УК РСФСР. Одновременно происходила мобилизация низового партийного и советского аппарата, приведение его в «боевую готовность» для дальнейшего наступления на деревню. Посредством административного давления на деревню областное руководство добилось выполнения годового заготовительного задания хлебозаготовок. ЦЧО поставила государству 77,8 млн пуд. хлебопродуктов. Удельный вес области в общем объеме централизованных заготовках в СССР в целом увеличился на 7,1 п.п. по сравнению с 1926/27 г.

В ходе хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг. формировалась новая социально-психологическая атмосфера на селе. Важнейшей задачей этих кампаний был социальный раскол деревни. С этой целью политически конструировалась фигура «кулака» и осуществлялась «фаворитизация» бедноты.

Сверхнормативные заготовки шли в ущерб повседневным нуждам населения. Уже летом 1928 г. часть крестьян, в первую очередь бедняки, остались без хлеба. В городах появились хлебные очереди.

Несмотря на сделанные высшим руководством страны летом 1928 г. заявления о необходимости сохранения нэпа с его рыноч-

ным механизмом административный нажим на деревню стал нарастать с самого начала кампании 1928/29 г. Государство создавало систему внеэкономического стимулирования заготовок. Изъятие хлеба в ЦЧО осуществлялось в условиях недорода зерновых. Добровольная сдача хлеба стала отождествляться с лояльностью советской власти. Практиковались «красные обозы» для бедняков, «самообложение» и «самообязательство» для середняков, «твердые задания» для кулаков. Централизованные заготовительные задания разверстывались сначала по районам, а затем по селам. Фактически утвердилась продразверстка образца эпохи Гражданской войны, однако теперь этот институт «военного коммунизма» изображался властями как инициатива, исходящая от деревенских жителей.

Основной целью хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. было ее завершение в предельно сжатые сроки. Централизованные хлебозаготовки в ЦЧО составили 97,7 млн пуд., что на четверть превышало бывшие до этого рекордными показатели 1927/28 г. Добиться этого удалось с помощью широкомасштабного политического, административного и экономического нажима на деревню. При этом изымался не только товарный хлеб, но и часть необходимого для пропитания и хозяйственного оборота хлеба. Репрессии против кулачества в ходе этой кампании стали прологом массового раскулачивания.

Заготовительная политика подрывала стимулы хозяйственной деятельности крестьянства. Антикрестьянские репрессии в Черноземье привели к сокращению посевной площади и поголовья скота. И.В. Сталин и его сторонники в Политбюро ЦК ВКП(б) использовали начавшуюся деградацию сельского хозяйства как дополнительный аргумент против мелкотоварного производства, обосновывая необходимость «Великого перелома». Тем более что в ходе последней хлебозаготовительной кампании 1929/30 г., проведенной в предельно сжатые сроки, власти убедились в возможности решить все проблемы в деревне административными способами. В процессе «борьбы за хлеб» была подготовлена политико-правовая, социально-экономическая и кадровая база коллективизации.

Хлебозаготовительная политика вынуждала представителей сельского социума протестовать, защищая свои экономические, социальные, гражданские права. Формы протеста во многом зависели от

масштабов репрессий на местах, местных социально-экономических условий, от уровня организованности крестьянства. В черноземной деревне общественная обстановка напоминала период Гражданской войны. Протестным движением были охвачены в той или иной степени все слои населения, несмотря на то, что власть пыталась идентифицировать его как проявление кулацкой активности. По характеру стихийных импульсивных акций крестьян можно судить о том, что это не была их война с властью, это была отчаянная попытка сопротивления уничтожению старой деревни и крестьянской жизни.

УДК 94(47).0.84.6

В.А. Ильных¹

Становление и функционирование контрактационной системы (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)²

Проводится реконструкция процесса превращения контрактации в разновидность натуральной подати. Выявляются особенности функционирования контрактационной системы в начале 1930-х гг. Определяются причины ее демонтажа.

Ключевые слова: аграрная политика, коллективизация, налогово-податная система, контрактация.

Контрактация – заключение контракта (договора), по которому производитель берет на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывается проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги и т.п.). В СССР с 1922 г. контрактывались технические культуры.

В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к массовой контрактации всех видов сельхозпродукции. В 1929 г. произошел переход от добровольной к обязательной контрактации, которая фактически приобрела характер натуральной подати. Контрактационные до-

¹ *Ильных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00100).

говоры с земельными обществами утверждались на общем собрании «бедняцко-средняцкого большинства». Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами с «учетом мощности их хозяйств». Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполнявшие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Наряду с авансовой широко распространилась безавансовая контрактация.

В начале 1930-х гг. контрактационная система стала основным методом проведения государственных заготовок сельхозпродукции и приобрела всеобщий характер, охватывая единоличников, колхозы, личные приусадебные хозяйства колхозников.

В соответствии с заключенным договором контрактанты обязывались произвести указанную в нем продукцию с соблюдением обязательных агротехнологических и зоотехнических приемов и сдать «товарные излишки» государству. В договорах определялись нормы, место, предельные сроки сдачи, качество и заготовительная цена. В перечень обязательств, которые от имени государства брали на себя уполномоченные хозяйственные органы, могли входить снабжение контрактантов сортовыми семенами, агрономическое и зоотехническое обслуживание, авансирование и производственное кредитование, снабжение дефицитными промышленными товарами по государственным ценам. Производителям технических культур предусматривалась выдача продуктов их переработки (сахара, растительного масла, жмыхов и др.), а также продажа хлеба по государственным ценам.

Однако в полном объеме данный перечень реализовался в редких случаях. Производственное кредитование предусматривалось только в отношении колхозов. Сортовыми семенами обеспечивалась незначительная часть посевов. Контрактация зерновых, молока и сена была безавансовой, а производство большинства остальных культур авансировалось лишь частично. Авансирование, товаро- и хлебоснабжение единоличников производились по остаточному принципу и по нормам, уступающим колхозным. Принятые в начале сельскохозяйственного года нормы снабжения впоследствии могли быть снижены.

Не соблюдались и оговоренные нормы сдачи. Размеры поставок зависели от заготовительных заданий, устанавливаемых центром и разверстываемых на регионы, районы и села. Поселенные планы утверждались райисполкомом раздельно по единоличному и колхозному секторам, а затем обсуждались и принимались на общих собраниях колхозников или на бедняцко-средняцких собраниях единоличников.

В единоличном секторе часть разверстанного на населенный пункт плана сдачи продукции в форме устанавливаемых сельсоветом «твердых» заданий возлагалась на хозяйства, зачисленные в разряд зажиточных или кулацких. Региональные, а затем районные органы управления определяли процент подобных дворов и их долю в общем объеме заготовок. Оставшаяся часть плана распределялась между хозяйствами, отнесенными к категории трудовых в порядке «самообязательства», которые затем утверждались сельсоветом.

В 1932 г. в силу сложностей, возникавших с организацией собраний единоличников, многие сельсоветы стали брать на себя функции непосредственной разверстки заготовительных заданий не только на «кулацко-зажиточные», но и на так называемые трудовые крестьянские хозяйства. В колхозах заготовительный план делился между «обобщественным» и необобщественным секторами.

Отличительной чертой контрактационной системы была нестабильность заготовительных планов – в течение года они могли неоднократно меняться в сторону увеличения. Основным механизмом увеличения заготовительных заданий являлись так называемые встречные планы. Формально они должны были представлять собой добровольно выдвинутые трудящимися повышенные, по сравнению с государственным планом, обязательства на основе учета реально имеющихся резервов. На деле решение о необходимости выполнения регионом «встречного» плана принималось органами верховной власти страны. Затем полученное дополнительное задание разверстывалось по районам и далее – по селам. Подобной практикой широко пользовались и местные власти, перекладывая невыполненные заготовительные задания с одного района или колхоза на другие. В 1930 г. основным

объектом «встречного» планирования являлись единоличники, в 1931–1932 гг. – колхозы.

Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их стимулов для расширения сельскохозяйственного производства, которое переживало глубокий кризис. С целью исправления ситуации в конце 1932 – начале 1933 г. контрактационная система была отменена. Вместо нее вводились обязательные поставки основных видов сельхозпродукции.

УДК 94(47).084.6

В.В. Кондрашин¹

Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки

Рассматривается хлебозаготовительная политика сталинского руководства СССР в годы первой пятилетки. Характеризуются ее противоречивые результаты. Хлебозаготовки обеспечили проведение индустриализации, способствовав при этом углублению кризиса сельского хозяйства.

Ключевые слова: хлебозаготовки, сельское хозяйство, сталинское руководство, индустриализация.

На рубеже 1920–1930-х гг. советская деревня пережила, возможно, самое сильное налоговое давление на крестьянство за всю историю России. Его формой стали принудительные хлебозаготовки по принципу продрозверстки для нужд форсированной индустриализации СССР. Они явились кульминацией антикрестьянской аграрной политики сталинизма, суть которой состояла в насильственной коллективизации крестьянства. В ее ходе традиционные и необходимые для продовольственного снабжения городов хлебозаготовки изменили свое содержание, как и методы их выполнения.

Прежде всего, их объемы превысили возможности сельского хозяйства с точки зрения сохранения баланса между интересами государства и сельских тружеников. Увеличение хлебозаготовок в годы первой пятилетки почти в 2 раза, по сравнению с доколхоз-

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук; Пензенский государственный университет, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

ным периодом, привело к изъятию из деревни не только товарного, но и значительного количества продовольственного зерна и фуража, необходимых для поддержания жизнедеятельности как колхозного, так и единоличного крестьянского хозяйства. Оно осуществлялось с использованием сталинским режимом всей мощи административно-репрессивного аппарата государственной власти, который сломил крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и аграрной политике сталинизма.

Результат хлебозаготовок в годы первой пятилетки был противоречивым и неоднозначным. С одной стороны, они способствовали углублению кризиса сельского хозяйства СССР. Его составными частями стали: резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота, снижение урожайности зерновых культур, голод 1932–1933 гг., унесший жизни более 5 млн чел., прежде всего крестьян. Это была трагедия советской деревни, одна из самых страшных за всю ее многовековую историю. Государство силой забрало у крестьян хлеб и обрекло их на голодное существование и работу фактически задаром в созданных для выкачки зерновых ресурсов колхозах.

Чрезмерное изъятие зерна из колхозов, совхозов и единоличных хозяйств в годы первой пятилетки, как и сама сталинская коллективизация, заложили основу перманентного кризисного состояния советского сельского хозяйства. Они лишили сельского труженика необходимого стимула к работе. Отсюда низкая урожайность зерновых и стагнация животноводства, несмотря на все усилия власти по механизации сельского хозяйства в последующий период.

В то же время принудительные хлебозаготовки в годы первой пятилетки оказались успешными с точки зрения выполнения той первоочередной задачи, которая ставилась перед ними сталинским руководством. Резкое увеличение их объемов в 1929–1931 гг. по сравнению с предшествующим периодом позволило получить зерновые ресурсы, которые обеспечили сохранение взятых сталинским руководством СССР темпов индустриализации страны и саму индустриализацию как таковую. Хлеб в обмен на валюту и станки в 1930–1931 гг., то есть зерновой экспорт, не позволил остановить строящиеся флагманы первой пятилетки, законсерви-

ровать их, создать в стране хаос из-за массовой безработицы в условиях стагнации сельского хозяйства, факт которой стал очевидным во второй половине 1920-х гг.

Закупки странами Запада советского зерна стали решающим фактором усиления принудительного характера хлебозаготовок, как и проведения насильственной коллективизации в СССР.

Издержки хлебозаготовок в годы первой пятилетки были связаны с несовершенством системы их планирования и функционированием созданной сталинским руководством бюрократической системы управления сельским хозяйством. Спущенные сверху на места планы хлебозаготовок основывались на ложных представлениях статистических органов об «успехах» коллективизации: росте посевных площадей, механизации сельского хозяйства и т.д. В действительности механический рост посевов зерновых культур в колхозно-совхозном секторе не означал повышения их урожайности. Этого не позволили добиться низкая агрикультура в созданных наспех колхозах и совхозах из-за нежелания крестьян добросовестно в них работать, недостаточная квалификация управленцев в колхозах, районных и других органах власти, ориентированных на использование административных методов управления, а также причины объективного характера (засухи, неблагоприятных погодных условиях и т.д.). Однако издержки колхозно-совхозной системы были компенсированы мощным административным ресурсом советского государства.

Именно центр и лично И.В. Сталин, как свидетельствуют многочисленные документы, несут главную ответственность за негативные результаты принудительных хлебозаготовок в СССР в указанный период.

Хлебозаготовки в региональном разрезе не зависели от национальной принадлежности сельского населения. Их объемы и методы выполнения определялись местом региона в товарном зерновом производстве. Где хлеба было больше, там его с большей энергией выколачивали из деревни и последствия хлебозаготовок были трагичнее.

УДК 94(47).084.6

В.В. Наухацкий¹

**Роль политотделов МТС
в становлении заготовительной системы**

Анализируется становление заготовительной системы в начале 1930-х гг. и роль политотделов МТС в этом процессе. Сделан вывод, что ее характерными чертами являлись внеэкономическое изъятие, неэквивалентный обмен, несправедливая система налогообложения и распределения ресурсов.

Ключевые слова: хлебозаготовки, сельское хозяйство, политотделы, машинно-тракторные станции, колхозы.

В историографии истории коллективизации представлены различные точки зрения на роль политотделов МТС в развитии сельского хозяйства. Изучая аспекты деятельности политотделов, исследователи советского периода акцентировали внимание на их участии в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В литературе отмечалось, что эта задача решалась путем налаживания социалистической дисциплины труда, организации распределения, управления, использования рабочей силы и т.п. Значительное внимание также уделялось роли политотделов в проведении хлебозаготовок. При этом заготовительная политика советскими историками рассматривалась как реализация важнейшей общегосударственной задачи в условиях активного кулацкого саботажа.

В современной литературе акцент делается на репрессивной составляющей деятельности политотделов. Анализируя политику хлебозаготовок, современные исследователи отмечают ее антикрестьянскую направленность и видят в ней важнейшую причину голода начала 1930-х гг.

Между тем, проведение хлебозаготовок в конкретные годы – это конкретная политика, тактика, а курс на создание принципиально новой системы экономических отношений между колхоза-

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет, naukhatskiy@rambler.ru, Россия, г. Ростов-на-Дону.

ми и государством – это стратегическая задача, решение которой призвано было определить на долгие годы характер заготовительной, налоговой, повинностной системы.

Одно из последствий деятельности политотделов МТС – утверждение административно-командной заготовительной и налоговой системы, окончательное закрепление отказа от принципов нэпа. Объективно политотделы должны были не просто организационно-хозяйственно укрепить колхозы, а окончательно закрепить слом нэпа. В 1932–1933 гг. был осуществлен переход от контрактации основных продуктов полеводства и животноводства к обязательным поставкам, имеющим силу налогов, и к государственным закупкам. Создать в кратчайшие сроки основы системы внеэкономического изъятия ресурсов из колхозной деревни могли лишь чрезвычайные партийно-государственные органы.

Разумеется, становление этой системы проходило одновременно и параллельно с решением вполне конкретных, нередко критически острых социально-экономических проблем колхозов. В повседневной практике политотделов решались такие проблемы, как борьба с голодом и продовольственными трудностями, организация труда и материального стимулирования в колхозах и др.

Следует при этом подчеркнуть, что усиление материального стимулирования (борьба с уравниловкой, организация хозрасчетных бригад, внедрение сдельной оплаты труда), как и развитие личных подсобных хозяйств колхозников, не только не противоречило, а даже было необходимо для укрепления командной нерыночной системы. В принципе нерыночный механизм изъятия ресурсов, создаваемый политотделами, на низовых ступенях не мог работать без материальных стимулов. Вот почему весь период деятельности политотделов ознаменован не только насилием (борьбой с кулачеством, врагами народа и т.д.), но и разнообразными шагами по налаживанию хозяйства в колхозах, организацией социалистического соревнования, укреплением материальных стимулов.

Преодолев кризис хлебазаготовок, сняв остроту продовольственного кризиса и голода, начав освоение некоторых элементов материального стимулирования и хозяйственного расчета,

политотделы не только предотвратили дальнейшее нарастание кризиса и развал сельского хозяйства, но и заложили краеугольные камни в фундамент советской колхозной системы, которая стала базироваться на отношениях неэквивалентного обмена, дискриминационной заготовительной и налоговой политики, ущемлении гражданских прав колхозников. Итогом деятельности политотделов стало, таким образом, определение хозяйственного вектора развития колхозов и формирование в конечном итоге на этой основе колхозной системы, характерными чертами которой являлось доминирование методов внеэкономического изъятия ресурсов, неэквивалентный обмен, несправедливая система налогообложения и распределения ресурсов.

УДК 94(47).084.8

Г.Е. Корнилов¹

Заготовки сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны на Урале

Анализируется заготовительная политика в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны. Показаны формы и методы заготовок сельхозпродуктов, их размеры и последствия для развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрная политика, колхозы, заготовки продукции сельского хозяйства.

В годы войны объем сельскохозяйственной продукции, произведенной на Урале, резко сократился. По данным ЦСУ СССР валовая продукция сельского хозяйства Урала по всем категориям хозяйств сократилась в 1945 г. по сравнению с 1939 г. на 18,5 %, в колхозах – на 26,5, личных хозяйствах колхозников – на 26,4, хозяйствах единоличников – на 66,7 %.

Снижение уровня сельскохозяйственного производства осложнило выполнение заготовительных заданий. Заготовки сельскохозяйственных продуктов – это покупка продуктов госуда-

¹ *Корнилов Геннадий Егорович*, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakorn@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

рственными и кооперативными организациями непосредственно у производителей: совхозов, колхозов, колхозников, крестьян-единоличников. Заготовки являлись одной из форм товарооборота и основной формой реализации товарной продукции сельского хозяйства. Они практически не приносили дохода колхозам, не оправдывали затрат на производство продукции, так как закупочные цены были значительно ниже ее себестоимости.

Заготовки делились на две группы: централизованные и децентрализованные. Централизованные заготовки (сдача продукции совхозами, натуральная оплата колхозов за работы МТС, обязательные поставки, контрактационные заготовки, государственные закупки) проводились по государственному плану и предназначались для создания государственных централизованных ресурсов продовольствия и сырья. Обязательные поставки являлись основной формой заготовки сельхозпродуктов у колхозов и крестьян-единоличников. Их отличительным признаком являлась обязательность для хозяйства, имевшая силу и характер налога. К обязательным поставкам также привлекались личные хозяйства колхозников и проживающих в сельской местности рабочих и служащих. Государственный закуп проводился у колхозов, колхозников и единоличников только после выполнения ими обязательных поставок. Контрактационные заготовки проводились на основе договоров контрактации, заключаемых государством с отдельными хозяйствами. Для совхозов единственной формой заготовок была сдача продукции государству.

Децентрализованные заготовки сельхозпродуктов проводились торгующими организациями и организациями общественного питания у колхозов и крестьян-единоличников по ценам, установленным уполномоченными Наркомата заготовок СССР. Обязательной для колхозов с 1942 г. стала сдача продукции в фонд обороны и в хлебный фонд РККА.

Основная часть заготавливаемого картофеля, овощей, молока, шерсти приходилась на обязательные поставки. Согласно годовым отчетам колхозов за 1941–1945 гг., удельный вес обязательных поставок в общем объеме заготовок составлял 50,1 %, на-

туроплаты – 37,3, возврата семенных и фуражных ссуд – 6,7, сдачи в фонд обороны и хлебный фонд Красной Армии – 5,0 %.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г. «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» произошел переход от расчета объемов поставок по площади посева к их исчислению с каждого гектара закрепленной за колхозами пашни вне зависимости от того, засеяны облагаемые площади или нет. Колхозы были вынуждены передавать государству большую часть производимой продукции, сокращая семенные, фуражные и продовольственные фонды. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод). В военные годы биологическая урожайность значительно превышала фактическую, нормы заготовок оказывались завышенными.

При высоких планах и низких заготовительных ценах заготовки сельхозпродуктов проходили с большим напряжением. Срыв заготовок рассматривался как преступление. Все виды поставок выполняли очень немногие хозяйства. За годы войны в Челябинской области из 880 колхозов только 2 колхоза справлялись с планами сдачи всех видов поставок, поставки зерна в полном объеме выполняли 10 колхозов, мяса – 105, молока – 15, картофеля – 5, овощей – 24, шерсти – 55. К концу войны колхозы и совхозы региона подошли с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством.

УДК 94(47).084.8

И.В. Кометчиков¹

«Черные кассы» колхозов в середине 1940-х – начале 1950-х гг.

Анализируется практика «черных касс» в колхозах в середине 1940-х – начале 1950-х гг. Сделан вывод, что они явились одной из составляющих социаль-

¹ *Кометчиков Игорь Вячеславович*, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, kometchikov.igor@mail.ru, Россия, г. Калуга.

ного иммунитета колхозной деревни, направленного на приспособление колхозов к аграрной политике государства.

Ключевые слова: колхозное крестьянство, «черные кассы», социальный иммунитет, крестьянские повинности.

В исследовательской литературе по проблемам социального сопротивления колхозной деревни податному прессу государства основное внимание уделяется индивидуальным действиям колхозных подворий по хозяйственному выживанию: различным практикам уклонения от натуральных и денежных налогов на личные хозяйства, усилиям колхозников по минимизации трудового участия в общественных работах, стремлению увеличить размеры приусадебных участков и т.д.

Однако постоянно нуждавшееся в средствах государство претендовало не только на ресурсы подворий. Их главным источником считались коллективные хозяйства, обязанные поставлять государству по символическим ценам большую часть произведенного продовольствия, фуража, уплачивать ряд денежных налогов и платежей. В первые послевоенные годы это были подоходный налог с колхозов, земельная рента, страховые платежи и т.д., а также денежные займы. Так, согласно закону Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1948 г. «О подоходном налоге с колхозов», натуральные и денежные доходы колхоза в зависимости от источника поступления облагались по ставкам 6–12 %. Подоходный налог должен был уплачиваться в первоочередном порядке в четыре срока. При неуплате сумма недоимки должна была списываться с текущего счета колхоза по решению народного суда.

Анализ текущей деятельности колхозов свидетельствует, что своевременный и полный расчет по всем финансовым платежам означал для многих хозяйств срыв выполнения основных сельскохозяйственных работ. С другой стороны, попытки исполнить установленную законом инструкцию и списать средства с банковских счетов колхозов приводили к уклонению сельхозартелей от внесения на них выручки.

Для обеспечения выполнения колхозами податных функций, более или менее своевременного выполнения основных работ в

колхозной деревне сложилась практика «черных касс», как правило, молчаливо признававшаяся местными функционерами. Так в официальной документации назывались любые операции колхозов с наличными деньгами, минуя счета в банке (сверхлимитное хранение в колхозах наличной выручки без проведения ее по текущему счету в отделении Госбанка и счету капиталовложений в отделении Сельхозбанка, а также неконтролируемое этими организациями расходование средств).

Функционирование «черных касс» можно рассматривать как одно из проявлений социального иммунитета колхозной деревни послевоенной поры – системы мер по нивелировке или сглаживанию разрушительных для крестьянства условий жизни, созданных режимом, направленной не на разрушение, а на приспособление к этим условиям.

Ежегодно, чтобы не остаться без средств на текущие расходы, колхозы проводили через банковские счета только часть выручки, расходуя остальные деньги в местах заключения сделок. Объемы «черной» наличности в масштабах отдельных регионов составляли десятки миллионов рублей, доходя до 50–70 % всех денежных доходов колхозов за год. Доходную часть «черных касс» формировали поступления от реализации колхозных сельхозпродуктов, леса, скота, сдачи в аренду земельных угодий, помещений, тягла и других операций в нарушение Устава сельхозартели.

Статьи расходования «черной» наличности свидетельствуют о выраженной приспособительной функции «черных касс» по отношению к реалиям аграрной политики. Основная часть средств направлялась на финансирование текущих производственных нужд. Монопольное положение государства в снабжении колхозного производства, атрибутами которого были «ножницы цен» и дефицит, подталкивало правления к операциям на колхозном и теневоом рынках, финансирующимся из «черных касс».

Другой важной функцией «черных касс» была финансовая поддержка колхозников, которая достигалась за счет противозаконного, с позиции государства, увеличения фонда потребления и снижения темпов роста неделимых фондов колхозов. Согласно примерному Уставу сельхозартели, на пополнение неделимых

фондов следовало отчислять от 10 до 20 % денежных доходов. При формальном соблюдении этого порядка в колхозах всегда существовал значительный разрыв между суммой затрат на их пополнение и приростом на конец года. Значительная доля средств, предназначенных для капиталовложений, на деле направлялась через «черные кассы» на нужды потребления и текущие производственные нужды колхозов.

Значение «черных касс» для колхозного села состояло в своеобразной коррекции последствий аграрной политики, повышении экономической устойчивости колхозной экономики, чем объективно пользовалось и само государство. С социальной точки зрения «черные кассы» замедляли в целом процессы раскрестьянивания, социальной и имущественной дифференциации колхозников. Однако в то же время они стимулировали обособление слоя администраторов, наделенных «неуставными» финансовыми полномочиями.

УДК 94(47).084.8

П.П. Полх¹

Калининградские крестьяне-переселенцы и заготовительная политика послевоенного десятилетия

Анализируется специфика становления сталинской заготовительной системы в сельских районах Калининградской области. Сделан вывод о наличии на территории новой области двух взаимоисключающих тенденций аграрной политики государства: установления льгот для переселенческих хозяйств и желания поскорее наладить налоговую отдачу.

Ключевые слова: аграрная политика, крестьянство, колхозы, заготовки, послевоенный период, Калининградская область.

Фискальная политика эпохи «апогея сталинизма» в деревне традиционно подается как система жестких мер, направленных на получение продовольствия, фуража и сельскохозяйственного сырья для промышленности с индивидуальных хозяйств, колхозов и госуда-

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

рственных предприятий (совхозов), и воспринимается как несправедливая по отношению к крестьянам, вынесшим на своих плечах тяготы военного времени. Стремление руководства страны получить натуральные продукты по смехотворным заготовительным ценам сопровождалось желанием заставить эффективно работать на благо государства каждый гектар сельхозугодий, каждого трудоспособного селянина. Единого подхода ко всем в данной сфере быть не могло, поэтому применялись дифференцированные нормы обложения к разным категориям регионов, земель и хозяйств.

Свою специфику имела и Калининградская область, образованная на территории бывших германских земель в 1946 г. и заселенная сельскими жителями центральных областей РСФСР и Белорусской ССР. Прибывавшие переселенцы освобождались от сельхозналога на трехлетний срок, получали ссуды на строительство и ремонт жилья, обзаведение коровами, государство завозило семенной фонд и технику. Вместе с тем, присутствовало и стремление власти поскорее получить отдачу от появлявшихся колхозов, совхозов и подсобных хозяйств переселенцев, в том числе и с целью обеспечить продовольствием заселявшиеся города и значительный контингент военнослужащих на территории области.

Серьезность подобных намерений подтверждается тем, что уполномоченный министерства заготовок по Калининградской области вступил в должность уже в августе 1946 г. – через несколько недель после прибытия первого переселенческого эшелона. Уже в 1947 г. была налажена система получения гарнцевого сбора (с помолы зерна на государственных мельницах), а с 1948 г. колхозы и колхозники начали получать извещения на обязательные поставки молока. Начиная с 1949 г. количество позиций, по которым велись заготовки, ежегодно увеличивалось и достигло 18 (включая зерно, мясо, яйца, картофель, различные виды овощей, шерсть, кожи, кишечное сырье, плоды фруктовых деревьев, сено, семена многолетних трав). Согласно советскому налоговому законодательству, к поставке мяса государству привлекались все колхозные дворы, не зависимо от наличия у них скота. Однако для Калининградской области сделали исключе-

ние. С 1950 г. к мясopоставкам стали привлекаться только имевшие скот личные хозяйства.

Деятельность районных уполномоченных Министерства заготовок и их агентов свидетельствует о том, что главную задачу они видели во вручении извещений гражданам и правлениям колхозов, а также в разъяснительной работе по обеспечению поставок. Вместе с тем, основной объем государственных заготовок молока и мяса (порядка 60–70 %) приходился на совхозы двух государственных трестов. На личные индивидуальные хозяйства колхозников и рабочих совхозов приходилось от 5 до 10 % поставок данных продуктов. Однако именно на индивидуальных хозяев была направлена основная активность агентов, вносящих в отчеты как недоимщиков даже тех, за кем числилась недопоставка десяти литров молока по итогам года.

При всех послевоенных проблемах колхозов и переселенцев область справлялась с основными видами поставок: по мясу с трудом, по молоку – с перевыполнением планов. Молоком «закрывались» зачастую поставки картофеля и овощей, в связи с чем были даже введены соответствующие ограничения на замену. Неожиданно высокие показатели заготовки шерсти в 1950 г. привели к тому, что области резко подняли плановое заготовительное задание.

Главным конкурентом государства в области заготовок продовольствия оказывался рынок, а в отношении шерсти и кож – заготовители из соседней Литовской ССР, предлагавшие более высокие цены. Тем не менее, продуктового изобилия в области не было. Жизнь переселенцев была нелегкой, и заставляла приспособляться. Мясopоставки превращались в покупку забиваемой коровы в складчину, причем сборщиками денег и посредниками выступали как раз агенты по заготовкам, что было строжайше запрещено и приводило к снятию с должностей. Кумовство и взятки позволяли «случайно не учесть» ряд хозяйств, а то и целые поселки. Незафиксированные, но отремонтированные, немецкие мельницы позволяли избежать гарцевого сбора, а сохранившиеся немецкие фруктовые сады, не числившиеся ни на чьем балансе, позволяли избегать и данной облагаемой статьи.

УДК 94(47).084.3/084.9

А.Г. Галлямова¹

**Из истории реализации фискальной политики в деревне
Татарской АССР в 1920–1950-е гг.: прецеденты
конфронтации в местных политических кругах²**

В статье рассмотрены прецеденты проявлений несогласия со стороны представителей местных властей и известных личностей республики с некоторыми фискальными мероприятиями, проводившимися на селе в период Гражданской войны, коллективизации и хрущевских аграрных реформ. Они показывают, что характер фискальной политики был тесно связан с общей политической ситуацией в стране.

Ключевые слова: советская аграрная политика, Татарская АССР, налогообложение, взаимоотношения центральных и региональных органов власти.

На предыдущей сессии аграрного Симпозиума нами поднималась тема проводившегося в Татарской АССР более жесткого, по сравнению со многими другими российскими регионами, курса аграрной политики, в том числе и при реализации фискальных мероприятий на территории региона [1, с. 520–532]. Закономерно поставить вопрос, как на это реагировала местная власть и авторитетные в республике личности.

Первый прецедент из данного рода событий относится к самому началу советского периода, когда сложившаяся во времена Гражданской войны аграрная политика большевистского государства носила откровенно экспроприационный характер. В политических кругах только что образованной Татарской АССР она вызывала сильные оппозиционные настроения. Известный татарский историк Г. Губайдуллин, писатель и государственный деятель Шамиль Усманов, первый нарком земледелия ТАССР Юнус Валидов публично оценивали проводившуюся в

¹ Галлямова Альфия Габдулнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ № 14-01-00306.

республике заготовительную кампанию как ограбление народа и называли согласных выполнять все условия продразверстки местных чиновников «холоуями Москвы» и «предателями нации». Но руководство республики во главе с М. Саид-Галиевым не выказали несогласия с политикой центральных властей, они добились перевыполнения плана продразверстки. Услужливость республиканского руководства обернулась вилочными восстаниями и катастрофическими размерами голода. Судьба же лидеров, открыто выступивших против фискальных мероприятий в республике, оказалась трагичной: все они подверглись в разное время преследованиям и погибли.

Следующий явный случай конфронтационного характера отношений между руководством Татарской республики и центральными государственными органами приходится на 1928 г., когда в аграрной стратегии государства четко обозначился поворот от нэпа к коллективизации. Татарская республика получила нереальный план хлебозаготовок, выполнение которого было возможно только путем дискриминации крестьянства. Переписка между Москвой и Казанью отражает разные позиции руководства Центра и региона. Из Москвы настойчиво требовали усилить темпы хлебозаготовок, из Казани пытались доказать невозможность выполнения директив. В конечном счете, руководство ТАССР не сумело переломить линию союзных органов. Печально знаменитая статья 107 Уголовного кодекса РСФСР о репрессивных мерах по отношению к укрывателям хлеба по стране применялась к тем, кто имел излишки в 2 тыс. пуд., а в Татарстане к тем, кто имел излишек в 500 и даже 350–400 пуд. хлеба.

В начале 1930-х гг. можно вполне отчетливо проследить две противоположные тенденции в политике республиканского руководства и местных властей по отношению к колхозному крестьянству. Обком партии действовал по указке союзных органов в реализации хлебозаготовительных кампаний, политики коллективизации и раскулачивания и добивался выполнения и перевыполнения всех плановых параметров. Наградой стал орден Ленина, которым в числе ряда других регионов Татарская АССР была удостоена в январе 1934 г. В то же время

ряд местных партийных и советских работников, пытаясь не допустить окончательного развала производительных сил деревни, спасти крестьян от голода, вопреки приказам формировали необходимые посевные и продовольственные фонды в колхозах, тем самым срывая планы реализации фискальных мероприятий. Такие руководители в массовом порядке снимались с работы, лишались партийного билета, обвиняясь в правом оппортунизме, а нередко и высылались, обретая статус подкулачников.

Еще один яркий пример рефлексии властей Татарской автономии по поводу фискальных условий функционирования ее аграрной сферы приходится на 1950-е гг. Он выражается в оживленной переписке между Москвой и Казанью по поводу несоразмерно высоких по сравнению с соседними регионами, имевшими аналогичные с Татарстаном природно-географические условия, заданий натуральных поставок за обслуживание МТС. В отличие от первых двух описанных эпизодов данная рокировка закончилась тем, что Татарской республике была оказана существенная материальная помощь, смягчены условия фискальной политики. Интересно отметить, что автор указанной переписки со стороны Татарской республики секретарь Татарского обкома КПСС П.В. Ураев вскоре пошел на повышение, став первым секретарем Марийского обкома КПСС.

Рассмотренные прецеденты, прямо относящиеся к осуществлению фискальной политики в Татарской АССР, показывают, что она была тесно связана с общими принципами аграрной стратегии государства. Приведенные факты служат своеобразным индикатором характера региональной политики в СССР, расширяя информативное поле о социально-экономических реалиях советского периода.

Литература

1. *Галлямова А.Г.* Аграрный ракурс советской модернизации в 1950-х – середине 1980-х годов (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 г.: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.

УДК 304.444

И.Е. Кознова¹

Советская фискальная политика в восприятии российских крестьян

Рассматривается вопрос о восприятии крестьянами фискальной политики советской власти и отражении ее в исторической памяти в контексте трансформации российской деревни в XX в.

Ключевые слова: крестьянство, власть, налоги, повинности, историческая память.

Крестьянское восприятие власти опирается на представления о социальном долге деревни перед государством и обществом и о возможности «общественного договора», учитывающего интересы всех сторон. Фискальная, и в особенности налоговая, политика служит важным индикатором, позволяющим судить об отношениях города и деревни. Гражданская война, поставив вопрос о выживании крестьянского хозяйства, дала основание земледельцам для сравнения власти коммунистов с «новым крепостным правом».

В 1920-е гг. на первый план в отношениях крестьянства и власти еще активнее выдвинулись фискальные аспекты. Можно отметить готовность деревни к выполнению налоговых обязательств. Рефреном же восприятия крестьянством нэповских реалий служат скорее распространенные в «письмах во власть» варианты высказываний, смысл которых сводим к выражению «землю дали, а налогом задушили». Фиксируя тем самым признаки потери крестьянами «воли», оно квалифицировало большевистскую политику в отношении деревни как несправедливую.

Массовая коллективизация напрямую связала повышенные налоговые обязанности единоличных хозяйств и практику «раскулачивания», установив замкнутый круг административного и экономического давления на крестьянство. С установлением колхозной системы дискриминационный характер фискальной стороны отношений влас-

¹ Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

ти и сельского населения усилился. В отношении колхозного прошлого активна, прежде всего, та часть памяти, которая представляет репрессивную функцию власти, рассматривая крестьянство в качестве жертвы. Высокие («крепкие») налоги ассоциируются в памяти и с раскулачиванием, и с голодом 1932–1933 гг., и с террором 1937–1938 гг., и с войной, и с голодом 1946–1947 гг. Колхозная жизнь эпохи сталинизма связана в крестьянских представлениях с депривацией – разорением, угнетением, закабалением, усилением фискальной функции власти и в целом – с раскрестьяниванием.

Самым сильным инструментом воздействия на деревню было налоговое давление. Размеры налогов по годам и видам продукции прочно врезались в память сельских жителей, породив афористичное выражение «от налогов и от колхозов убежать было нельзя». По отзывам крестьян, в колхозах «налоги душили», «налоги нас давили». Налоговая политика во многом связывались непосредственно с именем Сталина, и прежде всего – в послевоенные годы. Но в целом крестьянами отмечалась преемственность налоговой политики власти, начиная с момента ее установления. Для крестьян послевоенное фискальное давление было сродни «раскулачиванию», только касалось всех колхозников, становилось новым витком государственного «закручивания гаек» применительно к деревне.

Способом прикрепления к колхозу была и система займов. Поэтому для памяти сельских жителей о колхозном прошлом очень характерны многочисленные эпизоды, повествующие о разнообразных «укусах власти», которые приходилось отражать на пределе последних возможностей. Именно эти обстоятельства порождали разрывы в повседневном существовании, буквально, экзистенциальные ситуации, ставившие вопрос о жизни и смерти. Чрезвычайно памятен образ агента власти: настроенного «против народа» уполномоченного – мужчины с полевой сумкой на боку, страх перед которым сохранился у деревенских жителей вплоть до настоящего времени. В самом же сельском сообществе, в послевоенный период, как и в период коллективизации, соседские отношения подвергались проверке на прочность.

Фискальные стороны отношений деревни и государства ярко отразились в фольклоре, выстраивая образ «колхозничка с торбоч-

кой». Фольклор устанавливал тесную связь между уведенной с колхозного двора «распоследней коровкой» и народными представлениями о гастрономических пристрастиях вождя, сводимыми к колбасе как символу более высокого качества городского продовольственного потребления.

В восприятии крестьян небольшие налоговые послабления в хрущевский период были нейтрализованы всевозможными запретами в отношении личных подворий, поэтому речь идет скорее о подчеркивании преемственности властной политики в отношении деревни. Брежневский период принес в деревню раскрепощение, а воспоминания о фискальной функции государства выводят на другой сегмент памяти, который выражает примирение с властью и с организованными ею колхозами.

УДК 94(47).084.6/084.9

Л.Н. Мазур¹

Бюджеты колхозников 1930–1960-х гг. как источник по изучению налогообложения крестьянства

Рассматривается информационный потенциал материалов бюджетных обследований в контексте изучения налоговой политики государства, приводится характеристика доли налоговых отчислений в структуре расходов семьи колхозника и их динамика на протяжении 1930–1960-х гг.

Ключевые слова: бюджетные обследования, крестьянская семья, расходы, налоги.

На протяжении почти всего советского этапа российской истории, а особенно в 1930–1940-е гг., политика государства в отношении крестьянства носила конфискационный характер. Ее особенностью было тесное переплетение мероприятий ценовой, заготовительной и налоговой политики, которые были ориентированы на государственные приоритеты и должны были обеспечить изъятие средств (денежных и натуральных) для решения проблем ин-

¹ Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

дустриализации и развития городов. Планируемый результат вплоть до конца 1950-х гг. обеспечивала заготовительная политика. В 1960-е гг. больше внимания стали уделять оптимизации системы налогообложения, что свидетельствует о смене ориентиров и повороте к экономическим методам управления. Но этот поворот так и не был завершен. Экономическая составляющая налогообложения в советском обществе не получила существенного развития. Особенно рельефно ограниченность и неэффективность налогового механизма видна на примере крестьянства.

В целом структура и эволюция налогообложения советского крестьянства стала активно изучаться еще в 1970-е гг. и получила освещение в исследованиях В.П. Данилова, Н.А. Рогалиной, В.П. Попова, В.А. Ильиных, М.А. Безнина и др. Для обозначения всей системы конфискационных мероприятий утвердился термин «налогово-податное обложение», а анализ политики проводится в контексте таких понятий как «повинности», «подати». В данной системе собственно налоги занимали второстепенное место, но непосредственно влияли на бюджет крестьянской семьи и определяли стратегии ее хозяйственной деятельности.

Наиболее полную картину индивидуального налогообложения колхозников с учетом всех его структурных трансформаций дают первичные материалы постоянных бюджетных обследований, которые проводились с 1932 г. до начала 1990-х гг. Ежемесячно на каждую семью, участвующую в обследовании, в режиме опроса-беседы заполняли форму 1 «Бюджет семьи», а также форму 2 «Контрольная тетрадь статистика по бюджетам». В первичных бланках зафиксирована системная информация о семье колхозника: ее состав, начисление трудодней, натуральные и денежные доходы и расходы и пр. В них нашли отражение те виды налогов, которые несла крестьянская семья – это сельскохозяйственный и подоходный налог; налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан; а также прочие сборы и платежи. В целом, в 1963 г. в СССР при среднем доходе семьи колхозника в 1611,9 руб. в год доля расходов на уплату налогов и сборов составляла примерно 1,9 %.

Среди налогов, непосредственно учитываемых в бюджете семьи, основное место занимал сельскохозяйственный налог. Он был учрежден в 1923 г. По закону 1939 г. на личные хозяйства колхозников распространялись принципы обложения, ранее применявшиеся по отношению к единоличникам. В годы Великой Отечественной войны сельскохозяйственный налог вырос в два раза, был введен военный налог, а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Доходы сельских жителей, работающих на промышленных предприятиях или в совхозах, облагались подоходным налогом. Все эти платежи ложились тяжелым грузом на семейный бюджет. После 1953 г. налоговый режим был существенно облегчен. В 1963 г. выплаты по сельхозналогу в среднем составляли от 16 до 25 руб. в год, при этом не платили налог 14 % семей; до 10 руб. в год выплачивали 9 %; от 11 до 20 руб. – 33 %; от 21 до 30 руб. – 26 %; от 31 до 40 руб. – 17 %; выше 40 руб. – 1 %.

Первичные материалы бюджетных обследований представляют уникальную возможность реконструкции налоговой истории отдельной семьи из числа участвовавших в обследовании на протяжении длительного периода, позволяют проследить влияние различных факторов на структуру и размер налогообложения семьи, проанализировать ее хозяйственные стратегии и выявить типичные группы и модели поведения налогоплательщиков.

УДК 94(47).084.6/084.9

В.Н. Томилини¹

**Место натуроплаты колхозами работ МТС
в централизованных хлебозаготовках 1930–1950-х гг.²**

Определяется место натуроплаты колхозами работ МТС в централизованных хлебозаготовках. Сделан вывод, что натуроплата в 1930–1950-е гг. стала одним из основных элементов налогово-податной системы.

¹ Томилини Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-01-00181).

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, машинно-тракторные станции, натуроплата, колхозы.

Модернизация советской экономики в годы первых пятилеток, Великая Отечественная война и задачи восстановительного периода требовали от государства огромных материальных и финансовых ресурсов. Изыскать их можно было только путем перераспределения средств внутри страны. В налогово-повинностной системе государства 1930–1950-х гг. важное место занимала натуроплата колхозами работ МТС. Производственная система «МТС – колхозы» была ориентирована преимущественно на выращивание зерновых. Государственные машинно-тракторные станции являлись материально-технической базой колхозного строя, они механизировали наиболее трудоемкие операции в земледелии.

В 1933 г. была отменена существующая до этого смешанная денежно-натуральная система расчетов колхозов с машинно-тракторными станциями по неизменным («твердым») расценкам. Вместо этого оплата работ, произведенных МТС, должна была производиться только натурой, а ее объем – составлять установленную долю от полученного колхозом урожая. Полный цикл сельхозработ стоил 20 % валового сбора зерна. В том случае, если МТС производила не все основные сельхозработы, колхоз оплачивал отдельно каждую операцию. По зерновым культурам устанавливались следующие размеры натуроплаты: за весновспашку и подъем паров – 10 % урожая, зяблевую пахоту – 9, посев – 3, косьбу – 4, молотьбу – 8 %. С 1934 г. схема расчетов с МТС вновь изменилась. Вводились зависящие от уровня урожайности плавающие расценки полного цикла и отдельных видов работ. По уровню урожайности зерновых и подсолнечника колхозы делились на 7 разрядов. Хозяйство, отнесенное в более высокий разряд, платило больше.

Ставки исчисления объема натуроплаты напрямую зависели от того, насколько объективно определялась урожайность. Органы государственного учета фиксировали видовую (биологическую) урожайность, которая была выше фактической (амбарной) – всле-

дствие потерь зерна при уборке – на 20–40 %. Таким образом, колхозам приходилось оплачивать работу МТС по существенно завышенным нормам. Видовая оценка урожая давала представление о максимуме возможных сборов зерна и позволяла государству выжать из колхозной деревни дополнительные ресурсы. Уже в конце второй пятилетки в общем объеме хлебозаготовок натуроплата превышала обязательные поставки колхозов, на нее приходилось более половины собранного государством зерна.

Порядок начисления и взимания натуроплаты за работу МТС характеризует суть взаимоотношений государства и колхозов. Колхозы распределялись по группам урожайности без серьезного учета природно-климатических условий и экономики хозяйства, и тем самым создавались условия для директивного повышения объема натуроплаты. Нередко размеры натуроплаты устанавливались из простой необходимости покрытия государственного дефицита в продуктах сельского хозяйства.

В послевоенные годы роль натуроплаты в структуре государственных заготовок хлеба еще более возрастает. Основные принципы ее взимания сохранились, хотя некоторые параметры начисления изменились. Пик заготовок хлеба по натуроплате пришелся на 1952 г., когда таким путем в закрома государства было засыпано более 60 % хлеба, сданного колхозами, а остальная часть – через обязательные поставки, возврат семенной ссуды и другие поступления. При этом в 1950–1952 гг. государственные закупки хлеба в колхозах совершенно не производились.

В структуре формирования общего фонда зерна в стране, с учетом совхозов и индивидуальных сдатчиков, натуроплата также преобладала. В 1950–1955 гг. ее удельный вес колебался в пределах 44–53 %. Сверхнормативное изъятие хлеба из колхозов заставляло их брать у государства семенную ссуду, размер которой был весь значительным. Ее возврат – это фактически движение из колхозов и обратно одной и той же массы зерна. Если семенную ссуду исключить из баланса хлебозаготовок, то роль натуроплаты в формировании государственного хлебного фонда еще более возрастает.

В 1952 г. доля натуроплаты в хлебозаготовках колхозов, без учета семенной ссуды, составила 62,9 %, а в общих заготовках по стране – 55,0 %. В последующие годы, когда стали производиться закупки хлеба в колхозах и были уменьшены нормы начисления натуроплаты за работы МТС, удельный вес натуроплаты оставался очень высоким.

Вопрос начисления натуроплаты за работы МТС находился в центре внимания руководства страны на протяжении всего периода существования системы «МТС – колхозы». По большому счету это был вопрос планирования и проведения хлебозаготовок. Натуроплата стала одним из основных каналов перераспределения ресурсов деревни в пользу государства. Сверхнормативное изъятие государством производимой колхозами продукции, в первую очередь через натуроплату тракторных работ, лишало колхозников стимула к труду. Для исправления ситуации требовалось отрегулировать экономико-правовые основы взаимоотношений колхозов и МТС, перестроив их на взаимовыгодные. Вместо этого руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым принимает ошибочное решение о ликвидации сложившейся и устойчиво работавшей производственной системы «МТС – колхозы».

УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. Андреенков¹

Реформирование системы заготовок колхозной продукции в СССР в 1950-е гг.

Проанализированы цели и социально-экономические последствия демонтажа системы заготовок колхозной продукции в годы первого постсталинского десятилетия.

Ключевые слова: колхозы, заготовки, аграрная политика государства, сельское хозяйство, Н.С. Хрущев.

В 1950-е гг. в аграрном секторе СССР произошли значимые перемены, обусловленные проведением мер по ускорению темпов разви-

¹ *Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.*

тия сельского хозяйства. Происходил демонтаж основополагающих структур аграрного строя сталинского социализма, в число которых входила система натуральных податей колхозов, гарантировавшая поступление сельхозпродукции в государственные фонды.

Создавая колхозы в начале 1930-х гг., руководство СССР полагало, что сельхозпроизводство возрастет и появится возможность закупать у хозяйств продукцию в достаточном количестве и по выгодным для государства ценам. Однако в ходе коллективизации производство сельхозпродуктов сократилось, их пришлось изымать у колхозов с помощью таких фактически налоговых инструментов, как обязательные поставки, контрактация, натуроплата МТС. «Излишки» продукции сельхозартели де-юре могли оставлять у себя, однако де-факто они продавались государству по закупочным ценам, которые были выше заготовительных, но ниже рыночных.

В 1930–1940-е гг. колхозная система выполнила стоявшую перед ней задачу тотальной мобилизации ресурсов деревни для общегосударственных нужд. Следующей ее целью становилось увеличение объемов сельхозпроизводства в условиях сокращения трудовых ресурсов села, т.е. посредством повышения производительности труда, его интенсификации.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. часть советских функционеров связывала решение этой задачи с развитием у колхозников материальной заинтересованности к труду в артельном хозяйстве, что, в частности, предусматривало повышение заготовительных и закупочных цен. Подобные установки стали реализовываться только после смерти И.В. Сталина. Цены на произведенную колхозами сельхозпродукцию были существенно подняты по предложению Г.М. Маленкова в августе 1953 г. В октябре 1955 г. в правительстве рассматривалась возможность перехода от нескольких каналов поступления колхозной продукции в общественные фонды к одному – госзакупкам, осуществляемым по экономически обоснованным ценам. В 1956–1957 гг. в полной мере осуществлять эти планы не стали из-за невозможности вернуть вложенные государством средства. Позволявшее их компенсировать повышение

розничных цен на продовольствие проводить не планировалось. Решить проблему можно было путем увеличения производительности труда колхозников.

Правительство полагало, что работники сельхозартелей будут трудиться интенсивнее, если дать им большую самостоятельность. В рамках этой стратегии в 1954 г. колхозникам предоставили право устанавливать минимум трудодней, в 1955 г. – утверждать план развития производства, в 1956 г. – вносить изменения в устав артели и определять круг получателей авансовых выплат. В то же время проводились и организационные меры, такие как укрупнение колхозных бригад и хозяйств в целом, создание колхозами и МТС общего органа управления техникой, что позволяло повысить ее производительность и др.

Осуществление этих мер к необходимым результатам не привело. Способствовав повышению доходности колхозов и колхозников, оно не обеспечило достаточного роста производительности труда. Имели место признаки демобилизации колхозного производства – уменьшение минимума трудодней, завышение размеров ЛПХ, увеличение числа работников, уклонявшихся от труда в общественном хозяйстве, принятие пониженных плановых показателей. Попытки остановить деструктивные процессы в колхозной системе путем пополнения председательского корпуса работниками промышленности, госучреждений и организаций успеха не имели. Рост производства сельхозпродукции обеспечивался в основном за счет экстенсивных факторов.

Тем не менее, Н.С. Хрущев настаивал на незамедлительном проведении реформы системы заготовок. В 1958 г. обязательные поставки, контрактацию и натуроплату МТС отменили, задолженности по ним списали. Продукция сельхозартелей стала поставляться государству только в порядке закупок по единым ценам. Они сделали рентабельным растениеводство, однако животноводство оставалось убыточным. В этом же году по требованию Н.С. Хрущева колхозам стала продаваться техника МТС. Ее выкуп не стал, как планировалось, для хозяйств добровольной акцией, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую их в долги. Дефицит

средств в колхозах, связанный с возросшими расходами на покупку и содержание техники и не компенсирующийся новыми закупочными ценами, стал одной из причин сокращения объемов производства и заготовок сельхозпродукции в начале 1960-х гг.

Таким образом, государственная аграрная политика, направленная на превращение колхозов в самостоятельные субъекты хозяйствования и использование преимуществ товарно-денежных отношений, себя не оправдала. В связи с этим Н.С. Хрущев считал правильным начать быстрое огосударствление колхозов путем преобразования их в совхозы. Однако совхозная система, благодаря которой государство получало большую долю валового производства сельскохозяйственной продукции и возможность инвестировать больше средств в хозяйственную и социальную инфраструктуру села, обостряла ставшую традиционной проблемой советского аграрного строя – отчуждение работника от результатов своего труда.

УДК 94(47).084.8/084.9

А.И. Шевельков¹

Политика государства по обеспечению государственных резервов сельскохозяйственной продукцией (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.)

Рассматривается политика государства по обеспечению государственных резервов сельхозпродукции во второй половине 1940-х – 1970-е гг. Сделан вывод, что основным методом изъятия в колхозах и совхозах дополнительных продовольственных ресурсов в указанный период стали разверстываемые на сельхозпредприятия повышенные социалистические обязательства.

Ключевые слова: аграрная политика, заготовки сельхозпродукции, государственные резервы, колхозы, совхозы.

В засуху 1946 г. и два последующие года по поручению И.В. Сталина в зерносеющие регионы и районы, не пострадавшие

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

от засухи, направлялись полномочные представители Политбюро ЦК, которые, используя методы продрозверстки, добивались выполнения и перевыполнения планов госзакупок. Тяжелым последствием вызванного государственной политикой голода стала смерть около 1 млн сельских жителей.

Использование методов продрозверстки, по сути, сохранилось и в последующие десятилетия. Но в отличие от 1920-х гг., они применялись не к крестьянским хозяйствам, а к колхозам, и реализовались в форме навязанных сверху повышенных обязательств по сдаче сельхозпродукции. Политика укрупнения колхозов и их преобразования в совхозы также была призвана наполнить госрезервы продовольствием. Вместо того чтобы повышать закупочные цены на сельхозпродукцию, делать ее производство рентабельным, государство формирует систему изъятия доходов сельхозпредприятий. Через налоги, обязательное страхование хозяйств, высокие цены на материально-технические ресурсы, низкие закупочные цены государство фактически ухудшает их экономическое положение.

Согласно информации Госплана, направленной в ЦК КПСС (март 1965 г.), серьезные недостатки в действующем порядке реализации товарной продукции сельского хозяйства отражались на его состоянии и жизненном уровне колхозников и работников совхозов. Товарная продукция зерна, мяса и молока почти полностью реализовывалась в порядке госзакупок. Закупочные цены на эту продукцию не возмещали затрат хозяйств на ее производство. Как отмечал Госплан, госзакупки, по существу, наносили ущерб развитию производства, так как в планы госзакупок включалась не только товарная продукция, но и значительная часть валовой продукции, которая должна была направляться на расширение производства, натуральную оплату труда колхозников и продажу по льготным ценам рабочим совхозов.

Под видом выполнения повышенных социалистических обязательств хозяйства заставляли сдавать государству практически всю продукцию, и они были вынуждены перед севом зерновых культур обращаться к государству за семенами, зернофуражом и продо-

вольственным зерном. Даже в наиболее урожайном в первой половине 1960-х гг., 1964 г., на производственные нужды и для выдачи колхозникам хозяйства выделили на 1,2 млн т зерна меньше, чем в 1962 г. Если в 1960 г. колхозники получили из колхозов 108 млн ц, то в 1963 г. – 75 млн ц зерна.

С каждым годом росли объемы продажи хозяйствам зерна на семена и фуражные цели, что свидетельствовало о существовании несправедливой системы закупочных цен. Так, в 1962 г. на семенные цели государство продало 1 млн 373 тыс. т зерна, в 1965 г. – около 2 млн т.

Неритмичность поставок зернофуража из государственных резервов приводила к перебоям в кормлении скота, снижению привеса и нерациональному использованию поступающего зернофуража, который шел на поддерживающее кормление, а не на повышение продуктивности животных.

На мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС руководство партии признавало, что планы закупок зерна были нереальны и несовершенны. Об этом свидетельствовали результаты предыдущих лет: за 1955–1964 гг. планы закупок зерна выполнялись только три раза – в 1956, 1958 и 1964 гг.

Понимая, что установленные объемы закупок зерна приводят к ухудшению экономического состояния сельского хозяйства, росту числа убыточных предприятий, Президиум ЦК, а затем и пленум ЦК КПСС, по рекомендации Госплана СССР, установили твердые, неизменные на пятилетку объемы закупок зерна, предложив продавать хлеб сверх установленного планом задания по повышенным ценам. Однако и сокращенные объемы заготовок ложились тяжелым бременем на хозяйства, которые не хотели продавать зерно сверх плана даже по повышенным ценам. Подобное поведение вызвало негативную реакцию руководства страны. На декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев констатировал: объемы производства зерна в стране растут, но одновременно хозяйства все больше хлеба оставляют для собственных нужд. Он был возмущен и тем, что на селе торгуют мясом из госрезервов, и пригрозил виновным наказанием.

Хотя июльский (1970 г.) пленум ЦК сохранил практику твердых объемов закупок хлеба на 1971–1975 гг., формирование госрезервов вновь стало осуществляться через обязательные сверхплановые продажи зерна, которые составляли 35 % к твердому плану заготовок зерновых и 10 % от плана сдачи животноводческой продукции.

УДК 94(47).084.9

Д.С. Орлов¹

**Влияние неформальных налоговых отчислений
на экономическое положение сельхозпредприятий
Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1970-е гг.**

Анализируется влияние неформальных налоговых отчислений на экономическое положение сельхозпредприятий. Сделан вывод, что смягчение налогового бремени в середине 1960-х гг. способствовало подъему сельского хозяйства, а его увеличение в 1970-е гг. обусловило последующее снижение темпов развития отрасли. *Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, налоговая система, колхозы, совхозы, Западная Сибирь.*

Директивное планирование и сверхнормативное налогообложение являлись основой функционирования советской аграрной экономики. Во второй половине 1960-х гг. в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств верховное руководство страны приняло меры по ограничению директивных начал в управлении сельским хозяйством, сделав ставку на увеличение капиталовложений и уменьшение налогового бремени.

Реализация решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС на первых порах была эффективной. В Западной Сибири объем валовой продукции в 1966–1970 гг. увеличился по сравнению с предшествующим пятилетием на 20 %. Зерна было произведено на 40 % больше, чем в 1961–1965 гг., мяса – на 22 %, яиц – на 28,2 %. Существенно выросла рентабельность производства. Однако уже в начале 1970-х гг.

¹ Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, orlovd2010@mail.ru, Россия, г. Бийск.

экономическое положение сельхозпредприятий ухудшилось, что во многом было связано с введением практики отчисления в различные фонды 12 % полученной ими плановой и 90 % внеплановой прибыли. Подобные изъятия, хотя юридически и не являлись налогами, фактически носили обязательный характер и проводились без согласия сельхозпроизводителей. Так, полученная в 1966 г. чистая прибыль колхозов Тюменской области в размере 21,1 млн руб. была распределена следующим образом: 1,7 млн руб. – подоходный налог, 12,3 млн руб. – отчислено в неделимые фонды, 351 тыс. руб. – в фонд помощи и пенсионного обеспечения колхозников, 941 тыс. руб. – в фонд культурно-бытовых нужд, 545 тыс. руб. – в фонд премирования и 2,1 млн руб. были изъяты в резервный фонд.

За 1970–1976 гг. совхоз «Чикский» Коченевского района Новосибирской области получил прибыль 7,9 млн руб., из которых 12 % взыскали в страховой фонд Министерства сельского хозяйства РСФСР, 22 % было отчислено в страховой фонд совхоза (позже эти средства были изъяты). В резерв Министерства сельского хозяйства РСФСР сельхозпредприятие перечислило из своей прибыли 14 % средств. Остаток сверхплановой прибыли был изъят производственным управлением сельского хозяйства. На 1 января 1977 г. хозяйство имело задолженность по ссудам Госбанка 4,5 млн руб., т.е. почти на ту сумму, которая была изъята у него на различные нужды.

Неустойчивое финансовое положение сельхозпредприятий приводило к тому, что они стали чаще привлекать кредиты Государственного банка. Задолженность колхозов и совхозов Томской области государству по долгосрочным и краткосрочным кредитам выросла с 29 млн руб. в 1965 г. до 500 млн руб. в 1980 г. Значительная часть суммы кредита была просроченной.

Неформальные и формальные налоговые изъятия в сочетании с нарастающей неэквивалентностью закупочных цен приводили к снижению экономических показателей сельхозпредприятий. Так, если в 1965 г. рентабельность колхозного производства составляла в Западной Сибири +22,1 %, то в 1975 г. – +5,0 %. В 1980 г. колхозное производство стало убыточным (–2,6 %). Уровень рентабельности совхозов региона сменился с +12,1 % в 1975 г. до –2,1 % в 1980 г.

УДК 94(470)"1992..."

*Н.А. Серогодский*¹

**Особенности налогообложения сельхозпроизводителей
в постсоветский период**

Анализируется процесс формирования новой системы налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей в России в период перехода к рыночной экономике. Сделан вывод, что единый сельскохозяйственный налог снизил налоговую нагрузку на аграрный сектор.

Ключевые слова: аграрная политика, налоговая реформа, единый сельскохозяйственный налог, земельный налог, сельскохозяйственные товаропроизводители.

Переход России к рыночной экономике вызвал необходимость создания новой фискальной системы, отвечающей современным требованиям. Проводимая в стране налоговая реформа коснулась и аграрного сектора. Современная система налогообложения сельского хозяйства была введена в 1992 г. В последующие годы она корректировалась путем введения дополнительных налогов или отмены уже существующих, но коренных изменений в налоговой системе не происходило. Наибольший удельный вес в платежах субъектов, занятых сельским хозяйством, составляли НДС и земельный налог, а с 2001 г. стал применяться специальный налоговый режим в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН). Его введение было направлено на упрощение порядка налогообложения субъектов сельского хозяйства, а также изъятие рентного дохода, образующегося в отрасли.

В 2002–2003 гг. действовал рамочный федеральный закон, предусматривающий право субъектов Федерации вводить соответствующий режим на региональном уровне. Этим правом воспользовались лишь Краснодарский край и Брянская область. В соответствии с положениями прежней редакции Налогового кодекса РФ налоговая ставка по ЕСХН устанавливалась в рублях с одного сопоставимого по кадастровой стоимости сельхозгектара.

¹ *Серогодский Николай Александрович*, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянск-на-Кубани.

Практика применения единого налога выявила ряд серьезных недостатков, главным из которых явилась неспособность значительной части сельхозпроизводителей использовать специальный налоговый режим. Это, в конечном итоге, привело к введению принципиально иного подхода к обложению отрасли. С 2004 г. действует новая редакция главы «Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог)», которая может применяться параллельно с другими режимами налогообложения. Платят налог российские организации и индивидуальные предприниматели, являющиеся товаропроизводителями, добровольно перешедшие на уплату ЕСХН. Компании и предприниматели, наделенные аналогичным статусом, но не изъявившие желания перейти на уплату ЕСХН, по умолчанию применяют иные системы налогообложения.

Статус лиц, относящихся к сельхозтоваропроизводителям, постоянно уточняется. К ним относятся организации и индивидуальные предприниматели, которые осуществляют производство, первичную и промышленную переработку (в том числе, на арендованных основных средствах) сельскохозяйственной продукции с последующей ее реализацией. Доля дохода от реализации произведенной сельхозпродукции в общем доходе от сбыта товаров (выполнения работ, услуг) должна составлять не менее 70 %.

Структура налоговых обязательств по ЕСХН в федеральных округах страны в 2007 г. была следующей. Половина общих обязательств по налогу сформировалась в Южном федеральном округе. На Центральный и Приволжский федеральные округа приходилось по 15 % суммарных налоговых обязательств, на Сибирский – 10, Уральский – 4, Северо-Западный и Дальневосточный – по 3 %.

Вариант ЕСХН в редакции Налогового кодекса РФ образца 2004 г. (налоговая база – «доходы за вычетом расходов») значительно снизил уровень налоговой нагрузки в целом на аграрный сектор. При этом, общий уровень налоговых обязательств в 2004–2007 гг. во всех субъектах Федерации, применявших этот

налог, был сопоставим с уровнем налоговых обязательств налогоплательщиков одного только Краснодарского края за полугодие 2002 г. при прежнем варианте ЕСХН (налоговая база – «сопоставимая по кадастровой стоимости стоимость сельскохозяйственных угодий»).

Введение ЕСХН имеет следующие положительные аспекты: а) сокращается количество начисляемых и уплачиваемых налогов; б) сокращается сумма уплачиваемых налогов для слабых и средних хозяйств; в) упрощается ведение бухгалтерского учета; г) вводится добровольность выбора режима налогообложения. К отрицательным последствиям относится то, что для предприятий с высоким уровнем производства теряется сумма возмещаемого бюджетом НДС. Кроме того, из перечня организаций, не имеющих право применять ЕСХН, исключены организации, имеющие филиалы и (или) представительства.

Таким образом, единый сельскохозяйственный налог снизил налоговую нагрузку на аграрный сектор, однако, и он нуждается в дальнейшем совершенствовании в интересах всех сельхозпроизводителей.

УДК 94(470)"199"

И.В. Логунова¹

Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях аграрного реформирования 1990-х гг.

На материалах центрально-черноземных областей выявляются особенности налогообложения основных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях реформирования аграрного строя в 1990-е гг.

Ключевые слова: налогообложение, фермеры, сельскохозяйственные предприятия, Центральное Черноземье.

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

Реформирование аграрного строя в 1990-е гг. повлекло за собой изменение системы налогообложения сельхозтоваропроизводителей. Налогообложению подлежали такие их категории, как сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства. Личные подсобные хозяйства населения, являясь по сути вспомогательными, налогами не облагались.

В начале аграрных преобразований был взят курс на предоставление сельхозтоваропроизводителям налоговых льгот. Налог на землю не должен был превышать 10 %. Однако, несмотря на это, тяжесть обложения оставалась высокой. Косвенные налоги, число и размеры которых постоянно увеличивались, сводили на нет льготы, предоставлявшиеся при уплате прямых налогов. В результате задолженность сельхозтоваропроизводителей перед бюджетом год от года росла.

Сложившаяся в сельском хозяйстве система налогообложения была направлена, прежде всего, на осуществление фискальной функции. Налоги взимались в основном с целью пополнения бюджета и внебюджетных фондов. Задачи развития и стимулирования производства при этом не ставились.

Финансовая отчетность сельхозпроизводителей не отличалась прозрачностью. Примерно третья часть финансовой деятельности сельхозпредприятий находилась в сфере неформальной экономики, следовательно, результаты этой деятельности были скрыты от налоговых органов. Далеко не все фермеры подавали в налоговую службу полные сведения.

В рамках политики оказания государственной поддержки фермерским хозяйствам их владельцы в сравнении с другими товаропроизводителями получили большое количество налоговых льгот. В течение пяти лет с момента образования они освобождались от уплаты земельного и подоходного налогов. Как предприятия по производству и переработке сельхозпродукции они не платили налог на имущество и налог на прибыль от реализации собственной сельхозпродукции. При условии, если удельный вес доходов от ее реализации составлял более 70 %, фермеры освобождались от уплаты налогов в дорожные фонды. НДС платился

только при наличии высокого оборота от реализации. По решению местных властей фермерские хозяйства могли освобождаться и от уплаты некоторых местных налогов. Так, в Липецком районе Липецкой области фермеры не являлись плательщиками целевых сборов на содержание милиции и благоустройство территории. Имели место и случаи уклонения фермеров от налоговых обязанностей. В 1993 г. в результате проверок налоговой инспекции в Добринском районе Липецкой области обнаружилось, что многие фермеры не перечисляли средства в Пенсионный фонд, а каждый пятый сознательно не учитывался о структуре своих посевов.

Налоговое бремя сельхозпредприятий было тяжелее. Помимо подоходного налога и налога на добавленную стоимость, им требовалось платить налоги на прибыль, на имущество, на землю, на транспорт, дороги, а также региональные и местные сборы. Как организации-работодатели они делали обязательные отчисления в государственные внебюджетные фонды – в общей сложности в размере 30 % от начисленной оплаты труда. В результате существенно возросла общая тяжесть налогообложения сельхозпредприятий, исчисляемая как отношение налогов к сумме выручки от реализации продукции. С 1991 по 1995 г. процент отчислений налогов к выручке от реализации увеличился с 2,9 % до 9,3 %. В 1992 г. СХПК «Восход» Мичуринского района Тамбовской области заплатил 30 млн руб. налогов, что значительно превысило сумму, пошедшую на выплату заработной платы.

В 1990-е гг. в структуре налогообложения сельхозпредприятий львиную долю занимали косвенные и специальные налоги. В 1995 г. в Воронежской области их удельный вес достиг 80 %. Во второй половине 1990-х гг. возникла тенденция на увеличение доли прямых налогов. С 1995 по 1998 г. в Воронежской области она возросла с 20 % до 33 %. Несмотря на это преобладание косвенных и специальных налогов сохранилось.

УДК 93(47)

*П.С. Кабытов*¹

**Самарская научная школа историков-аграрников:
разработка проблем аграрной истории
и их интеграция в новые научно-исследовательские проекты**²

Рассматривается вклад самарской научной школы в изучение аграрной истории Поволжья. Показана роль научно-исследовательских проектов в интеграции усилий историков.

Ключевые слова: историография, аграрная история, крестьянство, научно-исследовательские проекты, Поволжье.

Изучение аграрной истории Среднего Поволжья вплоть до середины 1970-х гг. велось в жестких идеологических рамках марксистско-ленинской методологии. Но уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в ходе дискуссий об уровне и особенностях аграрного строя России и многоукладности российской экономики была осознана необходимость комплексного анализа различных сторон жизни российского крестьянства и его взаимодействия с другими социальными слоями населения и властными структурами. В этой связи в университетском сообществе Поволжья возникла идея объединить усилия историков-аграрников и создать крупный коллектив в форме средневолжского объединения историков-аграрников. У истоков объединения были виднейшие историки Поволжья И.М. Ионенков, Е.И. Медведев, Ю.И. Смыков и Е.И. Индова, возглавлявшая с 1960 г. Комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР (впоследствии Институт истории СССР, Институт Российской истории).

Современный подъем исторической науки стал возможен благодаря потенциалу, накопленному столичными и местными историками во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.

¹ *Кабытов Петр Серафимович*, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-01-00081).

Именно в эти годы был заложен фундамент для глубокого всестороннего исследования важнейших особенностей исторического развития региона. Работы наиболее серьезных исследователей базировались на введении в научный оборот ранее неизвестных источников, использовании новых источниковедческих приемов, расширении тематики работ. К поколению исследователей этого времени в Поволжско-Уральском регионе относятся такие историки как И.Д. Кузнецов, В.Д. Дмитриев (Чебоксары), А.С. Патрушев, Г.А. Архипов (Йошкар-Ола); В.И. Лебедев (Пенза), М.В. Дорожкин, Н.В. Заварюхин (Саранск), И.М. Ионенко, Ю.И. Смыков, Е.П. Бусыгин (Казань), Х.Ф. Усманов, Р.Г. Кузеев (Уфа), Е.И. Медведев, Н.Л. Клейн, П.С. Кабытов (Самара) и ряд других. Благодаря их исследованиям были выявлены важнейшие особенности исторического развития всего региона и отдельных его территорий, рассмотрены процессы взаимовлияния культур народов, населявших край; создана цельная картина истории края в эпоху становления и развития капиталистических отношений, развития помещичьего и крестьянского хозяйства и т.д.

Большое значение для советской региональной историографии имели монографии Н.Л. Клейн [3], П.С. Кабытова [2], Ю.И. Смыкова [5], где была сформулирована цельная концепция экономического развития Поволжья, основанная на широчайшем спектре источников. Новые данные были получены о реальном взаимодействии помещиков и крестьянских хозяйств, развитии зернового производства и животноводства, а также создании в регионе инфраструктуры, которая ускоряла модернизационные процессы в сельском хозяйстве страны.

Современная региональная наука вышла на качественно иной уровень – перешла к созданию обобщающих монографий, как по отдельным территориям, так и по всему Поволжско-Уральскому региону, к подготовке крупных энциклопедических изданий. В 1990–2000-х гг. изучение экономики региона активизировалось. Поволжские ученые предприняли исследование новых сюжетов аграрной истории региона. Образ русского крестьянина был талантливо преподнесен в монографии П.И. Савельева [4]. Исследо-

вание Н.Ф. Тагировой посвящено истории хлебной торговли Поволжья второй половины XIX – начала XX в. [6]. Укажем также на важную историографическую роль, которую сыграли и играют сборники материалов поволжских конференций историков-аграрников или всероссийских и международных научных форумов с более широкой тематикой.

Принципиально новым историографическим явлением стали попытки написания обобщающих исследований. В монографии самарских историков Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова и Н.Ф. Тагировой проанализировано промысловое хозяйство и предпринимательство в XVII в., развитие инфраструктуры и земледельческое производство Среднего и Нижнего Поволжья и прилегающих к ним территорий Приуралья в XIX – начале XX в. [1]. Эти идеи были развиты на более концептуальном уровне в ходе работы в рамках проекта при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» «Обретение родины: Средняя Волга и Заповолжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)». В центре внимания – характер и особенности социально-экономического, административно-политического и культурного развития Средневолжского региона, формирование социокультурного облика и региональной идентичности населения.

Анализу достижений российской и зарубежной историографии в области изучения аграрной истории России посвящен проект поволжских историков осуществляемый при поддержке РГНФ «Аграрная история России XX века: историография и источники». Изучение вышедшей в последние годы литературы, в которой, в частности, рассматриваются и проблемы истории Поволжья, показало, что интерес к региональной тематике и попытки увязать ее с общероссийскими и мировыми проблемами получили новые импульсы. В значительной степени это связано с новыми геополитическими вызовами, с формированием современной методологии, уточнением тех положений, которые в настоящее время выглядят устаревшими.

Литература

1. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004.
2. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
3. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в. Саратов, 1981.
4. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России: XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.
5. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование). М., 1984.
6. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1999.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

А

Акманов А.И. 64
Александров Н.М. 67
Алиева Л.В. 158
Андреев С.Н. 197
Артамонова Л.М. 61

Б

Баринова Е.П. 110
Безгин В.Б. 136
Белова И.Б. 124
Берлов А.В. 153
Бершадская О.В. 164
Беспалов С.В. 87
Будкина Ю.Б. 108
Букалова С.В. 127

Г

Галлямова А.Г. 187
Голубинский А.А. 52
Гончарова И.В. 168

Д

Дмитриева З.В. 15
Дубман Э.Л. 43

Е

Есиков С.А. 161
Есикова М.М. 161

И

Иванов А.А. 158
Иванов А.Г. 18
Иванов В.И. 26
Иванова Е.Г. 150
Иващенко В.А. 133
Ильиных В.А. 171

К

Кабытов П.С. 210
Кабытова Н.Н. 130
Камараули Е.В. 34
Карпачев М.Д. 96
Кириллов А.К. 70
Киселев М.А. 58
Ковалев Д.В. 143
Ковалева Н.А. 141
Кознова И.Е. 190
Кометчиков И.В. 181
Комиссаренко А.И. 46
Кондрашин В.В. 174
Корнилов Г.Е. 179
Корновенко С.В. 133
Крылова А.Н. 82
Кухаренко А.А. 105

Л

Логунова И.В. 207
Лыкова В.В. 85

М

Мазур Л.Н. 192
Манькова И.Л. 40

Н

Наухацкий В.В. 177
Никитина Н.П. 75
Никулин В.Н. 72

О

Орлов Д.С. 203
Оськин М.В. 119

П

Панова А.Е. 79
Полх П.П. 184
Пугач И.В. 28

Р

Ратушняк В.Н. 113
Роголина Н.Л. 168
Роднов М.И. 90
Рынков В.М. 138

С

Саблин В.А. 166
Сафонов Д.А. 102
Свердлов М.Б. 3
Серогодский Н.А. 205
Сидоренко Т.Н. 164
Смирнов Ю.Н. 55
Соколова Н.В. 37
Степанова Л.Г. 7
Страхов В.В. 116
Сухова О.А. 93

Т

Тагирова Н.Ф. 122
Тимошенкова З.А. 31
Токарев Н.В. 99
Томилин В.Н. 194

Ф

Филимонов В.Я. 146
Фролов А.А. 10

Х

Хитров Д.А. 52

Ч

Черкасова М.С. 12
Черненко Д.А. 21, 52
Черников С.В. 49
Чеченков П.В. 21

Ш

Шевельков А.И. 200

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ I СЕКЦИИ Киевская Русь – середина XIX в.

М.Б. Свердлов

Хронология, типология исторических источников, методы изучения налогов и повинностей сельского населения на Руси X–XI вв. 3

Л.Г. Степанова

Фискальная политика Московского государства и бюджет крестьянского хозяйства Новгородской земли в конце XV – начале XVI в. 7

А.А. Фролов

Древнейшая русская писцовая книга:
результаты и перспективы исследования 10

М.С. Черкасова

Плуг и поплужное на Устюге в XV–XVII вв. 12

З.В. Дмитриева

Налоги и повинности населения Новгородской земли
в «смутное время» (1611–1617) 15

А.Г. Иванов

Ясачная практика налогов и повинностей в марийской деревне
Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XVIII в. 18

Д.А. Черненко, П.В. Чеченков

Сведения о четвертной пашне писцовой книги Нижегородского уезда
1621/22 – 1623/24 гг. в свете изучения барщины и налогообложения
в России первой половины XVII в. 21

В.И. Иванов

Соотношение государственных, владельческих и мирских податей
и повинностей монастырских крестьян Поморья в XVII в. 26

И.В. Пугач

Сошный оклад и государственный бюджет в середине XVII в.
(по материалам черносошных уездов Устюжской четверти) 28

З.А. Тимошенкова

Государственные повинности крестьян Иверской вотчины
во второй половине XVII в. 31

Е.В. Камараули

Фискальная политика государства на Юге России в XVII в. 34

Н.В. Соколова

Роль крестьянской общины в системе налогово-повинностных практик
XVII – первой четверти XVIII в. (на материалах монастырских вотчин
Центральной России). 37

И.Л. Манькова

Государственные повинности крестьян монастырей Урала в XVII в. 40

Э.Л. Дубман

Организация производства и повинности населения в крупной
промышленной вотчине XVII в. (на примере Надинского Усолья). 43

А.И. Комиссаренко

Фискальная политика и налоговая практика на Вятке
в первой половине XVIII в. 46

С.В. Черников

Населенность крестьянского двора как фактор доходности имения
и тяглоспособности крестьян (по материалам переписей 1730-х гг.). 49

Д.А. Хитров, А.А. Голубинский, Д.А. Черненко

Мосты, перевозки и сборы с них в XVIII в. 52

Ю.Н. Смирнов

Влияние налоговой политики на заселение и аграрное освоение
Самарского Заволжья в XVIII – первой половине XIX в. 55

М.А. Киселев

К вопросу о влиянии инфляции на реальный рост прямых налогов
в эпоху Петра I 58

Л.М. Артамонова

Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья
в наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II 61

А.И. Акманов

Организация материального и финансового обеспечения землемеров
Генерального межевания в Оренбургской губернии 64

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ II СЕКЦИИ
Вторая половина XIX – начало XX в.

Н.М. Александров

Расходы на налоги и повинности в бюджете российского пореформенного крестьянства. 67

А.К. Кириллов

Движение к подоходному налогу: крестьянская община в налоговой системе капиталистической России 70

В.Н. Никулин

Община и крестьянские недоимки (по материалам Северо-Запада России второй половины XIX – начала XX в.) 72

Н.П. Никитина

Бюджет крестьянского самоуправления в пореформенный период на Северо-Западе России. 75

А.Е. Панова

Способы раскладки налогов крестьянскими сходами в начале XX в.: к постановке проблемы 79

А.Н. Крылова

Материалы раскладок земского сбора как источник по истории землевладения Мелитопольского уезда. 82

В.В. Лыкова

Налоги и недоимки государственных крестьян и колонистов Южной Украины в XIX в. 85

С.В. Беспалов

Проблема влияния таможенно-тарифной политики правительства на финансовое положение русской деревни на рубеже XIX–XX вв. в общественной мысли России 87

М.И. Роднов

Налогообложение крестьянства Уфимской губернии: взгляд М.П. Красильникова 90

О.А. Сухова

Крестьянство и налоговая система в условиях революции в России: возможности и пределы адаптации 93

М.Д. Карпачев

Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX в. 96

Н.В. Токарев

Экономические мероприятия в бюджетной политике земских учреждений Тамбовской губернии в период столыпинских реформ. 99

Д.А. Сафонов

«Отказ от исполнения повинностей» как форма социального протеста 102

А.А. Кухаренко

К вопросу о роли Крестьянского поземельного банка в регулировании финансового положения крестьян (по материалам белорусских губерний) 105

Ю.Б. Будкина

Некоторые аспекты становления кредитной кооперации и ее роль в финансово-экономической жизни рязанской деревни в конце XIX – начале XX столетия 108

Е.П. Баринова

Роль сословных капиталов в бюджете дворянских хозяйств 110

В.Н. Ратушняк

Воинская и другие повинности российского казачества на рубеже XIX – XX вв. 113

В.В. Страхов

К вопросу о доходах российского крестьянства в период Первой мировой войны 116

М.В. Оськин

Социальная политика государства в деревне Центральной России в период Первой мировой войны: экономическая ситуация на селе накануне Февраля. 119

Н.Ф. Тагирова

Изменения хлебных цен и финансовое положение российской деревни в 1914–1918 гг. 122

И.Б. Белова

Аграрный сектор тыловых губерний в условиях Первой мировой войны. 124

С.В. Букалова

Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны 127

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ III СЕКЦИИ
1917 г. – современность

Н.Н. Кабытова

Аграрная политика Временного правительства
и крестьянские фискальные требования в 1917 г. 130

В.А. Иващенко, С.В. Корновенко

Налоговая политика Временного правительства в деревне
(февраль–октябрь 1917 г.) 133

В.Б. Безгин

Насилие в борьбе за хлеб (на материалах губерний
Центрального Черноземья) 136

В.М. Рышков

Самарская губерния летом-осенью 1918 г.: аграрная политика Комуча
в контексте продовольственных заготовок 138

Н.А. Ковалева

Война за хлеб в украинской деревне в 1919–1921 гг.: характер, методы
и масштабы изъятия продовольствия у крестьян. 141

Д.В. Ковалев

Налогообложение как фактор социально-политической активности
крестьянства в условиях нэпа 143

В.Я. Филлимонов

Налоговая политика государства и «антигородские» настроения
крестьянства в годы нэпа. 146

Е.Г. Иванова

Протестные формы поведения крестьян в процессе самообложения
в пользу кресткомов в начале 1920-х гг. 150

А.В. Берлов

Фискальная политика Советской России и «ножницы цен»
в оценках ученых русской эмиграции 1920-х гг. 153

А.А. Иванов

Общинное самообложение в доколхозной деревне
по материалам Наркомата РКИ РСФСР. 155

Л.В. Алиева

Правовая природа самообложения в деревне 1920-х гг. 158

<i>С.А. Есиков, М.М. Есикова</i>	
Влияние налоговой политики на хозяйственное положение деревни в 1920-е гг.	161
<i>О.В. Бершадская, Т.Н. Сидоренко</i>	
Особенности налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы нэпа	164
<i>В.А. Саблин</i>	
Сельскохозяйственный налог в 1921–1930 гг.: основные этапы эволюции	166
<i>И.В. Гончарова, Н.Л. Роголина</i>	
Хлебозаготовительная политика Советского государства в Центральном Черноземье в 1927–1929 гг.	168
<i>В.А. Ильиных</i>	
Становление и функционирование контракционной системы (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)	171
<i>В.В. Кондрашин</i>	
Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки	174
<i>В.В. Наухацкий</i>	
Роль политотделов МТС в становлении заготовительной системы.	177
<i>Г.Е. Корнилов</i>	
Заготовки сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны на Урале	179
<i>И.В. Кометчиков</i>	
«Черные кассы» колхозов в середине 1940-х – начале 1950-х гг.	181
<i>П.П. Полх</i>	
Калининградские крестьяне-переселенцы и заготовительная политика послевоенного десятилетия.	184
<i>А.Г. Галлямова</i>	
Из истории реализации фискальной политики в деревне Татарской АССР в 1920–1950-е гг.: прецеденты конфронтации в местных политических кругах.	187
<i>И.Е. Кознова</i>	
Советская фискальная политика в восприятии российских крестьян	190

Л.Н. Мазур

Бюджеты колхозников 1930–1960-х гг. как источник по изучению
налогообложения крестьянства 192

В.Н. Томилин

Место натуроплаты колхозами работ МТС
в централизованных хлебозаготовках 1930–1950-х гг. 194

С.Н. Андреенков

Реформирование системы заготовок колхозной продукции
в СССР в 1950-е гг. 197

А.И. Шевельков

Политика государства по обеспечению государственных резервов
сельскохозяйственной продукцией (вторая половина 1940-х – 1970-е гг.) . . . 200

Д.С. Орлов

Влияние неформальных налоговых отчислений на экономическое
положение сельхозпредприятий Западной Сибири
во второй половине 1960-х – 1970-е гг. 203

Н.А. Серогодский

Особенности налогообложения сельхозпроизводителей
в постсоветский период 205

И.В. Логунова

Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей
в условиях аграрного реформирования 1990-х гг. 207

П.С. Кабытов

Самарская научная школа историков-аграрников:
разработка проблем аграрной истории
и их интеграция в новые научно-исследовательские проекты 210

Указатель авторов 214

Научное издание

**ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И НАЛОГОВО-ПОВИННОСТНЫЕ ПРАКТИКИ
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ X-XXI вв.**

XXXIV СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Тезисы докладов и сообщений

Ответственный редактор
Швейковская Елена Николаевна

Подписано в печать 26.06.2014. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 13,02. Тираж 100 экз. Заказ